

ЗАБЫТЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Генерал армии Попов

Верховного Главнокомандующего

Генерал-полковнику Попову

Генерал-полковнику

Генералу

Генералу

Генерал-по

Сегодня, 5 августа

французской ВВС

на территории

на территории

на территории

УУ военные
тайны

Военные тайны XX века

Олег Смыслов

**Забывтый полководец.
Генерал армии Попов**

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62

Смыслов О. С.

Забытый полководец. Генерал армии Попов /
О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Военные тайны XX
века)

Новая книга Олега Смыслова рассказывает о судьбе незаслуженно забытого в наше время генерала Маркиана Михайловича Попова. Немногие сейчас помнят это имя, а ведь он в первые месяцы войны отстаивал Ленинград, позже прекрасно проявил себя в Московской битве, внес весомый вклад в освобождение Воронежа, участвовал в Сталинградской битве, провел знаменитую Орловскую операцию, а затем очистил от врага Брянские леса и освободил город Брянск. После войны М. М. Попов продолжал службу, занимался сохранением памяти о Великой Отечественной войне, консультировал съемки художественного фильма «Война и мир» С. Ф. Бондарчука. Трагическая случайность оборвала жизнь советского полководца, и на долгие годы его имя было забыто...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62

© Смыслов О. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Смоленская набережная, дом 5/13	7
110 лет со дня рождения	11
Как Мотя стал красным командиром	14
«Выдающийся командир»	21
Москва, академия...	28
«На границе тучи ходят хмуро»	34
Неизвестная статья-воспоминание	44
«В армии авторитетен»	48
«Впервые вижу генерала без живота»	59
«Слыл непоседой»	71
Часть вторая	84
Командующий войсками Северного фронта	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

О.С. Смыслов

Забытый полководец.

Генерал армии Попов

Дмитрию Валерьевичу Баталееву – внуку полководца посвящая

От автора

Мое знакомство с именем Маркиана Михайловича Попова произошло более 20 лет назад.

В далеком 1992 году я впервые приехал в Центральный архив Министерства обороны. На руках были только справки о ранениях моего деда. И мне очень хотелось тогда узнать хоть что-то о его боевом пути.

Как помню сейчас, это были солнечные и бесподобно теплые сентябрьские дни. В архиве меня встретила Кеменова Валентина Александровна, на тот момент уже около 40 лет возглавляющая коллектив читального зала. Эта изумительная, энергичная и отзывчивая женщина сразу же спросила меня: «А вам это очень нужно?» И когда услышала утвердительный ответ, то оказала самую максимальную помощь, по сути, став моим первым учителем в архивном деле. Огромное ей спасибо за это!

А работалось тогда в удовольствие. В читальном зале стояла буквально мертвая тишина. Генерал-майор авиации Н. Г. Кислицын, еще четыре ветерана войны (дедушки и бабушки) и я, молоденький офицер из Смоленска. Вот, собственно и все на тот момент посетители главного военного архива.

Порадовали и первые документальные находки. Очень скоро выяснилось, что в 1943 г. мой дед воевал на Брянском фронте, а в 1944 г. – на 2-м Прибалтийском. Как оказалось, командующим войсками этих фронтов был генерал армии М. М. Попов.

В общем, там, в Подольске, благодаря моему деду я открыл для себя это имя, о котором известно было немного. Но шли годы, и мой интерес к личности этого военачальника не угасал. Буквально по крупицам я собирал все, что удавалось про него найти. Потом состоялось судьбоносное знакомство с внучкой начальника штаба этих фронтов генерал-полковника Л. М. Сандалова, а спустя еще несколько лет – с внуками и зятем полководца. Словно сама судьба вела меня к написанию этой книги.

Со временем я узнал, что вклад Маркиана Михайловича в нашу Победу поистине велик. И только его трагическая гибель в 1969 году стала одной из причин незаслуженного забвения полководца.

А ведь именно он в 33 года стал заместителем Маршала Советского Союза Блюхера.

Это он в первые месяцы войны отстаивал Ленинград.

Это он в Московской битве отогнал фашистов на 100 километров.

Это он в 1942-м освободил часть Воронежа.

Это он под Сталинградом организовал прорыв и ввод в бой подвижных войск левого крыла фронта.

Это он, временно командуя 5-й танковой армией, провел наступательные бои до р. Калитва на целых 200 километров.

Это он, возглавив подвижную группу Юго-Западного фронта в составе четырех механизированных корпусов, провел операции в тылах немецких войск, форсировал р. Донец, овладел городами Славянск и Краматорск, перерезав все коммуникации немцев.

Это он, будучи командующим Брянским фронтом, подготовил и провел знаменитую Орловскую операцию, а затем очистил от врага Брянские леса и освободил город Брянск.

И самый первый салют в годы Великой Отечественной войны в Москве был дан в честь его фронта!

Образованность, воспитанность, душевность, человечность – и это даже еще не всё, что отличало Маркиана Михайловича от иных его коллег, у которых и его молодость, и его стремительная карьера вызывали не только уважение, но и зависть. К сожалению, ему помогали не только подниматься, но и падать с крутых военных вершин, объясняя это задним числом некоторыми личными слабостями. Однако многочисленные факты говорят о том, что все было далеко не так.

Герой Советского Союза, генерал армии М. М. Попов до последних дней своей жизни много работал, вел переписку со своими бывшими подчиненными, писал статьи, которые периодически выходили, и готовил к выходу в свет свои мемуары. Причем писал он, следует сказать об этом особо, как и Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, сам.

К великому сожалению, даже из уст офицеров я до сих пор слышу, одно и то же: «Не знаю такого!» Что ж, значит, пришла пора узнать...

БЛАГОДАРНОСТИ Эта книга потребовала помощи и поддержки многих людей. В связи с чем хотелось бы особо поблагодарить: Баталеева Валерия Яковлевича – зятя генерала армии М. М. Попова, Баталеева Алексея Валерьевича – внука генерала армии М. М. Попова, Дмитриева Сергея Николаевича – главного редактора издательства «Вече», Пахоменкову Марину Михайловну – заведующую Новоржевским филиалом ГБУК Псковского музея-заповедника «Музей истории Новоржевского края» и Юрину Елену Владиславовну – внучку генерал-полковника Л. М. Сандалова.

Часть первая

За ученого трех неученых дают.
А.В. Суворов

Знания, как таковые, бесполезны на поле сражения: с этим легко согласиться.

Что нам нужно, так это навык. С другой стороны, особенно в мирное время, скорейший путь к приобретению навыков – образование.
Генерал-лейтенант Черрини

Смоленская набережная, дом 5/13

Путешествуя по историческому центру Москвы, невозможно пройти мимо Смоленской набережной. Она расположена на левом берегу Москвы-реки между Смоленской улицей и площадью Свободной России. Здесь же находится посольство Великобритании. Как пишет С. К. Романюк в книге «По землям московских сел и слобод», «Смоленская набережная почти полностью застроена новыми большими жилыми зданиями. На углу с Новым Арбатом – жилой дом, выстроенный в конце 1930-х гг. по проекту А. В. Щусева и А. К. Ростовского (№ 12), а рядом с ним возводится новое здание посольства Великобритании...

Здесь к набережной выходит Проточный переулок. Он был одним из тех мест в Москве, которые «славились» безысходной бедностью обитателей, «соперничавших» в этом с самой Хитровкой. Особенно были известны «Арженовка», или «Ржанова крепость», «Зиминовка» и «Волчатник», называвшиеся по фамилиям своих владельцев купцов Арженова, Зимина и Волкова.

Л. Н. Толстой, желавший познакомиться с жизнью городской бедноты, принял участие в трехдневной переписи, проводившейся в Москве 23–25 января 1882 г., и выбрал самый неблагополучный участок рядом со Смоленским рынком. Толстой переписывал обитателей в доме Зимина (находившемся на месте дома № 11/27 на углу с 1-м Смоленским пер.) – «На Проточный переулок, – писал Толстой, – выходят двое ворот и несколько дверей: трактира, кабака и нескольких съестных и других лавочек... Все здесь серо, грязно, вонюче – и строения, и помещения, и дворы, и люди. Большинство людей, встретившихся мне здесь, были оборванные и полураздетые». Впечатления, полученные им при посещении этого и других московских притонов, отразились в его публицистических и художественных произведениях. И. Г. Эренбург назвал один из своих ранних романов, опубликованных в 1927 г., «Проточный переулок». Писатель Александр Вьюков в рассказе «Трущоба» так описывает эти места: «Проточный был заселен ремесленниками, мастеровыми, извозчиками, прачками и ворами... В Проточном бесследно исчезали не только краденые вещи, но и сами ограбленные. Когда начали ломать один из флигелей, в подвалах флигеля нашли несколько человеческих скелетов...»

Один из самых страшных притонов – «Ржанова крепость» – унылый длинный двухэтажный дом (Проточный пер., № 11), занимал квартал между 1-м Смоленским и Малым Новопесковским переулками, заходя своими крыльями в оба переулка. Его сломали в начале 1970-х гг., но не полностью – осталась небольшая часть на углу с Малым Новопесковским переулком.

От Проточного переулка тянется по Смоленской набережной большой жилой дом (№ 5/13), построенный в 1954 г. по проекту Б. Г. Бархина, Н. И. Гайдарова, М. М. Лермана.

Дом этот щедро украшен лепными декорациями – особенно на башне левой части, на крыше которой высится угрожающих размеров что-то вроде букетов. Внизу дом огражден решетками – того и гляди, чтобы какое-нибудь украшение не упало на голову прохожему.

И вот мы подошли к нужному нам дому-достопримечательности, дому многоквартирному, дому двенадцатизэтажному, дому восьмиподъездному, дому кирпичному, дому в стиле позднего сталинского ампира. Он до сих пор считается красивым, элитным и, как видно, престижным. Есть там и большой парадный подъезд, и консьерж. Все как положено. А еще есть на этом доме несколько мемориальных досок, тех самых, что у нас принято устанавливать на зданиях, в которых проживала знаменитая персона.

Именно благодаря этим плитам мы можем узнать, что с 1955 по 1990 г. здесь жил дважды Герой Советского Союза маршал авиации Е. А. Савицкий, с 1955 по 1976 г. – дважды Герой Советского Союза главный маршал авиации А. А. Новиков, с 1955 по 1967 г. – Герой Советского Союза адмирал флота И. С. Исаков, с 1954 по 1961 г. – режиссер А. Д. Попов, и с 1955 по 1983 г. – артист А. А. Попов.

Евгений Иванович Савицкий (1910–1990) в годы войны был командиром 3-го истребительного авиакорпуса. На его личном счету записано 22 сбитых лично и 2 – в группе самолета противника. С 1948 г. командовал авиацией ПВО, а в 1966-м был назначен заместителем главнокомандующего Войск ПВО страны. Звание маршала авиации ему присвоили, когда он уже жил в этом доме (1961).

Александр Александрович Новиков (1900–1976) в 1943 году был назначен командующим ВВС. В годы войны, как представитель Ставки ВГК, координировал боевые действия авиации нескольких фронтов в битвах под Сталинградом и на Курской дуге, при штурме Кенигсберга и в Берлинской операции. В 1946 г. был арестован по сфабрикованному «авиационному делу». После освобождения командовал Дальней авиацией (1953–1955), а в 1956 г. стал начальником Высшего училища Гражданской авиации.

Иван Степанович Исаков (1894–1967) в годы войны и после нее был начальником Главного морского штаба. Затем заместителем главкома ВМФ и заместителем министра Морского флота. В 1942-м был тяжело ранен во время Новороссийской операции под Туапсе на Гойтхском перевале. Остался инвалидом. По свидетельству академика А. Алиханова, сам Сталин отзывался о нем так: «Умница, без ноги, но с головой». Героем Советского Союза стал в мае 1965 г. «за умелое руководство войсками, мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия Победы...»

Алексей Дмитриевич Попов (1892–1961) – советский режиссер, теоретик и педагог. Народный артист СССР. До войны возглавлял Центральный театр Красной армии, затем был главным режиссером театра. В 1940 г. стал профессором ГИТИСа, а в 1961 г. – его художественным руководителем.

Андрей Алексеевич Попов (1918–1983) – советский актер театра и кино, театральный режиссер, педагог. Народный артист СССР. 23 года служил в труппе Центрального театра Красной армии. В 1963 г. возглавил Центральный театр Советской Армии, которым руководил до 1974 года. С 1968 г. преподавал в ГИТИСе, а в 1973 г. стал профессором. В 1976 г. возглавил Театр им. К. Станиславского.

По ряду причин мы не можем сказать, кто еще из знаменитостей поселился в этом доме, однако одно имя известно точно: Маркиан Михайлович Попов, генерал армии, Герой Советского Союза. Один из виднейших полководцев Великой Отечественной войны. В этом доме он жил вплоть до своей трагической гибели весной 1969 года...

К 60-летию Великой Победы генерал армии, доктор исторических наук М. Гареев опубликовал рейтинг выдающихся деятелей и полководцев Второй мировой войны. Предваряя это исследование необходимым в таких случаях вступлением, известный российский военачальник и военный теоретик объяснит причину его появления следующим образом:

«В последние годы в различных странах были опубликованы списки наиболее выдающихся полководцев, в том числе периода Второй мировой войны. Сама попытка составить такой список, определить рейтинг наиболее выдающихся военных деятелей заслуживает внимания. Разумеется, не просто сопоставить, скажем, советских полководцев с полководцами союзных стран или противника. Ибо различными были цели, задачи, условия ведения вооруженной борьбы. Да и каждый полководец имеет свой особый полководческий почерк.

Но, несмотря на разнообразие условий, существуют и обязательные для всех воинские доблести, такие как творчество и новаторство, умение предвидеть развитие событий, выдержка и мужество, инициативность, смелость и решительность, которые в разных условиях проявляются в различных формах, но никогда не теряют своей ценности и значения. Необходимо тщательно изучать боевой опыт – сгусток военной мудрости, впитавшей в себя все положительное и негативное, что было в прошлых войнах, осмысливание и творческое использование которого незримо связывает между собой полководцев разных стран и поколений.

Это и позволяет с неизбежными в таких случаях допущениями, условностями и относительностью в определенной мере сравнивать и оценивать деятельность различных военачальников».

Итак, в рейтинге советских полководцев и военачальников стратегического и оперативно-стратегического звена имя генерала армии М. М. Попова стоит на 18-м месте (Попов Маркиан Михайлович (1902–1969 гг.) – генерал армии. Командующий Северным и Ленинградским фронтами, 61, 40 и 5-й ударной армиями, заместитель командующего Сталинградским и Юго-Западным фронтами, командующий Резервным фронтом, войсками Степного военного округа, Брянским, Прибалтийским и 2-м Прибалтийским фронтами, с апреля 1944 г. – начальник штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов. Наиболее умелые действия показал при подготовке и проведении Орловской операции 1943 г.) после маршала Г. К. Жукова (1), маршала А. М. Василевского (2), маршала К. К. Рокоссовского (3), маршала И. С. Конева (4), маршала Р. Я. Малиновского (5), маршала Л. А. Говорова (6), генерала армии А. И. Антонова (7), маршала С. К. Тимошенко (8), маршала Ф. И. Толбухина (9), маршала К. А. Мерецкова (10), маршала Б. М. Шапошникова (11), генерала армии И. Д. Черняховского (12), генерала армии Н. Ф. Ватутина (13), маршала И. Х. Баграмяна (14), маршала А. И. Еременко (15), генерала армии И. Е. Петрова (16), маршала В. Д. Соколовского (17). После Маркиана Михайловича Попова идут имена генерала армии М. А. Пуркаева (19) и генерала армии Г. Ф. Захарова (20). И это при том, что в разное время фронтами командовали более 40 военачальников.

Что же касается увековечения памяти генерала армии Попова, то по сравнению с другими именами полководцев Великой Отечественной войны здесь все выглядит более чем скромно. Одна мемориальная доска в память о славном земляке установлена в городе Серафимович Волгоградской области. Другая памятная доска генералу Попову установлена в Новоржеве. Улицы генерала Попова есть в Брянске, Орле, Серафимовиче и Симферополе. В 1968 г. Маркиану Михайловичу было присвоено звание почетного гражданина города Брянска. В Центральном музее Вооруженных Сил есть коллекция экспонатов, принадлежащих командующему войсками Брянского фронта. Однако, несмотря на выдающийся вклад в Великую Победу, имя генерала армии Попова совершенно несправедливо остается в забвении...

Главный маршал авиации А. Е. Голованов был награжден полководческим орденом Суворова 1-й степени трижды. Как отмечал в своей книге «Солдаты империи» известный поэт и публицист Ф. Чуев, «мало у кого из наших полководцев было три ордена Суворова I степени. Даже у Жукова, по-моему, два. Во всяком случае, сами маршалы, с которыми мне приходилось общаться, придавали этому большое значение. Помню, умер один из полко-

водцев, мы с Головановым читали некролог, и Александр Евгеньевич сказал: "А посмотри, сколько у него орденов Суворова?"»

У Г. К. Жукова действительно было два ордена Суворова 1-й степени и, правда, еще два ордена «Победа». Кстати сказать, на одной из фотографий Георгий Константинович одет в парадный маршальский мундир, на котором сверкают только четыре звезды Героя Советского Союза и эти два ордена «Победа». Несмотря на огромный иконостас, этого вполне достаточно. Все-таки это Жуков...

А если говорить про орден Суворова 1-й степени, то он вручался чуть более 390 раз. В том числе этим орденом было награждено дважды – 51 человек и трижды – 18. Среди награжденных дважды есть имя и генерала армии М. М. Попова.

Кроме этого полководческого ордена Маркиан Михайлович был награжден и двумя орденами Кутузова 1-й степени (произведено 675 награждений, дважды награждено – 66 человек и трижды – 5). То есть всего четырьмя полководческими орденами первой степени, что наверняка не забыл отметить в свое время главный маршал А. Е. Голованов, который как-то особенно тепло относился к своему ровеснику и талантливому военачальнику генералу армии Попову.

110 лет со дня рождения

Известно, что фамилия Попов стоит на девятом месте по распространенности в России. Более того, она считается одной из самых частых фамилий в России, и особенно на Севере страны. Например, подсчет этой фамилии в Архангельской губернии в 1897 г. дал 20 Поповых на одну тысячу человек. В Москве же в 1964 г. зафиксировано 30 тыс. Поповых. Примечательно, что эта фамилия в Санкт-Петербурге в 1995 г. занимала 19-е место.

О распространенности Поповых в современной Москве можно судить и по количеству абонентов телефонных номеров или владельцев телефонов. Так, на 11 млн их зафиксировано 19 695. Это примерно в два раза меньше, чем Ивановых.

Согласно данным некоторых исследований, Попов не только распространенная фамилия в России, но еще и в Болгарии. Происходит она, несомненно, от слова «поп». Первоначально Попов означало: во-первых, отчество – «сын священника»; во-вторых, отчество – «сын Попа» (от прозвища Поп); в-третьих, «работник у попа» (попов работник). Существует версия, что распространение этой фамилии на Севере России произошло от выборности духовенства в этих областях (до XVIII в. там священников не назначали, а избирали сами жители из своей среды).

Открывая тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным с 1924 по 1953 г., можно заметить, что вождь за этот почти тридцатилетний период принимал у себя только 6 человек, носящих фамилию Попов:

1) Попов В. Ф. (1903–1964) – заместитель наркома Госконтроля, председатель Правления Госбанка СССР (2 раза);

2) Попов ГМ. (1906–1968) – с 1938 г. второй секретарь МГК партии, в 1945–1949 гг. первый секретарь МК и МГК ВКП(б), одновременно в 1944–1950 гг. председатель исполкома Моссовета и в 1946–1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1950–1951 гг. министр городского строительства СССР, министр сельскохозяйственного машиностроения СССР (38 раз);

3) Попов М. М. (1902–1969) – в январе 1941 г. командующий 1-й Краснознаменной армией, затем Ленинградским военным округом, в годы Великой Отечественной войны командующий Северным и Ленинградским фронтами, Резервным, Брянским и 2-м Прибалтийским фронтами, генерал-полковник (6 раз);

4) Попов М. Н. (1902 —?) – с августа 1940 г. начальник Управления промышленного строительства, заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР (1 раз);

5) Попов Н. – заведующий Ленгизом (1 раз);

6) Попов Н. Н. (1891–1938) – в 1922–1932 гг. член редколлегии газеты «Правда», автор популярного «Очерка истории ВКП(б)» (9 раз).

Что же касается военачальников того периода, носящих фамилию Попов, то кроме Маркиана Михайловича таковых было еще пять.

1) Попов Василий Степанович (1894–1967). Генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1945). В начале войны командовал 28-м стрелковым корпусом 4-й армии Западного фронта. С апреля 1944 г. – заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта. С мая и до конца войны – командующий 70-й армией этого фронта.

2) Попов Константин Михайлович (1905–1969). Генерал-лейтенант артиллерии (1958). В начале войны занимал должность начальника штаба Среднеазиатской зоны ПВО. В конце войны командовал 70-й зенитной артиллерийской дивизией РГК. Последняя должность в армии – командир 6-го корпуса ПВО.

3) Попов Иосиф Иванович (1898–1962). Генерал-майор (1942). В начале войны занимал должность старшего преподавателя по военной истории кафедры географии Военно-инженерной академии РККА им. Куйбышева. С августа 1941 г. – заместитель коменданта и

начальник Южного сектора обороны Москвы, с января 1942 г. – командир 135-й стрелковой дивизии. С апреля 1943 г. – командир 33-го гв. стрелкового корпуса МВО, а с августа 1943 г. – командир 94-го стрелкового корпуса резерва Ставки ВГК.

4) Попов Михаил Андрианович (1898–1963). Генерал-майор (1940). С апреля 1941 г. – комендант Карельского УР в ЛВО. С мая 1942 г. исполнял должность заместителя командующего 23-й армией, одновременно – комендант 22-го укрепленного района, с октября 1942 г. исполнял должность командующего войсками внутренней обороны Ленинграда. С ноября 1943 г. – командир 110-го стрелкового корпуса 42-й армии Ленинградского фронта.

5) Попов Алексей Федорович (1896–1946). Генерал-лейтенант танковых войск (1943). В начале войны командовал 60-й танковой дивизией 30-го механизированного корпуса Дальневосточного фронта. С мая 1942 г. – командир 11-го танкового корпуса 5-й танковой армии Брянского фронта. После войны с мая 1946 г. – заместитель командующего 9-й механизированной армией.

В общем, фамилия Попов и в годы войны была распространенной среди генералитета. Только поэтому, когда какой-нибудь из Поповых получал на фронте новое назначение, ожидающие его подчиненные обычно интересовались: «А какой это Попов?»

Итак, с фамилий мы разобрались. А вот что касается имени «Маркиан», то оно явно стоит особняком среди многочисленных однофамильцев Поповых. Например, от римского прозвища «Marcianus» – оно происходит от родового имени «Marcius». Имя же «Marcius», в свою очередь, восходит к личному имени «Marcus», что, возможно, происходит от имени бога Марса. По крайней мере, от латинского «Маркиан» означает «сын» – «потомок». Из древнейших времен известен Маркиан Флавит – восточно-римский император в 450–457 гг. Другой Маркиан известен как святой мученик, служивший в Константинопольском соборе чтецом. Что же касается официального православного календаря, то 2 ноября (ст. ст.) 15 ноября 2014 (нов. ст.) отмечается, как день преподобного Маркиана Кирского: «Преподобный Маркиан жил в IV веке. Удалившись в пустыню, он много лет провел в уединении, в непрестанных молитвах и строгом посте. Построив себе малую келию, он затворился в ней и никогда не зажигал свечи, когда по ночам совершал молитвенное правило по Псалтири, так как Господь освещал келию Божественным Светом. Через некоторое время преподобный принял двух учеников, поселившихся рядом с ним, но по-прежнему пребывал в затворе. Антиохийский Патриарх Флавиан (память 18 февраля) и другие епископы просили преподобного, для пользы христиан, оставить свое строгое уединение, но преподобный не согласился. Однако, не покидая своей келии, он поучал приходивших к нему за наставлением и многих отвратил от ересей и привел к православной вере. Перед кончиной преподобный Маркиан завещал своему ученику Евсевию похоронить его тайно, вдали от келий, чтобы избежать посмертной славы и не допустить препирательств между желающими иметь его останки в близлежащих храмах. Преподобный Маркиан скончался в 388 г.»

Согласно официальной биографии, Маркиан Михайлович Попов родился 2 (15) ноября 1902 года. Опровергая эту дату, троюродный брат полководца Антонин Александрович Попов в книге «Когда решать судьбу дано...» укажет: «И вопреки официальной дате не в 1902, а в 1904 году 15 ноября, о чем свидетельствует его отец: "...в доме ветеринарного врача Кораблевского, что за оврагом... родился Маркиан 1904 2 ноября ст. стиля, утром. По этому случаю я пропустил урок в женской гимназии". Это письменно подтверждают и сестры Маркиана Михайловича Валентина и Лидия, и автор настоящего эссе. Он прибавил себе два года, чтобы попасть в Красную армию. По сообщению официальных органов, подлинного документа о дате его рождения не сохранилось».

И тем не менее, кто же в России в ноябре 2012 г. вспомнил о Маркиане Михайловиче Попове хотя бы в его официальный день рождения? Не поленившись найти ответ на этот

вопрос в Интернете, к своему огорчению, обнаружил всего лишь несколько скромных упоминаний. Возможно, были и еще, но, согласитесь, не густо!

Как Мотя стал красным командиром

Маркиан Михайлович родился в станице Усть-Медведицкой области войска Донского. Сегодня это город Серафимович Волгоградской области. Отец новорожденного – Михаил Петрович Попов – был учителем реального училища в Усть-Медведицке. Происходил он из семьи надворного советника (гражданский чин VII класса в Табеле о рангах в России, соответствовал чину подполковника в армии), служившего исправником (глава полиции в уезде в Российской империи). Мать Маркиана – Мария Алексеевна Соловская – была дочерью секретаря уездного Новоржевского дворянского собрания. Окончив Московский университет им. Ломоносова, Михаил Петрович Попов первое время служил в Пробырной палате мер и весов в Москве, затем в Харькове, после чего стал учителем. Летом 1916 г. его назначили директором мужской гимназии в Новоржеве.

Семья проживала прямо при этом учебном заведении, в квартире «большой и уютной». У них было три дочери: Нина, Валя, Лида и два сына: Мотя (ласкательная форма имени Матвей – «дар Бога») и Петро (так их звали на Дону). По воспоминанию родственника, «братья на зависть всем городским мальчишкам щеголяли в казачьих брюках на выпуске с красными лампасами, попыхивая папиросами "Дядя Костя", названными так в честь знаменитого тогда артиста К. А. Варламова» (выпускались в Петрограде фабрикой «А. Н. Богдановъ и К^о» и стоили 8—10 копеек пачка (10 штук).

К слову сказать, Новоржев (основан в 1777 г. по приказу Екатерины II) расположен в 140 километрах юго-восточнее Пскова, в равнине при отрогах (относительно короткий и узкий горный хребет) Бежаницкой возвышенности, между двух озер – Росцо и Оршо. Город разделен на две половины каналом, которым крепко соединены озера. На сегодняшний день численность населения Новоржева не превышает 4000 человек.

Именно здесь осенью 1916-го сыновья директора мужской гимназии будут приняты в высшее начальное училище. Мотя поступит сразу в третий класс, а Петров – в первый. Эти училища в Российской империи только в 1912 г. были переименованы из городских. Состояли они из четырех классов с годичным курсом в каждом. Принимали в это учебное заведение, как правило, детей (в возрасте 10–13 лет), окончивших до этого начальную школу. Учащиеся высших начальных училищ после окончания курса 1 – го и 2-го классов имели право на поступление во 2-й и 3-й классы (соответственно) средних общеобразовательных школ. Правда, для поступления в 3-й класс требовалось сдать экзамен по иностранному и древним языкам. Как правило, выпускники высших начальных училищ поступали в учительские семинарии или технические училища. Учебных курс этих учебных заведений включал: Закон Божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение с переводом на русский язык, арифметику, практическую геометрию, географию и историю отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, сведения из естественной истории и физики, черчение и рисование, пение и гимнастику.

Вспоминая то счастливое время, троюродный брат Маркиана – Антонин Александрович засвидетельствует: «Шла война, и мы увлекались военными играми, втайне мечтая стать вроде прапрадеда Ефима Алексеевича Попова, который геройски участвовал во всех войнах с Наполеоном, пройдя путь от солдата до ротмистра, командира эскадрона кирасирского Ее Императорского Величества полка, вместе с потомством записанного по определению Псковского дворянского депутатского собрания в третью часть дворянской родословной книги. И играли мы не с ребятами "своего круга" – бойскаутами, а с мальчишками с Зеленой улицы, на которую выходил наш сад. И нередко схватывались со скаутами, и верховодил нами Маркиан, хотя он больше тяготел к группе старших во главе с Леонидом, чем к нам, "мелюзге"».

На всю свою жизнь Антонин Александрович запомнит некоторые эпизоды из жизни будущего военачальника, на которые он уже тогда обратил свое пристальное внимание (но кто знал?): «Еще в детстве у него появлялась способность находить выход из труднейшего положения, какая-то мгновенная реакция – и решение найдено. Случай первый. За кузницами, на краю городка, находилось большое поле, где проводились ребячьи военные игры. Здесь было сооружено несколько крепостей – добротных сделанных землянок, в том числе и бойскаутовских. В одной из таких игр партия ребят во главе с Маркианом погнала противника. Часть из них бежала за подмогой, другая со знаменами укрылась в крепости. Нужно было захватить их до прибытия помощи. По его команде, из ям, где обжигался уголь (в метрах трехстах), была притащена огромная дымящая головня и засунута в землянку сверху. Перепуганные, заплаканные "враги" сдались со знаменами вместе.

Случай второй. На уроках фон Горст, преподававшей немецкий язык, произошел скандал. Она выпорхнула из класса и устремилась к инспектору училища А. К. Даву. Классу грозила по тем временам большая неприятность, вплоть до вызова родителей. Маркиан бросился за нею, догнал у самой учительской, схватил в охапку и принес в класс, где все колени преклоненно извинились перед Леопольдиной Юлиановной, и инцидент был исчерпан.

Шла Масленица 1917 года. У нас была выездная лошадь "Воронец", купленная отцом из числа выбракованных из армии. Она хорошо ходила рысью, но при ударе кнутом немедленно переходила на галоп. Для нас, мальчишек и девочек Поповых и соседок Альбрехт, было устроено катание. Папа предупредил – особенно не гнать "Воронца". Все мы разместились в санях, а Маркиан как самый старший, уселся на козлах с Фрейманом, пленным австрийцем, корнетом, ухаживавшим за лошадей и обучавшим меня немецкому языку. С шумом, гамом выбрались на Зеленую улицу, и упрашивали Фреймана ехать быстрее, но он был неумолим. Тогда Маркиан, повернувшись к нам, сделал знак и на ухабе стегнул коня, который, присев, прыгнул и пустился галопом. Австриец кубарем полетел на дорогу, вожжи оказались в руках Моти. О! Это была лихая езда!

И еще. По существовавшей традиции в состоятельных семьях отмечались дни рождения каждого из ее членов и особенно торжественно дни ангелов или именин. На 14 году жизни в день святого Маркиана Мотя получил от деда подарок – серебряные часы. Они были на цепочке, заводились ключиком и являлись для него предметом гордости. У мальчика тех времен – часы! Ни у кого их не было, и как мы ему завидовали, когда он со звоном открывал крышку. И случилось нечто такое, что открыло присущую черту его характера. Все мы хорошо знали горбатенького мальчика, сынишку очень бедной женщины, жившей в убогом домишке на берегу реки. В самый канун Рождества, он, захватив топорик, направился через озеро в лес за елкой, а когда возвращался, сильно завьюжило, сбился с дороги и замерз. По елочке его лишь и обнаружили. Весть эта нас всех ужаснула, тронула до слез. Устроили складчину на похороны. Среди собравшихся мальчишек были Мотя и Петро, и у того и у другого ни копейки. Маркиан достает часы, отстегивает цепочку от кармана и говорит:

– Вот, возьмите, заложите их у часового мастера Миценгендлера, а деньги на похороны, я их потом выкуплю.

Ни у кого не поднялась рука принять этот дар сердца. Кто-то из вошедших взрослых восполнил образовавшуюся прореху».

7 ноября 1917 г. (25 октября по ст. ст.) под руководством коалиции из большевиков, левых эсеров и анархистов было свергнуто Временное правительство, которое совсем недавно сменило отрекшегося от престола царя. Так в результате двух революций к власти в России пришли большевики во главе с В. И. Лениным. Им достаточно быстро удалось установить контроль над Русской армией, большей частью крупных промышленных центров на не занятой немецкими войсками территории бывшей Российской империи. Уже в марте 1918 г. был подписан мирный договор с Германией, который страны Антанты (военно-

политический блок России, Англии и Франции) отказались признавать. Они ввели войска на территорию России и объявили о поддержке всех антибольшевистских сил. В стране началась полномасштабная Гражданская война.

Именно эти годы (1917–1918), отличавшиеся, по утверждению Антонина Александровича, «необыкновенной кипучестью и широтой интересов, взглядов», в какой-то степени определили дальнейшую судьбу Моти Попова: «В происходивших спорах, диспутах Маркиан оказывался на стороне наиболее революционно настроенных юношей и девушек, принимавших самое живое участие в строительстве новой жизни молодой России, без деления на богатых и бедных». Например, с лета 1918 г. он служит добровольцем-красноармейцем (писарем) в Новоржевском штабе Красной гвардии, откуда уволится осенью, при переформировании Красной гвардии в Красную армию (так записано в личном деле генерала армии М. М. Попова. – *Примеч. авт.*). В апреле 1919 г., после окончания Высшего начального училища, реформированного в школу 2-й ступени, Мотя Попов получает направление на должность избача (Дворецкая волость, Новоржевский уезд, Псковская губерния). Это была уже самостоятельная жизнь 14-летнего паренька из Новоржева, которая складывалась как-то сразу успешно.

«...волостная библиотека, которую он организовал, скоро стала притягательным центром для молодежи села. Нередко в ней проходили заседания Комбеда, через которые шло пополнение Красной армии», – фиксирует Антонин Александрович.

Волостная библиотека – это, в сущности, изба-читальня, которая в те годы стала центром просвещения в российских деревнях и селах. Одной из ее главнейших задач была политико-просветительская работа среди крестьян. Например, в 1920–1921 гг. числилось около 100 000 изб-читален. В их работе требовалось неуклонно следить за снабжением газетами, передвижками, а также руководить проведением агиткампаний. Как писала Н. К. Крупская, «...именно связь населения с избой-читальней, втягивание населения в самый процесс работы, пробуждение его активности и инициативы. Здесь необходимо поставить вполне определенную задачу: надо стараться сделать избу-читальню настолько необходимой для местного населения, чтобы оно взяло целиком на собственные средства и неуклонно стремилось бы к расширению рамок ее работы».

Супруга В. И. Ленина также считала, что при избе-читальне хорошо иметь «группу организованной молодежи – лучше всего из комсомола, – которая берет на себя оповещение жителей». В частности она была убеждена в важности оповещения, называя это хорошей воспитательной работой для комсомола.

Любопытно ее разъяснение конкретной работы заведующего избой-читальней: «...должен подготовиться к чтению. Внимательно прочесть статью; подчитать на затрагиваемую тему, если возможно что достать; поговорить с местным учителем, агрономом, если таковые имеются, вообще со сведущим человеком. Если заведующий сам затрудняется провести беседу чтение, то он должен просить кого-нибудь, знающего дело. Заведующий избой-читальней должен обдумать, какой лозунг вытекает из статьи, заготовить, опять-таки при помощи молодежи, этот лозунг, вывесить его перед началом чтения... Чрезвычайно полезно, чтобы из каждого чтения вытекало какое-нибудь практическое действие».

В одной из своих статей председатель Главполитпросвета при Народном комитете просвещения (одна из должностей Крупской) даже сравнивала знание грамоты с ложкой. Видимо, так было проще объяснить крестьянам ее суть: «Ложкой удобно хлебать щи, но если шей нет, то, пожалуй, ни к чему обзаводиться ложкой».

Дело библиотеки поставлять миску со щами – сокровищницу знаний – владельцам ложек, людям, владеющим техникой чтения.

И ясное дело, такое ясное, как дважды два – четыре, – что надо, чтобы были библиотеки в каждой глухой деревушке, надо, чтобы книга была доступна каждому грамотному».

Следует лишь отметить особую важность работы Моти Попова в избе-читальне Туровской волости. Несомненно, он научился там многому, и, прежде всего, «поставлять миску со щами – сокровищницу знаний – владельцам ложек, людям, владеющим техникой чтения».

В октябре 1919-го Мотю зачисляют в сельскохозяйственный техникум, который располагался в селе Волынево, близ города Порхова. Однако уже весной 1920-го он вступает в комсомол, а затем, прибавив себе два года, 6 мая вступает в ряды Красной армии «в г. Порхов во время Всероссийской мобилизации комсомольцев на фронт». В одной из автобиографий М. М. Попова, подшитой в личном деле, по этому поводу есть небольшое уточнение: «В армию вступил добровольно в 1920 году – курсантом 1-го Московского Артиллерийского училища, откуда ушел на польский фронт и в качестве красноармейца 292-го Волжского полка 27-й Омской дивизии участвовал в операциях Западного фронта».

Там он впервые в своей жизни принимает присягу. Тогда она называлась не совсем обычно: «Формула торжественного обещания».

Текст этого торжественного обещания был утвержден советским правительством в апреле 1918-го и по распоряжению В. И. Ленина печатался в «Служебной книжке красноармейца»:

«1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

2. Пред лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов, и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

6. Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

Итак, Мотя Попов – красноармеец 3-й роты 242-го Волжского полка 27-й стрелковой дивизии.

Несколько слов об этом прославленном соединении РККА. В августе 1918 г. из частей, отступающих от Казани и действовавших по левому берегу Волги, была образована Левобережная группа войск Казанского участка Восточного фронта, переименованная приказом войскам 5 армии № 30 от 21 сентября 1918 г. в Левую группу. Приказом войскам 5 армии № 158 от 7 ноября 1918 г. группа была преобразована в 27-ю стрелковую дивизию, а приказом РВСР № 2797/559 от 13 декабря 1920 г. она получила наименование 27-й Омской Краснознаменной. С декабря 1919 г. начальником 27-й стрелковой дивизии был Витовт Казимирович Путна (1893–1937).

Служба красноармейца Попова началась с весьма необычного события. Гражданская война подходила к концу, и в Красной армии стала усиливаться борьба за строгую дисциплину. Однако из-за этого стали возникать недоразумения. Вот как об этом напишет в своих мемуарах начальник политотдела 27-й дивизии А. П. Кучкин: «Некоторые командиры в своих требованиях соблюдения дисциплины допускали перегибы. Систематическую вос-

питательную работу с красноармейцами, нарушившими дисциплину, они подменяли грубыми окриками, частым применением мер наказания. Это вызывало недовольство бойцов, и они стали жаловаться военкомам. На этой почве между военкомками и командирами, не желавшими слушать комиссаров, иногда и возникали конфликты. Посыпались жалобы со всех сторон на имя начдива и в политотдел дивизии. Тогда Путьна отдал строгий приказ, чтобы командиры частей умело применяли устав, чтобы их действия были согласованы с военкомками, чтобы они уделяли больше внимания не администрированию, а воспитательной работе, неуклонно требуя от красноармейцев выполнения Устава внутренней службы».

Как итог, политотдел соединения обратился к военным комиссарам со следующим письмом: «...На почве введения дисциплины в армии (на основе устава) происходят недоразумения между комсоставом и красноармейцами, объясняемые тем, что одни слишком усердствуют, другие не усваивают требуемой дисциплины.

Во избежание недоразумений начдивом 27 дано комбригам распоряжение о том, чтобы в частях и учреждениях дивизии команды (словесные) и приемы, не предусмотренные уставом Красной армии, не применялись и не изучались на занятиях. В то же время надо добиваться, чтобы Устав внутренней службы в Красной армии исполнялся без рассуждений.

Подив 27 разъясняет военкомкам, что всякая дискуссия по поводу дисциплинарных правил в армии, когда в тылу проводят милитаризацию труда, недопустима. Регламентация приемов дисциплины в Красной армии должна будить в красноармейцах чувство уважения к себе, опрятности и аккуратности в строю.

На военкомов возлагается следить за исполнением устава и распоряжений начдива и нижестоящих по должности командиров и о всех незаконных действиях немедленно сообщать в подив. Начподив 27 А. Кучкин. Секретарь В. Пантелеев. 8 мая 1920 года».

Спустя месяц Реввоенсовет отдал приказ о переброске дивизии на Запад, на войну с Польшей. Начальник политотдела дивизии свидетельствует: «Покинув Минусинский район в июне, дивизия уже в начале июля вела ожесточенные бои с войсками польского пана Пилсудского, который 25 апреля 1920 года начал войну против Советской республики. Когда дивизия прибыла на Западный фронт, поляки уже продвинулись на значительное расстояние в глубь нашей страны: ими были захвачены столица Белорусской Советской республики Минск и столица Советской Украины Киев. Советские войска Западного фронта с прибытием 27-й дивизии в начале июля перешли в наступление».

Согласно архивным данным, 27-я стрелковая дивизия участвовала в советско-польской войне в составе 16-й и 15-й армий в следующих операциях: Июльской (2—23 июля 1920 г. — форсирование р. Березины, освобождение гг. Минск, Слоним), Варшавской (23 июля — 25 августа 1920 г. — форсирование р. Западный Буг, овладение гг. Соколов, Венгров, отход с арьергардными боями в район Минска). Словом, все начиналось весьма оптимистично с призыва «На Варшаву! Даешь Варшаву!», а завершилось полной катастрофой. Например, если 7 июля 27-я сд форсировала реку Березину и стремительным ударом опрокинула противника, то уже 17 августа после тяжелых боев за Варшаву началось всеобщее отступление. Как итог, только в боях за столицу Польши дивизия потеряла более половины своего состава. На 17 августа в ее составе насчитывалось 1650 человек.

Для победно наступающей Красной армии произошедшее под Варшавой стало полной неожиданностью: 14 августа 1920 г. ударная группировка 5-й польской армии генерала Сикорского нанесла удар встык 15-й и 3-й армиям Западного фронта, а на следующий день части этой польской армии после кровопролитных боев потеснили 15-ю армию на всем ее фронте; 15 августа 1920 г. красноармеец Попов был ранен осколком в левую ногу и контужен в голову.

В сентябре — октябре Мотя находится на излечении в госпиталях Минска, Орши и Орла, а затем получает кратковременный отпуск.

С января по март 1921 г. Омская дивизия принимает участие в боях против банд на территории Белоруссии, а красноармеец Попов назначается политруком 6-го ротного участка Псковского территориального полка в Новоржеве (январь – июнь 1921 г.). Именно в это время в молодой Советской Республике создаются первые территориальные формирования.

Победив белогвардейщину и изгнав интервентов, она приступила к мирному строительству. Началась постепенная демобилизация пятимиллионной армии, которая тяжелой обузой легла на истощенное войной хозяйство страны. Вновь рожденные территориальные части с краткосрочной воинской службой должны были дополнить кадровые, давая тем самым возможность пройти военное обучение наибольшему числу призывников. При этом территориальный принцип распространялся только на стрелковые и кавалерийские дивизии внутренних округов.

В новой должности политруку Попову значительно пригодился опыт работы, полученный в избе-читальне, и, безусловно, первый боевой опыт на войне с Польшей. И еще. Видимо за эти пять месяцев службы на ротном участке у шестнадцатилетнего (восемнадцатилетнего по документам) парня рождается мечта стать красным командиром. Но прежде, 16 июня 1921 г. он становится курсантом 74-х пехотных Псковских командных курсов...

Чтобы понимать, о чем идет речь, немного коснемся истории и кое-что проясним. Первым военно-учебным заведением молодой Советской Республики стала 1-я Московская революционная пулеметная школа, открывшаяся уже в декабре 1917 г. Чуть позже, в феврале 1918-го, были созданы 13 командных курсов (пехотных, артиллерийских, кавалерийских, инженерных) в Петрограде, Москве, Ораниенбауме, Твери и Казани. В ходе Гражданской войны сеть военно-учебных заведений Красной армии расширилась с 63 (январь 1919-го) до 151 (ноябрь 1920-го). Все курсы комплектовались в основном красноармейцами-фронтовиками с боевым опытом и образованием в объеме начальной школы со сроком обучения от 2 до 8 месяцев. Но уже в конце 1919-го все программы курсов были пересмотрены. По поводу таких изменений Я. Мурахвер в 1940 г. писал: «Новые программы были рассчитаны на трехмесячный срок обучения в спецклассах и 2–3 месяца (в зависимости от подготовки слушателей) в подготовительных, теоретических классах. Резко были изменены методы обучения. Если раньше преобладал лекционный метод, то теперь он был заменен методом развернутой беседы. Преподавание по новой программе и изменение методов обучения способствовали улучшению боевой подготовки будущих командиров». Как утверждал автор статьи «Подготовка командных кадров Красной армии в годы Гражданской войны», «с 1 ноября 1920 г. курсы перешли на шестимесячный срок обучения. Одновременно одни курсы по каждому роду войск переводились на трехгодичный срок обучения с переименованием в школу. В результате дальнейших мероприятий по нормализации работы военно-учебных заведений Красная армия к маю 1921 г. готовила свой командный состав в следующих школах: 1) школы 1-й ступени, выпускавшие командиров взводов; 2) школы 2-й ступени (школы усовершенствования), выпускавшие командиров рот и батальонов; 3) высшие школы по каждой специальности и 4) военные академии. Командные курсы постепенно уступали свое место нормальным школам. Уже в 1922 г. их сеть была сокращена почти наполовину (58,5 % по отношению к 1919 г.), а в конце 1924 г. курсы совершенно прекратили свое существование; часть из них была превращена в войсковые школы».

Поступающие на военные курсы и в военные школы проходили приемные испытания. По сегодняшним меркам они могут показаться более чем простыми (куда уже проще), но тогда, в годы поголовной неграмотности, эти требования выглядели достаточно серьезными. Например: «По русскому языку – умение читать, писать, излагать устно и письменно прочитанное. По арифметике – умение производить все действия над целыми числами любой величины. Дополнительные беседы. Кроме испытаний по русскому и арифметике, с целью выяснения общего развития поступающего в ВУЗ проводятся беседы самого элементарного

характера на темы по математической и физической географии... Этим выясняется не запас фактического материала и знаний, а, главным образом, общий уровень развития, что дает возможность преподавателю ближе узнать поступающего и более умело подойти к нему в будущих занятиях в школе», – отметит Ж. Ульман в статье «Подготовка красного командного состава».

В июле 1920 года срок обучения на Пехотных командных курсах был увеличен до года. Это время состояло из трех периодов: подготовительный – со сроком учебы шесть месяцев, специально-военный – четыре месяца и дополнительный – два месяца.

Организационно курсы подразделялись (основу курсов составлял батальон четырехротного состава) на роты, взводы и классные отделения до 30 человек в каждом. За короткий срок курсанты должны были освоить большой по объему материал: тактику и фортификацию, топографию и воинские уставы, артиллерию и связь, социально-политические и общеобразовательные предметы. Много времени отводилось изучению оружия. Помимо трехлинейной винтовки Мосина образца 1898 г., станкового пулемета системы Максима изучались ручные пулеметы Льюиса и Кольта, станковые пулеметы Виккерса, Шварцлозе, Гочкиса, Сен-Этьена, пушки системы Розенберга и Маклена, миномет «Дюмезиль» и другая техника, которая досталась Красной армии в качестве военных трофеев. Что же касается бытовых условий курсантов, то кроме как суровыми назвать их было нельзя.

Как подчеркивает В. А. Дороничев, «плохое обмундирование, питание, тяжелое материальное положение способствовали росту демобилизационных настроений и желанию скорейшего выпуска из стен...»

Свидетельство бывшего курсанта 1-й Петроградской пехотной школы командного состава РККА М. Баруткина лишь дополняет эту картину: «В 1921–1922 гг. курсанты военно-учебных заведений получали 600 граммов хлеба, но из них добровольно отчисляли в пользу голодающих Поволжья по 100 граммов в день. Горячая пища в виде фасолевого супа или супа из селедки была в основном один раз в день – в обед, а утром и вечером – чай. Были моменты, когда в лагерных условиях мы носили настоящие лыковые лапти. Но мы не роптали. Мы понимали, что Родина большего дать тогда не могла».

Несмотря на все эти трудности послевоенного времени, курсант Попов учился достойно, явно выделяясь среди товарищей, и не однажды отмечался командованием. Например, 29 января 1922 г., как один из лучших курсантов он был назначен на должность отделенного командира (должность командира отделения в Красной армии в период 1919–1924 гг.), получив право носить свой первый в жизни знак различия: на левый рукав рубахи и шинели пришивался суконный клапан по цвету рода войск (малиновый), в верхней части которого была звезда алого цвета, а под ней треугольник.

До долгожданного выпуска оставалось еще целых семь месяцев...

Он состоялся в октябре 1922 года. По случаю был митинг, играл оркестр. Молодым краскомам вручили командирские свидетельства, выдали новое диагональное обмундирование, английские шинели, командирское снаряжение и наганы. Теперь уже красный командир Маркиан Попов, а не Мотя, как раньше, был оставлен на курсах командиром взвода. Ему скоро исполнится только восемнадцать, а по документам – уже целых двадцать. Так ведь и вся дальнейшая жизнь Маркиана Михайловича словно бежала по дороге судьбы, спеша ровно на два года вперед.

«Выдающийся командир»

Меньше двух месяцев краском Попов командовал взводом на Пехотных курсах. 15 октября, после расформирования курсов, его назначили помощником командира взвода Сводной роты 33-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. Но это не было понижением. Просто Маркиан Михайлович рвался в строй и за неимением свободной должности менее месяца занимал нижестоящую. С 22 ноября он уже командир взвода учебной роты в дивизионной школе 11-й дивизии. Пройдет чуть более года, и его назначат помощником командира учебной роты, а еще через полгода – помощником начальника полковой школы.

Будущий главный маршал бронетанковых войск (1962) П. А. Ротмистров в 1924 г. окончил Военную объединенную школу имени ВЦИК и для прохождения дальнейшей службы был направлен в Ленинград, где стал командиром взвода 31 – го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. Спустя десятилетия он напишет: «И какова же была моя радость, когда я увидел своего старого сослуживца и друга Маркиана Михайловича Попова. Еще в двадцатых годах нам довелось командовать ротами в одной дивизии. Я знал его как отличного строевого командира, превосходного спортсмена, остроумного и неизменно жизнерадостного человека».

К счастью, Павел Алексеевич сохранил для нас и еще одно ценное воспоминание о том времени их командирской юности: «Попал в роту, укомплектованную в основном красноармейцами приволжских и северных народностей. Командовал ротой бывший офицер старой армии Бурыгин. Это был настоящий военный профессионал. Он предъявлял жесткие требования к боевой подготовке, особенно большое внимание уделял стрелковому делу и штыковому бою, считая, что успех в схватках с врагом прежде всего зависит от того, насколько умело владеет воин доверенным ему оружием – метко ли он стреляет, умеет ли нанести врагу стремительный удар штыком или прикладом.

Однажды командир роты собрал нас, молодых командиров взводов, на стрельбище. Стреляли из винтовки стоя, с колена и лежа. Все выполнили упражнения, но, нужно сказать, не с блестящим результатом.

Бурыгин укоризненно покачал головой и, молча взяв винтовку, вышел на огневой рубеж. Одну за другой он быстро и метко поражал мишени, а закончив стрельбу, встал, отряхнулся и сказал:

– Вот так-то! Раз и навсегда запомните, что уважение красноармейцев, авторитет у них вы можете завоевать только личным примером.

Так мы получили наглядный урок, из которого сделали вывод: чтобы обучать, надо самому все уметь и знать лучше своих подчиненных.

К службе я относился очень серьезно, настойчиво добиваясь выполнения красноармейцами программы боевой и политической подготовки, четкого знания уставов и наставлений. Много уделял внимания ликвидации неграмотности, считая эту работу не только командирской обязанностью, но и долгом коммуниста. Не случайно мой взвод в первый же год стал лучшим в роте, а меня назначили командиром учебного взвода полковой школы, затем – командиром роты».

Возможно, П. А. Ротмистрову повезло больше, чем М. М. Попову, который пришел в дивизию осенью 1922 г., но, как свидетельствуют документы тех лет, «после завершения курсов и прибытии на место прохождения своей службы краском зачастую сталкивался с достаточно недоброжелательным отношением со стороны военспецов». Об этом можно прочитать в статье В. А. Дороничева «Особенности подготовки, прохождения службы и материальное положение красных командиров в начале 20-х годов XX века»: «В массе своей "представители старой школы" игнорировали новоиспеченных офицеров, считали их мало-

подготовленными для строевой и воспитательной работы с красноармейским составом. О расслоении комсостава можно найти подтверждение в "Тезисах о быте командного, политического, административного и красноармейского состава Красной армии", подготовленных ПУ РВС в мае 1923 г.: "Комсостав не представляет собой единого целого, а делится, в основном, на 2 группы. Это бывшие офицеры старой армии и красные командиры из рабочих и крестьян, кончившие ВУЗы и активные участники Гражданской войны. Первые занимают преимущественно должности высшего и старшего комсостава, краскомы же на 95 % заполняют должности младшего комсостава от командиров отделений до командиров рот. Разность этих групп по социальному происхождению и по подготовке является той причиной, которая вызывает деление комсостава на «краскомов» и не «краскомов». Взаимоотношения их между собой далеко еще неудовлетворительные. Связи между ними вне службы нет никакой, за редким исключением"».

Например, в частях все той же 11-й стрелковой дивизии было «замечено частичное игнорирование краскомов, занимающих низшие командные должности, со стороны высшего командного состава (из бывших офицеров), медленное проведение их по службе, что объясняется тенденциями командиров из бывших офицеров держаться старых традиций и предпочтений к выдвижению на командные должности лиц также из бывших офицеров, считая краскомов малоподготовленными...»

Как подчеркивает В. А. Дороничев, «проведенная проверка показала необходимость определения четкого порядка прохождения службы краскомов. В одной из докладных записок на имя заместителя председателя РВС СССР предлагалось:

"... 1. установить предельные сроки пребывания красных командиров на определенных постах.

2. установить право красным командирам занимать административно-хозяйственные должности и штатные должности при стаже службы помощником командиром роты в течение 1 года.

...4. Для красных командиров, прошедших Гражданскую войну и занимавших должность командира роты и выше, но в настоящий момент пониженных, провести через специальные аттестационные комиссии и направить в высшие стрелковые школы, независимо от того, какие должности они занимали».

Помимо таких вот чисто служебных проблем красные командиры испытывали и крайне тяжелое положение с необеспеченностью жильем, обмундированием, обувью, продовольствием.

Раскрывая эту тему, В. А. Дороничев пишет: «Если старший и высший комадмполитсостав получал сравнительно большие оклады, и несоответствие между вздорожанием жизни и процентной прибавкой не так было заметно, то у среднего и младшего комадмполитсостава оно бросалось в глаза. Как отмечалось в политсводках, это вносило в круг комсостава некоторые отрицательные элементы, такие как "неприязнь, зависть, обиды". Кроме того, определенную часть жалованья командирский состав получал облигациями золотого займа.

Оставшаяся часть жалованья почти целиком уходила на приобретение топлива и оплату коммунальных услуг.

«... 23 рубля в месяц, выплачиваемые взамен топлива, представляют ничтожную сумму, если принять во внимание, что воз дров стоит 200 рублей, а пуд угля – 25 рублей. Кроме того, комсостав в приобретении техники и иных вещей не пользуется льготами, которые предоставлены служащим и работникам гражданских учреждений, имеющим более высокую оплату труда».

Правительство пыталось решить проблемы военнслужащих путем введения военного тарифа и выплаты жалованья по курсу товарного рубля, однако «запаздывания в выдаче жалованья (особенно в провинции), применение в армии особого переводного коэффи-

циента ниже бюджетного индекса Госплана, непрекращающееся вздорожание продуктов» свели все эти улучшения на нет.

Особое место занимал жилищный вопрос. Следует отметить, что большей части комсостава (85 %) приходилось жить на частных квартирах, а оставшаяся часть (15 %) размещалась в бывших офицерских корпусах.

«... Плата за квартиру и коммунальные услуги лишают возможности комадмполитсостав нанимать более или менее приличную квартиру, бывшие офицерские корпуса не приспособлены для жилья. Проживание на частных квартирах, помимо неудобств из-за отдаленности от части, ложится бременем на бюджет комсостава».

Помните знаменитую повесть Бориса Васильева «Офицеры»? Там было так: «Маленькое, тесное полутемное помещение: то ли часть товарного вагона, приспособленного под жилье, то ли выгородка в бараке с отдельным входом. Столик, табуретка, сундук да большая бельевая корзина, в которой спит ребенок.

За столом Люба на кофейной мельнице перемалывает в муку неочищенные ржаные зерна. Изредка покачивает корзину, когда в ней начинает кряхтеть сын.

Открылась дверь, и в клубах морозного пара возник Алексей с непокрытой головой – шлем был надет на котелок, который он бережно прижимал к груди левой рукой. А под правой нес добрую половину железнодорожной шпалы.

– Как живете-можете?

– Дверь закрой.

– Морозище – ужас, – Алексей поставил у входа шпалу, прикрыл дверь, подошел к столу и торжественно водрузил перед Любой накрытый шлемом котелок. – Ну, ничего, угольку обещали подвезти. Перезимует.

Люба сняла шлем с котелка. И ахнула:

– Суп!

– Борщ, – поправил муж. – Комиссар приказал женам выдать. Ешь, пока горячий.

Люба тут же достала кусочек хлеба, ложку. Начала есть.

– А ты опять без завтрака ушел.

– Опаздывал я. Где наш топор?

– Под сундуком, – Люба вдруг перестала есть. – Алеша, он же с мясом!

– Ну с мясом, – согласился Алексей. – И хорошо, что с мясом. Полезно. Ешь.

– Не буду.

– Ешь, я сказал!

– С мясом женам не полагается.

– Тем, которые кормящие, им полагается, – он подошел, обнял. – Ну ешь, пожалуйста.

– Не могу. Это твоя порция.

– Ванькина! – вдруг заорал Алексей, тут же испуганно примолкнув. – Спишь, Егорка?.. Правильно, во сне только и расти. Иван в тепле, зубрит до посинения, так что нам с ним одна порция на двоих – за глаза.

– Алеша, я не могу.

– Можешь, – жестко сказал он. – Ты нам сына выкормить должна. Парня, понимаешь? Достал топор, взял шпалу, вышел. Донесся стук топора.

Люба ела борщ с мясом, и слезы капали в котелок».

Все именно так и было...

Осенью 1924-го молодого и перспективного командира направляют на учебу в Москву. Это были знаменитые курсы «Выстрел». 7 октября краском Маркиан Попов был зачислен слушателем, а 9-го курсы были переименованы из Высшей тактико-стрелковой школы командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» в Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна (КУКС «Выстрел»). По утвержде-

нию авторов статьи «Полевая офицерская школа высокого уровня. 180-летняя история курсов "Выстрел"» полковников В. Н. Новака и Ю. Ф. Шлыка, «педагогические новшества, возникшие и утверждавшиеся на курсах, быстро находили свое применение и в остальных военно-учебных заведениях РККА. С целью обмена опытом стал издаваться общеармейский ежемесячный журнал "Выстрел". Уже в первом его номере помимо методической готовилась и научная страничка. В ее публикациях, в частности, тактика (как важный элемент военной науки) объявлялась "цементирующей учебной дисциплиной"». Как подчеркивают кандидат военных наук В. Н. Новак и доктор военных наук Ю. Ф. Шлык, «...курсы, взявшись и за научную деятельность, не увлекались "академичностью" обучения, а давали слушателям необходимые доступные знания, нужные в войсках именно в то время. При этом знания по всем предметам излагались с методическим уклоном, таким образом, командиры в ходе переподготовки сразу учились и преподавать». Далее они пишут: «Основой подготовки слушателей на курсах служил метод "обучая – воспитывай, воспитывая – обучай". Была введена также новая форма занятий – "лабораторная", известная теперь как занятия в специализированных классах. Развивались полевые виды занятий, внедрялись "полевые поездки", особенно прогрессирующий впоследствии так называемый подвижной лагерь – многодневные полевые занятия в постоянном движении. В ходе них в обстановке, приближенной к боевой, отрабатывались все виды боевых действий с практической боевой стрельбой на местности или стрельбой холостыми патронами там, где нельзя было стрелять боевыми. Вводилась боевая стрельба в составе отделения, взвода и роты, которая затем прочно вошла в программы обучения подразделений пехоты РККА (затем Советской армии). Для каждой темы полевого или классного занятия специально разрабатывались программы-задания с подробными рекомендациями для преподавателей. Однако каждое занятие проводилось по-особому. Например, классное – в виде ныне известной самостоятельной работы под руководством преподавателя. Тот же лишь начинал занятие, а далее в рамках отведенного времени обучаемые сами "добывали" знания не только с помощью указанной литературы, но и в так называемых лабораториях (специализированных классах), в каждой из которых находился дежурный консультант-преподаватель.

В конце занятия слушатели отчитывались по данной теме своему преподавателю. Таким образом, обучавшие не поучали слушателей, а помогали им учиться».

По окончании школы, а обучение длилось год, М. М. Попов возвращается на прежнюю должность помощника начальника полковой школы 33-го стрелкового полка 11-й дивизии, а 25 февраля 1926 г. его назначают начальником и политруком этой школы.

По свидетельству Антонина Александровича Попова, летом этого года Маркиан Михайлович пригласил всех новоржевцев к себе в гости. «Здесь, собственно, и отметили мое поступление в университет, – рассказывает троюродный брат полководца. – Познакомились с его женой Клавдией Ильиничной, очень милой, общительной, к тому же прекрасной хозяйкой, хотя она была простая работница.

Маркиан, живой, несколько раздавшийся в плечах, был крайне рад этой встрече и от всей души потчевал каждого из нас. Причем, блестя глазами от выпитого, сообщил, что представлен к должности командира батальона. В полку со всеми ровен, без подбострастия к начальству. Время провели весело. Потом он с Клавдией побывал у нас с Леонидом на Съездовской линии, что называется, с ответным визитом».

На самом деле все это произошло на год позже. В ноябре 1926-го Маркиан Попов впервые зарегистрировал свой первый брак с Людмилой Тарасовой, уроженкой Ленинграда. Прожили молодожены недолго, а в апреле 1927-го развелись. История умалчивает, по какой причине, но следующей женой будущего полководца стала Клавдия...

Из автобиографии: «Женат на гражданке Соколовой Клавдии Ильиничне. По происхождению рабочая. Сама до 1929 г. работала на производстве в г. Ленинграде. Ее родствен-

ники: брат Борис Соколов – рабочий завода Красный Металлист гор. Ленинград. Сестры (их много) или работают, или, являясь домашними хозяйками, живут в Ленинграде. Родители жены умерли до революции, отец работал на различных предприятиях Ленинграда».

Аттестуя начальника полковой школы М. М. Попова, командир 33-го стрелкового полка осенью 1927 г. писал:

«Очень способен. Энергичен. Дисциплинирован. Требователен. Хорошо подготовлен. В общении корректен. Специальное влечение к строевой службе и тактике. Хороший хозяйственник.

В полку его любят младшие командиры и красноармейцы. Считаю его вполне достойным к продвижению на должность комбата во внеочередном порядке».

А вот что писал командир 33-го стрелкового полка в аттестации за 1926 год: «Будучи начальником школы стрелкового полка, показал себя образцово дисциплинированным, хорошо знающим военное дело как в теории, так и на практике. Обладает твердым характером. Требователен к себе и подчиненным. Исполнителен. Выдержанный партиец. Подлежит выдвижению на должность командира батальона в очередном порядке».

Летом 1928-го состоялась следующая встреча Антонина Александровича с Маркианом Михайловичем при условиях действительно весьма необычных: «Летом сотни студентов ЛГУ были призваны на высшую военную допризывную подготовку в лагеря 33-го стрелкового полка, разместившегося в дачной местности в Дибунах.

На первом построении щеголеватый, подтянутый комбат, обходя строй, вдруг подмигнул мне. Ба! Маркиан! Командиром нашего взвода являлся недалекий малый, но службист Моисеев, которому доставляло истинное удовольствие "поездить на ученых". Ему ничего не стоило положить людей в грязь, в болото ("свинья грязь найдет"). Но однажды дневальный вызывает к комбату. Явился, а тот с упреком – почему не заходишь? За чаем я попытался объяснить, что это нарушение субординации, а заодно рассказал о "художествах" комвзвода Моисеева. Маркиан улыбнулся и заметил: "Сволочь он, конечно, порядочная, а ты намекни ему, что мы родичи". И на вопрос комвзвода, зачем вызывал комбат, я многозначительно ответил: "Да так, просто чайку попить". И что стало? С той поры придирки к студентам – как рукой сняло».

Из аттестации за 1928 год: «Был лучшим командиром батальона в 11 дивизии. Обладает сильной волей, энергией, большими знаниями и опытом и любовью к военному делу. В обстановке разбирается легко и быстро. Решения принимает быстро и грамотно и четко проводит их в жизнь. Политическая подготовка хорошая. Активен в общественно-политической и партийной работе. Пользуется большим авторитетом в полку. Хороший организатор и педагог. В походах вынослив. Должности соответствует».

Из аттестации за 1929 год: «Хороший, способный и грамотный командир батальона. Хороший стрелок и лыжник. Подтверждаются отмеченные ранее положительные качества. Достоин выдвижения на должность помощника по строевой командира полка».

Вскоре на окружных маневрах батальон М. Попова (с октября 1927 г. по ноябрь 1929 г. – командир батальона 33-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии) занял одно из первых мест, а сам комбат получил по приказу Реввоенсовета СССР, подписанному Уншлихтом, назначение преподавателем тактики Ленинградской пехотной школы. В личном деле М. М. Попова в связи с этим сделана следующая запись:

«11.1929—1.1930

Преподаватель тактики

Ленинградская пехотная школа и слушатель курсов преподавателей при курсах усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» г. Москва.

РВС СССР № 502—1929 г.».

Однако надо знать Маркиана Михайловича... Он настойчиво рвется в строй и добивается своего. С 1 января 1930 г. его назначают исполняющим обязанности начальника штаба Моторизованного отряда 11-й стрелковой дивизии. После утверждения в должности, весной этого же года, командир дивизии С. А. Туровский подпишет очередную аттестацию на своего подчиненного: «...выдающийся командир. Способный, инициативный и работающий над собой. Хорошо ориентируется в обстановке и быстро реагирует на ее изменения. Несколько горяч. В должности начштаба моторизованного отряда в значительной степени способствовал формированию и организации отряда. На тактических учениях, маневрах и занятиях зарекомендовал себя с хорошей стороны.

Достоин выдвижения на должность командира отдельной части».

Что касается должности начальника штаба моторизованного отряда, то эта ступень в стремительной карьере Маркиана Михайловича оказалась знаковой. Во-первых, два ново-рожденных механизированных корпуса Красной армии начали свое формирование в 1932 году на базе стрелковых дивизий Ленинградского и Украинского военных округов – 11-й, в которой долгое время проходил службу будущий полководец, и 45-й – в Киеве. Как уточняет Е. Дриг, «обе дивизии содержались по штатам №№ 4/39,41–44 и в 1930 году имели своем составе (помимо трех стрелковых, одного артиллерийского полков и других частей) моторизованный отряд (штат – 12 бронемашин, 51 автомашина, 29 мотоциклов). В 1931 году по штату в мотомехотряд 11-й стрелковой дивизии входили уже 15 танкеток, 12 БА-27, 132 автомашины, 19 мотоциклов». Именно в этом моторизованном отряде начальником штаба и был М. М. Попов. Во-вторых, касаясь своей службы в начале 30-х годов, маршал Г. К. Жуков вспоминал: «... освоение новой техники, особенно ее использование в операциях, не всегда проходило гладко. Мешал недостаточно высокий общеобразовательный уровень многих красноармейцев и командиров, часто бывали аварии, технические неурядицы, не все понимали, как необходимы технические знания, не хватало технических кадров. Нужно было перестраивать старые рода войск, создавать новые войсковые соединения, переучивать пехотных и кавалерийских командиров на авиаторов и танкистов и в то же время поддерживать боевую готовность армии на случай агрессии. Параллельно шла организационная перестройка войск.

Тем не менее новая техника тянула к себе, привлекала новыми возможностями, возбуждала интерес в армейских массах. В печати, по радио, с помощью кино широко пропагандировались военно-технические знания. (...)

Повсюду в частях можно было увидеть сооруженные армейскими комсомольцами щиты и фотовыставки, популяризовавшие технические знания, проводились летучие митинги и собрания о бережном отношении к технике. (...)

Одним словом, призыв партии "Овладеть техникой!" был главным в деятельности... командиров и политработников».

Овладевал техникой и Маркиан Михайлович Попов. Уже тогда ему приходилось впервые заниматься вопросами ведения разведки с использованием первых советских серийных броневых автомобилей (БА-27) и легких разведывательных танков (танкеток). Это было время, когда технические достижения в области танкостроения в СССР «создали прочные предпосылки к коренному изменению решительных организационных изменений автобронетанковых войск в сторону создания высших механизированных соединений, способных самостоятельно решать задачи, как на поле сражения, так и на всей оперативной глубине современного боевого фронта», – особо подчеркивает Е. Дриг. Отсюда очередное и весьма специфическое назначение М. Попова – инспектор по моторизации корпуса военно-учебных заведений Московского военного округа (январь 1932 – апрель 1932 г.). Это уже Москва. Не потому ли в своей книге Антонин Александрович точно укажет: «До 1931 года я и брат встречались с Маркианом Михайловичем то у нас, то у него. Иногда дискутировали на ост-

рые политические темы того времени – борьба с троцкизмом, коллективизация, а то и на литературные, в связи с выходом первой части "Тихого Дона". Он был искренне тронут, когда я подарил ему вышедшие в свет пьесы – "Облигацию" и "Дурман" с теплым автографом».

Москва, академия...

22 апреля 1932 г. М. М. Попов был зачислен слушателем основного факультета Военной академии им. Фрунзе. Кто знал Маркиана Михайловича, абсолютно не удивился такому успеху, так как на протяжении всей своей службы он всегда выделялся исключительной образованностью. Не говоря уже про высокую должность инспектора моторизации ВУЗов МВО, с которой он туда поступил.

По меркам тех лет это был очень ответственный момент в биографии будущего полководца.

Приказом Реввоенсовета Республики (РВСР) № 47 от 7 октября 1918 г. в Москве была открыта Академия Генерального штаба, которая готовила кадры высшего и среднего состава. Приказом РВСР № 1675 от 5 августа 1921 г. Академия ГШ была преобразована в общевоинскую и переименована в Военную академию РККА. Приказом РВС СССР № 1086 от 5 ноября 1925 г. ей было присвоено имя М. В. Фрунзе. После создания в 1936 г. Академии Генерального штаба Военная академия стала готовить общевоинские кадры командно-штабного профиля оперативно-тактической специальности.

Одним из самых первых слушателей этого элитного учебного заведения Красной армии известен знаменитый Василий Иванович Чапаев, который прибыл в Москву из дивизии в ноябре 1918 г., а зачислен был только 9 декабря. Учившийся с ним генерал армии И. В. Тюленев рассказывал следующее: «В конце ноября 1918 года я прибыл в Москву. Академия Генерального штаба помещалась в Шереметьевском переулке, в здании бывшего охотничьего клуба. Комната, в которой мне предстояло жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. Первое, что бросилось в глаза, в два ряда вдоль стен узкие кровати. В проходе между ними нервно шагал, вернее, не шагал, а метался щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно, на пробор, причесанный. Увидев меня, он остановился и громко, с издевкой сказал: "Еще одна птичка пожаловала! Что, брат, фронт тебе надоел?" В ответ я только махнул рукой. Мой собеседник вздохнул: "Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую несурзацу – боевых людей за парту!" Это был Василий Иванович Чапаев. Мне досталась койка через одну от него».

О пребывании Чапаева в академии до нас дошли несколько историй. Все их, называя легендами, перечисляет А. Ганин: «Первая – об экзамене по военной географии, на котором в ответ на вопрос старого генерала о значении реки Неман (в разных версиях реки различаются: фигурируют также Сена и Висла) Чапаев спросил профессора, знает ли тот о значении реки Солянки, на которой он вел бои с уральскими казаками. При этом Чапаев сказал, что на Немане был ранен и контужен (хотя воевал он в Первую мировую в основном в Галиции). Тем не менее, Василия Ивановича зачислили как имеющего практический опыт. Еще по одной легенде Чапаев в академии освоил топографию и научился делать из 10-верстной карты верстовку или двухверстовку. И наконец, по рассказу Тюленева, Василий Иванович сумел "поставить на место" известного военного теоретика Свечина (тогда штатного преподавателя и руководителя практических занятий академии) в вопросе о битве при Каннах, назвав римлян слепыми котятками и заявив в ответ на ироническое замечание преподавателя: "Мы уже показали таким, как вы, генералам, как надо воевать!"»

В том же декабре 1918-го В. И. Чапаев покинул академию, вернувшись на фронт. Однако, как стало известно гораздо позднее, из своей дивизии в это учебное заведение он направил нескольких лучших краскомов, а провожая, вроде как даже говорил: «Академия – это великое дело».

По воспоминанию главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова, большинство научных трудов по теории и истории войн, стратегии, тактике и новой отрасли

военной науки – оперативному искусству были подготовлены и изданы в академии при М. В. Фрунзе, который был ее начальником (1924–1925).

Поступивший в академию в 1928 г. Павел Алексеевич в книге «Стальная гвардия» напишет об этом не без ноток ностальгии: «Так, коллектив преподавателей в составе Н. П. Сапожникова, А. Н. Лапчинского, Н. Н. Шварца, Н. Е. Варфоломеева и других издал труд "Ведение операций. Работа командования полевого управления". В нем впервые были научно изложены взгляды на ведение операций с применением тех сил и средств, которыми располагала Красная армия, четко формулировалась цель операции и указывался метод действий – непрерывное наступление, переходящее в длительное преследование противника без пауз и остановок. Наступление, таким образом, представлялось в виде ряда последовательных операций, каждая из которых являлась промежуточным этапом на пути к достижению конечной цели – полному разгрому врага.

Идеи, изложенные в этом труде, легли в основу теории глубокого боя и глубокой операции, выдвинутой М. Н. Тухачевским, И. П. Уборевичем, К. Б. Калиновским и разносторонне исследованной в книге В. К. Триандафиллова "Характер операции современных армий".

Тогда же, в 1924 году, вышел в свет большой двухтомный труд профессора А. М. Зайончковского "Мировая война 1914–1918 гг." с описанием хода боевых действий на всех театрах этой войны. А. М. Зайончковский стал профессором еще задолго до революции и получил широкую известность в военных кругах по работам в области военной истории и тактики.

Коллективом профессоров и преподавателей проводилась большая работа по исследованию гражданской войны в СССР. Уже в 1928–1930 годах под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева и РП. Эйдемана был издан трехтомник "Гражданская война 1918–1921 гг.", в котором освещались этапы создания Красной армии и ее военное искусство на полях сражений с войсками белогвардейцев и иностранных военных интервентов.

Преподаватели и профессора академии в последующем подготовили и опубликовали крупные работы по тактике различных родов войск. Эти труды обогащали военные знания слушателей, расширили их оперативно-тактический кругозор, развивали стремление к самостоятельному творческому мышлению. Изучение этих трудов весомо дополнялось прослушиванием интереснейших лекций профессоров и преподавателей кафедр академии.

Слушатели искренне уважали и любили своих профессоров. С особым почтением относились к профессорам А. Е. Снесареву, К. И. Величко, В. Ф. Новицкому, Д. М. Карбышеву, Г. С. Иссерсону».

Особо запомнился бронетанковому военачальнику заслуженный деятель науки и техники профессор В. Ф. Новицкий, который пользовался мировой известностью как крупный ученый по истории войн и военного искусства: «На чтение своих лекций он всегда приходил в идеально отутюженном френче, отличался строгой пунктуальностью и нетерпимостью к опоздавшим.

– Если вы, молодой человек, не уважаете мой предмет, так извольте хотя бы уважать своих коллег, – выговаривал профессор опоздавшему на его лекцию, потом протягивал руку в сторону свободного места и, глубоко вздохнув, уже мягко приглашал: – Прошу садиться.

Другой раз он напоминал, что военачальнику, как никакому другому специалисту, следует ценить время, и тут же приводил пример из прошлого, когда кто-то запоздал подтянуть резервы и проиграл сражение.

В. Ф. Новицкий обладал огромным запасом знаний и феноменальной памятью. Читая лекции по истории Первой мировой войны, он безошибочно называл соотношение сил сторон, десятки населенных пунктов, имена многих немецких, английских и французских генералов, глубоко анализировал и четко объяснял самые сложные процессы боя и войны в целом, делал поучительные выводы и требовал от слушателей в их будущей боевой практике

быть вдумчивыми при принятии решений, не забывать о тех, кто своей кровью добывает победы и расплачивается жизнью за ошибки и фантазии военачальников.

Была у этого великолепного ученого и педагога одна странность: работая дома, он облачался в генеральский мундир с погонами и, прохаживаясь по кабинету, вслух обсуждал различные проблемы военного искусства.

В те годы преподаватели нередко давали консультации слушателям у себя на квартире. Я, например, неоднократно бывал у профессоров Д. М. Карбышева, Г. С. Иссерсона и других.

Так вот однажды слушатель, кажется по фамилии Егорычев, прибыл на квартиру к В. Ф. Новицкому. Дверь ему открыла опрятно одетая старушка.

– Пожалуйста, проходите, – вежливо пригласила она. – Василий Федорович у себя.

– Здесь, ваше превосходительство, требуется иное решение, – услышал Егорычев через приоткрытую дверь голос Новицкого и, войдя в кабинет, остолбенел: профессор стоял перед ним в парадном генеральском мундире старой армии.

– Вы ца-царский ге-генерал... Не з-знал, – залепетал, заикаясь, растерявшийся слушатель, подозрительно озираясь, разыскивая глазами того, с кем разговаривал Новицкий.

– Вас озадачил мой мундир? – усмехнулся профессор. – Да-с, молодой человек, как изволите видеть, я генерал, только не царский, а русский, и сей чин получил не за верно-подданность его императорскому величеству, а за службу на пользу великой России, своему Отечеству. – Поправив пенсне и приподняв голову, он с гордостью добавил: – Представьте себе, я имел честь быть консультантом Владимира Ильича Ленина по некоторым военным вопросам, приходил к нему вот в этом мундире, и он не изволил меня разжаловать.

– Не может этого бы-быть! Тут что-то не то, – с недоумением смотрел Егорычев на профессора, все еще считая, что он кого-то прячет в своем кабинете.

– В таком случае, молодой человек, нам с вами не о чем разговаривать, – уже раздраженно оборвал Новицкий. – Приходите на консультацию в другой раз и предварительно наведите обо мне соответствующие справки в ВЧК.

Егорычева словно ветром сдуло. Он выскочил из квартиры и опрометью бросился к комиссару академии Е. А. Щаденко.

– Товарищ комиссар! Понимаете, на профессоре Новицком царский мундир. Сам только что видел.

У комиссара был довольно крутой нрав, и, когда ему казалось, что человек говорит неумные вещи, он начинал сердиться и не выбирал выражений.

– Толком объясни, в чем дело? – грозно нахмурил он лохматые брови.

Егорычев рассказал.

– Ну и что? – сверкнул зеленоватыми глазами Щаденко. – Известно ли тебе, сколько заслуг у таких генералов, как Новицкий, и перед Красной армией, и перед академией?! Ленина надо читать. И профессор стал красным, когда тебя нельзя было еще назвать даже розовым... Идите извиниться перед профессором за свое поведение.

Вскоре об этой истории стало известно всем слушателям, и некоторые из них долго еще подтрунивали над Егорычевым, а авторитет В. Ф. Новицкого еще больше поднялся, когда мы узнали, что он встречался с Владимиром Ильичем Лениным, который прислушивался к его мнению как крупного военного специалиста».

Когда Маркиан Михайлович Попов только-только сел за академическую скамью, в ней уже завершали свое обучение слушатели так называемой Особой группы во главе с СМ. Буденным, которому было под пятьдесят. После того как известные кавалеристы на обычном диктанте сделали от 13 до 52 ошибок, самостоятельно приняли решение учиться с особым упорством. Наряду с освоением специальных военных дисциплин они стали изучать общеобразовательные предметы: русский язык, математику, историю, географию. И, надо сказать, достигли успехов.

Одним из преподавателей академии был будущий военачальник генерал армии П. А. Курочкин. Он сразу же обратил внимание на Маркиана Михайловича, который среди молодых командиров «выделялся не только знанием военного дела и высокими организаторскими способностями, но и широкой общей культурой, начитанностью и остроумием. Он хорошо знал английский язык, теорию музыки, был превосходным пианистом».

Прекрасно запомнил слушателя М. М. Попова и будущий маршал И. Х. Баграмян (в академии учился с 1931 г.): «Попов был известен в академии не только своими острыми выступлениями на семинарах и заседаниях военно-научного общества, но как и душа всех наших вечеров отдыха. Он отлично пел и играл на рояле. Со своей красавицей женой показывал нам не только бальные танцы, но и фокстрот, танго, только что появившиеся тогда в Москве. Хорошо знал английский. Читал наизусть Фета, Тютчева, Пушкина и Лермонтова».

Одним из однокашников М. М. Попова по академии был будущий генерал Н. П. Симоняк. Из инструкторов верховой езды 1-го разряда он стал слушателем сначала подготовительного курса, а потом выдержал вступительные экзамены и на первый курс. В повести о нем (авторы М. П. Стрешинский и И. М. Франтишев) нашлось место и об этом: «Потянулись годы напряженного труда. Дни, вечера, а нередко и ночи просиживал Симоняк над книгами, географическими атласами, боевыми схемами и расчетами.

О жизни в Москве у Александры Емельяновны остались светлые воспоминания. Жили Симоняки в доме Военной академии, в небольшой комнате. Нередко в ней появлялись новые товарищи мужа – слушатели академии Маркиан Михайлович Попов, Анатолий Иосифович Андреев. Курили, "колдовали" над какими-то схемами, говорили о разных делах, о том, как идут занятия в политкружках, которыми они руководят на московских заводах, спорили о полководцах прошлого. Александра Емельяновна, напоив друзей крепким чаем, уходила за полוג, который делил комнату пополам. Там за учебниками сидела старшая дочь Рая. Младшая, пятилетняя Зоя, забиралась к матери на колени и, захлебываясь, что-то тараторила без конца. Наступало время сна, и мать командовала детям:

– От-бо-ой!..

Потом укладывалась и она. А отцу до отбоя было еще-далеко. Проводит товарищей, сядет за стол и читает, делает какие-то записи. Время перевалит за полночь. Жена, проснувшись, скажет:

– Пора ложиться, Николай. И так тебе спать уже немного осталось.

– Вот только с картой разберусь.

Карта не умещалась на столе. Жене из-за полога было видно, как Николай, растянувшись на полу, что-то старательно на ней вычерчивал».

Так они и учились... Судьба же щедро наградила их за скитания по гарнизонам и за старания в учебе. Николай Павлович Симоняк (1901–1956) дослужился до звания генерал-лейтенанта, стал Героем Советского Союза (1943). В годы войны командовал стрелковой бригадой, гвардейской дивизией, гвардейским корпусом и 3-й ударной армией 2-го Прибалтийского фронта. Анатолий Иосифович Андреев (1900–1973) также дослужился до звания генерал-лейтенанта. В годы войны командовал гвардейской дивизией, был заместителем командующего 2-й ударной армией, командиром стрелкового корпуса. Службу закончил в должности заместителя начальника академии связи. Оба умерли в Ленинграде, где и похоронены.

Стоит отметить, что период учебы Маркиана Михайловича в академии, за исключением последнего года, пришелся на годы командования ей известного военного теоретика, профессора, автора около 40 работ на актуальные вопросы военного дела, будущего маршала, Бориса Михайловича Шапошникова. И это поистине знаково. Как и многие слушатели, М. М. Попов с увлечением будет изучать его знаменитый труд «Мозг армии».

«Эта книга, несмотря на ее специфику и довольно крупный по тому времени тираж (5 тысяч), разошлась очень быстро и вызвала оживленную дискуссию, как в СССР, так и за его пределами, – напишут известные советские маршалы А. М. Василевский и М. В. Захаров в предисловии к книге Бориса Михайловича «Воспоминания. Военно-научные труды». – Спустя два года вышли в свет вторая и третья книги этого труда.

За основу исследования в книге взята деятельность Генерального штаба австро-венгерской армии. Этот выбор не случаен. К моменту начала работы наиболее полно была описана история только австро-венгерского Генерального штаба, причем в роли исследователя-историка выступал сам бывший его начальник – фельдмаршал Конрад фок Гетцендорф. Пятитомные мемуары Конрада, сопровождавшиеся публикацией множества подлинных документов о работе Генерального штаба и связанных с ним правительственных учреждений, представляли возможность всесторонне исследовать комплекс вопросов, входящих в сферу деятельности этого органа, вскрыть ее положительные и отрицательные стороны.

В последующем автор использовал работы о французском и германском Генеральных штабах, документальные материалы русского Генерального штаба. Это позволило Борису Михайловичу создать исключительно интересный трехтомник, полезный и по сегодняшний день. В нем дается четкое представление о том, чем должен быть Генеральный штаб в условиях нашего времени, каково его место в военной системе, как должна организовываться его работа.

Борис Михайлович Шапошников в своем труде раскрыл основные положения молодой советской военной науки о характере будущей войны, дал детальное представление о структуре Генерального штаба как органа Верховного Главнокомандования и о сущности его работы, о требованиях, предъявляемых современной войной к военачальнику, к органам оперативного управления и их работникам. Наконец, показал роль Генерального штаба в подготовке страны к обороне...»

Но время летит неумолимо быстро. 1936 год – год выпуска будущего полководца. Генерал армии А. С. Жадов, хорошо знавший Маркиана Михайловича, в том числе и по академии, в статье к юбилею товарища отметит: «За четыре года учебы в академии он глубоко изучил природу современного боя. Преподаватели академии отмечали у него склонность к научно-исследовательской работе, он прекрасно усваивал природу современного боя, проявлял глубокие знания в английском языке...»

Отличную учебу совмещал с работой в должности старшины курса, руководителя спортивной и стрелковой секции факультета. Академию окончил по 1 разряду».

В книге Л. Млечина «Иосиф Сталин, его маршалы и генералы» приводится такой эпизод: «Беда состояла не только в том, что основное военное руководство было плохо образованно. Руководители наркомата еще и бравировали своей необразованностью.

Георгий Константинович Жуков не получил законченного академического образования и помнил об этом. Будущий генерал армии Николай Григорьевич Лященко вспоминал после войны свой разговор с Жуковым:

– Вы, наверное, академию кончали? – Да.

– Так и знал. Что ни дурак, то выпускник академии».

Безусловно, Георгий Константинович человеком был горячим и сгоряча мог сказать и не такое, однако факт остается фактом: «В 30-е гг. 50–70 % комсостава имело образование в объеме нормальной школы и 2–6 % в объеме академии». Об этом можно прочитать у Г. И. Герасимова в статье «Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА». Однако, если смотреть глубже, то, «по мнению автора, высокие показатели академического образования в начале 30-х гг. обусловлены тем, что в число лиц с академическим образованием были включены и те, кто закончил курсы при академиях, что конечно не тождественно академическому курсу. Реальный уровень академического образования в

эти годы можно определить в 2–3,5 %». Как мы видим, в этот процент попал и Маркиан Михайлович Попов, не без зависти называясь теперь в среде командного состава Красной армии «академиком».

«На границе тучи ходят хмуро»

Первая должность М. М. Попова после академии – исполняющий должность начальника штаба 9-й механизированной бригады (май 1936 — июль 1937 г.).

К слову сказать, механизированные бригады в СССР были сформированы в 1935 г. и по определению являлись мощным средством усиления войск (например, находясь в подчинении кавалерийского корпуса).

В составе мехбригады насчитывалось до 8 батальонов (три танковых, отдельный учебный танковый, отдельный стрелковый, отдельный разведывательный, отдельный ремонтно-восстановительный, отдельный батальон боевого обеспечения) и две роты (связи и автотранспортная). На вооружении она имела 174 танка (в том числе 89 легких Т-26, 8 огнеметных Т-26, 66 радиальных Т-26 (то есть имеющих радию), малых плавающих танков Т-37А, 4 танкетки Т-27) и 7 бронеавтомобилей.

После Моторизованного отряда 11-й стрелковой дивизии эта была уже самая настоящая сила. Кроме того, руководство такой силой на благодатной почве полного курса обучения в академии стало для Маркиана Михайловича весьма важной ступенькой в его стремительной карьере. Ведь это было то самое время, когда только-только начала создаваться официальная теория применения автобронетанковых войск, закрепленная в наставлениях по их боевому применению (1932–1937) и в Полевых уставах РККА (1936–1939). Как подчеркивает И. Дроговоз, «ими предусматривалось три основные формы боевого применения танковых войск:

а) в тесном взаимодействии с пехотой или конницей в качестве групп их непосредственной поддержки (танковые группы НПП, НПК);

б) в тактическом взаимодействии со стрелковыми и кавалерийскими частями и соединениями в качестве групп их дальней поддержки (танковые группы ДНИ);

в) в оперативном взаимодействии с крупными общевойсковыми объединениями (армия, фронт) в составе самостоятельных механизированных и танковых соединений».

Поэтому вполне объяснима и предсказуема следующая должность М. М. Попова – начальник штаба 5-го механизированного корпуса (июль 1937 – июнь 1938 г.).

5-й механизированный корпус был сформирован в 1935 г., на базе механизированной бригады имени К. Б. Калиновского. В него вошли три бригады: 12-я мехбригада базировалась в Калуге, 13-я – в Алабино Наро-Фоминского района, 14-я и штаб корпуса располагались в Рабочем городке под Наро-Фоминском.

Как известно, это было время массового террора в СССР. Коснулся он и командного состава Красной армии. И здесь трудно не согласиться с автором книги «1937. Трагедия Красной армии» О. Сувенировым, который констатирует: «А получилось беспрецедентное поражение Красной армии летом и осенью 1941 г. Причин здесь, безусловно, много. Но я полагаю, что одна из главных причин позорных неудач Красной армии состояла в недостаточно высоком профессионализме ее начсостава в целом, высшего комсостава в особенности. По числу генералов и полковников хватало, а вот качество большинства из них явно не соответствовало требованиям современной войны. Трагедия Красной армии в 1941–1942 гг. во многом, а может быть и в основном, прямое следствие трагедии РККА в 1937–1938 гг.». Есть в этой книге упоминание и о 5-м мехкорпусе: «Бывший начальник Особого отдела 5-го механизированного корпуса Казюлин не без гордости докладывал Всеармейскому совещанию политработников в апреле 1938 г., что "по корпусу и по всем входящим в него бригадам на 100 % арестовано командное руководство, политическое и штабное. Я говорю только о руководстве"».

Пропадет в этой мясорубке и комкор Магер Максим Петрович. С июня 1935 г. по ноябрь 1936 г. – командир и военком той самой 9-й механизированной бригады. Первый раз его арестовали в сентябре 1938 г. Через полтора года, в феврале 1940-го, Главная военная прокуратура дело по его обвинению прекратила за отсутствием состава преступления и освободила из-под стражи. Во второй раз Магера арестовали в апреле 1941-го, и по прежним обвинениям (участие в военном заговоре, вредительство) Военная коллегия Верховного суда СССР 20 июля 1941 г. приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 октября 1941 г.

Сгинет в ней и комдив Ракитин Николай Васильевич. С августа 1933 г. – командир и военком 1-й механизированной бригады имени К. Б. Калиновского. С мая 1935 г. – командир и военком 5-го механизированного корпуса. Его арестовали 19 июня 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР, а через несколько месяцев – 15 декабря 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

В июне 1938 г. полковник М. М. Попов будет назначен заместителем командующего 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке, а затем заместителем командующего войсками Дальневосточного фронта (14 июня 1938 г. присвоено воинское звание «комбриг»; Постановление СНК СССР № 0671/п). Кто стоял за этим назначением, теперь уже неизвестно (скорее всего, сам начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников), однако в то время, когда на восточных границах Советского Союза, как говорилось тогда, «стали надвигаться хмурые тучи», такое назначение вполне закономерно. Молодой и перспективный полковник, с высшим военным образованием, с большим опытом командной, штабной и преподавательской работы. Кроме того, был учтен опыт М. М. Попова и как начальника штаба моторизованного отряда, механизированной бригады и механизированного корпуса. Скажем так, опыт, встречающийся тогда не часто, и особенно в условиях дефицита специалистов.

Безусловно, свою роль сыграл фантастически огромный размах организационных мероприятий, проводимых в Красной армии в те годы, когда ее ежегодная численность росла, а выдвижение командного состава было массовым. Сам Г. К. Жуков в своих мемуарах в качестве основной причины недостатка квалифицированных кадров накануне войны называл именно огромные организационные мероприятия. Но не стоит забывать и про репрессии. Они имели место быть.

Дальневосточный фронт был создан по приказу НКО СССР от 28 июня 1938 г. (в соответствии с постановлением Главного военного совета РККА от 8 июня 1938 г.) на базе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и именовался Краснознаменным Дальневосточным фронтом. В состав фронта вошли 1-я и 2-я армии, а также Хабаровская группа войск. Командующим фронтом был назначен Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, членами Военного совета: дивизионный комиссар П. И. Мазепов и начальник штаба комкор Г. М. Штерн.

Время было непростое. Начались события у озера Хасан...

По мнению историка А. А. Кириченко, опирающегося на документальное изучение советско-японского конфликта в районе озера Хасан, именно побег начальника Дальневосточного управления НКВД Г. С. Люшкова (восточнее Хунчуна) через 59-й Посыетский погранотряд стал главным поводом к началу Хасанского конфликта. Он «привел Сталина в ярость, и, судя по всему, Кремль одобрил инициативу заместителя наркома внутренних дел Фриновского и начальника ГУ РККА Мехлиса "дать самураям по зубам"».

Другой историк – Ю. В. Георгиев – считает, что к «агрессивным действиям» в связи с побегом Люшкова первой прибегла японская сторона, так как на основании показаний Люш-

кова они пришли к выводу, что советские войска на Дальнем Востоке превосходят их по своей численности и вооружению.

Как пишет А. Почтарев, «во-вторых, учитывая явный "прокол" с переходом границы в полосе 59-го отряда, его командование трижды – 1, 5 и 7 июля запрашивало штаб Дальневосточного погранокруга дать разрешение на занятие высоты Заозерной, чтобы оборудовать на ней свои наблюдательные позиции. 8 июля наконец такое разрешение из Хабаровска было получено. Путем радиоперехвата это стало известно японской стороне. 11 июля на сопку Заозерная прибыл советский пограничный наряд, который ночью и оборудовал на ней окоп с проволочными заграждениями, выдвинув его на сопредельную сторону за 4-метровую погранполосу.

Японцы тут же обнаружили «нарушение границы». В результате временный поверенный в делах Японии в Москве Ниси передал заместителю наркома иностранных дел СССР Стомонякову ноту своего правительства с требованиями "покинуть захваченную маньчжурскую землю" и восстановить на Заозерной "границу, существовавшую там до появления окопов". В ответ советский представитель заявил, что "ни один советский пограничник и на вершок не заступил на сопредельную землю". Японцы негодовали.

И, в-третьих, 15 июля вечером на гребне высоты Заозерной в трех метрах от линии границы начальник инженерной службы Посьетского погранотряда Виневакин выстрелом из винтовки убил "нарушителя" – японского жандарма Мацусиму. В тот же день посол Японии в СССР Сигемипу посетил советский Наркомат иностранных дел и вновь в категоричной форме потребовал отвести советские войска с высоты. Ссылаясь на Хуньчуньское соглашение, Москва и во второй раз отвергла требования Токио.

Через пять дней японцы повторили свои претензии на высоты. При этом посол Сигемипу заявил наркому иностранных дел СССР Литвинову, что "его страна имеет права и обязательства перед Маньчжоу-Го" и в противном случае "Япония должна будет прийти к выводу о необходимости применения силы". В ответ японский дипломат услышал, что "успешного применения этому средству он в Москве не найдет" и что "японский жандарм убит на советской территории, куда ему не следовало приходить".

Узел противоречий затянулся».

Маршал же Блюхер, как оказалось, допустил непростительную ошибку, направив на место происшествия комиссию, которая совершенно без труда установила: окопы, отрытые советскими пограничниками, находятся на маньчжурской территории на три метра в ее глубину. То есть комиссия Блюхера «установила» «виновность» своей собственной стороны в возникновении конфликта у озера Хасан.

«6 июля по приказу Блюхера, – подчеркивает А. Почтарев, – с сопки Безымянной был снят взвод поддержки и поставлен лишь пограннаряд в составе 11 человек во главе с лейтенантом Алексеем Махалиным. На Заозерной же размещалась рота красноармейцев. В Москву на имя наркома обороны Ворошилова ушла телеграмма командующего ДКФ "о нарушении маньчжурской границы" с предложением "немедленного ареста начальника погранучастка и других виновников в провоцировании конфликта с японцами". Ответ "красного конника" Блюхеру был кратким и категоричным: "Прекратить возню со всякими комиссиями и точно выполнять решения Советского Правительства и приказы Наркома". На тот момент, как представляется, открытого конфликта еще можно было избежать политическими средствами, но его механизм был уже запущен с обеих сторон.

29 июля в 16 часов 40 минут японские войска двумя отрядами численностью до роты атаковали высоту Безымянную. 11 советских пограничников приняли неравный бой. Пятеро из них были убиты, смертельное ранение получил и лейтенант Махалин. Подоспевший резерв пограничников и стрелковая рота лейтенанта Левченко к 18 часам выбили японцев с высоты и окопались. На следующий день между сопками Безымянная и Заозерная на высо-

тах занял оборону батальон 118-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии. Японцы же при поддержке артиллерии предприняли ряд безуспешных атак на Безымянную. Советские бойцы стояли насмерть. Уже первые бои 29–30 июля показали, что завязался необычный инцидент.

В 3 часа утра 31 июля вслед за сильной артподготовкой два батальона японской пехоты атаковали высоту Заозерная и один батальон высоту Безымянная. После ожесточенного неравного четырехчасового боя противнику удалось-таки занять указанные высоты. Неся потери, стрелковые подразделения и пограничники отошли в глубь советской территории, к озеру Хасан.

С 31 июля в течение более недели японские войска удерживали эти сопки. Атаки частей Красной армии и пограничников были безуспешными. 31-го же числа на Хасан от командования фронта прибыли начштаба Штерн (до этого под псевдонимом "Григорович" год воевал Главным военным советником в Испании) и Мехлис. В тот же день последний доложил Сталину следующее: "В районе боев нужен настоящий диктатор, которому все было бы подчинено". Следствием этого 1 августа стал телефонный разговор вождя с маршалом Блюхером, в котором тот категорично "рекомендовал" комфронта "выехать на место немедленно", чтобы "по-настоящему воевать с японцами".

Блюхер выполнил приказ только на следующий день, вылетев во Владивосток вместе с Мазеповым. Оттуда на эсминце в сопровождении командующего ТОФ Кузнецова они были доставлены в Посьет. Но сам маршал практически не очень стремился участвовать в операции. Возможно, на его поведение повлияло и известное сообщение ТАСС от 2 августа, где была дана недостоверная информация о том, что японцы захватили советскую территорию до 4 километров. Антияпонская пропаганда делала свое дело. И вот уже вся страна, введенная в заблуждение официальным заявлением, с яростью стала требовать обуздать зарвавшихся агрессоров.

1 августа был получен приказ наркома обороны, который требовал: "В пределах нашей границы смести и уничтожить интервентов, занявших высоты Заозерная и Безымянная, применив в дело боевую авиацию и артиллерию". Эту задачу было поручено решить 39-му стрелковому корпусу в составе 40-й и 32-й стрелковых дивизий и 2-й механизированной бригады под командованием комбрига Сергеева. Общее руководство операцией Климент Ворошилов возложил при действующем командующем ДКФ на его начальника штаба комкора Григория Штерна.

В тот же день японцы в районе озера Хасан применили свою авиацию. Огнем зенитных средств противника были сбиты 3 советских самолета. Вместе с тем, овладев высотами Заозерная и Безымянная, самураи совсем не стремились продолжать захватывать "целые куски советской территории", как утверждали в Москве».

Примечательно, что всего одна 19-я дивизия японской армии вела бой, ограничиваясь лишь оборонительными действиями. Причем не пересекая государственной границы. Однако советские войска дважды переходили в наступление (со 2 по 6 августа) силами до двух дивизий с применением танков, авиации и артиллерии. 39-й стрелковый корпус в районе Хасана насчитывал около 23 тыс. человек, 237 орудий, 285 танков, 6 бронемашин и 1 тыс. 14 пулеметов. И это не считая авиации: 70 истребителей и 180 бомбардировщиков.

Как пишет доктор исторических наук К. Б. Черевко, «после вытеснения японцев в результате ожесточенных боев 6–9 августа за линию, обозначенную на карте, приложенной к Хунчуньскому протоколу, как ее понимала советская сторона, 10 августа японская сторона, потеряв 600 человек убитыми и 2,5 тыс. человек ранеными (при советских потерях: 792 человека убитыми и 3279 ранеными), согласилась на прекращение военных действий с 11 августа с взаимным оставлением войск СССР и Японии на позиции, где они находились на предыдущий день. (...)

11 августа военные действия были прекращены, и вопреки утверждениям печати о том, что советский флаг развевается на вершине сопки Заозерная, представитель МВД Японии на пресс-конференции "с горечью" заявил, что он установлен "не на самой вершине (расположенной на самой границе между СССР и Маньчжоу-го по Хунчуньскому протоколу. – К. Ч.), а чуть-чуть в стороне".

Занятие войсками СССР не только советской части высоты Заозерная, но и всей высоты Безымянной после интенсивного артиллерийского обстрела этих высот, то есть и ее несоветской части, подтверждают и другие источники».

Какие уроки извлечет для себя молодой заместитель командующего войсками из тех событий?

Как позднее подчеркнет маршал М. В. Захаров в своей книге «Генеральный штаб в предвоенные годы», «представляет интерес сложившаяся в ходе событий у озера Хасан схема руководства войсками». В частности, он пишет: «Может быть, и был определенный смысл укрепить командование 39-го стрелкового корпуса более авторитетным и опытным командиром, обладавшим достаточно широкими полномочиями (в силу занимаемой должности начальника штаба фронта), каким был Г. М. Штерн, но, с другой стороны, эта мера принижала роль Военного совета и командующего 1-й армией. Г. М. Штерн имел право самостоятельно сноситься и лично докладывать Наркому обороны и Генштабу о ходе событий и тем самым практически выходил из подчинения армии. Прибывший в корпус представитель Наркома обороны Л. З. Мехлис не разобрался в обстановке и не сумел должным образом повлиять на события с целью улучшить управление войсками. Донесения в Генштаб посылались с большим опозданием. Последнее вынудило Б. М. Шапошникова серьезно предупредить Г. М. Штерна о недопустимости такого положения дел.

В трудном и изолированном положении оказался маршал В. К. Блюхер. С одной стороны, ему было приказано лично осуществлять общее руководство боевыми действиями у озера Хасан и неотлучно находиться на своем командном пункте. С другой стороны, он должен был осуществлять руководство и всем Дальневосточным фронтом, приводившимся в полную боевую готовность, поддерживать тесный контакт с Тихоокеанским флотом, местными властями, а также осуществлять контроль за деятельностью тыла 1-й армии, решать множество других вопросов. Все эти функции, лежавшие непосредственно на нем, можно было выполнить при наличии слаженно работающего штаба фронта. Этот же важный орган управления, по сути дела, был отнят у него и ослаблен до крайности».

Кроме того, только с 1 июля 1937 г. по 1 августа 1938 г. (за год репрессий) «в управлении, штабе и отделах родов войск и служб ОКДВА КДФ было арестовано 98 (из них расстреляно 38), уволено 19 и "откомандировано в распоряжение" 3 лица командно-начальствующего состава, – констатирует В. С. Мильбах в книге «Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия». – Таким образом, потери штаба Дальневосточной армии как органа управления превысили допустимый уровень (30 %), при котором он мог выполнять функции управления в полном объеме. Из отделов штаба ОКДВА в большой степени пострадали отдел боевой подготовки, отдел военных сообщений, организационно-мобилизационный отдел и отдел укрепленных районов. Из 14 управлений и отделов родов войск и служб наибольший урон был нанесен политуправлению, разведывательному отделу, отделу (позже штабу) ВВС, артиллерийскому отделу, отделу бронетанковых войск, структурным подразделениям военно-хозяйственного и квартирно-эксплуатационного отделов».

В. С. Мильбах в своей книге приводит и такой характерный пример: «... В период вооруженного конфликта у оз. Хасан большинство органов управления были не в состоянии выполнять свои функции. Например, по сведениям от 24 августа 1938 г., состояние штаба 1 ОКА характеризовалось следующими данными: "... из положенных по штату 120 человек

налицо 33, считая административно-технический персонал. Собственно комсостава, в том числе и порученцев, 27 человек. Штаб почти на $\frac{3}{4}$ пустой. В шестом отделе нет ни одного человека. В 1-м отделе нет начальников отделений и вместо 19 человек имеется 7 командиров. В 4-м отделе нет начальника отделения, всего налицо 4 человека вместо положенных одиннадцати. Такая же картина и в других отделах штаба... Аналогичное положение во всех управлениях 1-й армии. Отдел связи имеет всего 4-х человек, никого нет ни в 1-м, ни в 3-м отделениях отдела связи"».

Словом, централизованного руководства войсками в районе конфликта не было и в помине. На основе изученных документов В. С. Мильбах делает следующий вывод: «Более того, попытки высшего политического руководства, наркомата обороны и Генерального штаба осуществлять руководство боевыми действиями из Москвы имели деструктивный характер. При наличии вертикали подчиненности фронт – армия – корпус – дивизия и поставленных боевых задач командирам соответствующего звена руководство наркомата обороны постоянно вмешивалось в управление войсками в районе конфликта. Так, в 8.30 2 августа 1938 г. начальник Генштаба Б. М. Шапошников передал телеграмму для В. К. Блюхера: "Политбюро поручило Вам лично руководить действиями наших частей в районе оз. Хасан". В 15.48 того же дня начальник Генштаба передал директиву: "Руководство операцией возлагаю лично на командира 40 сд полковника Базарова". Менее чем через сутки – в 13.45 3 августа нарком обороны возложил "руководство боем 39 ск" на Г. М. Штерна.

Анализ содержания записей переговоров НКО и начальника Генерального штаба с командованием КДФ показывает, что все руководство сводилось к мелочной опеке и разносам: постоянные вопросы "Где Маршал Блюхер?"; указания К. Е. Ворошилова, с какой высоты авиации проводить бомбометание – "только с 6000–7000 метров, а ничуть с 1000 м, как это делалось ранее" (при этом московских стратегов не интересовало то обстоятельство, что в районе оз. Хасан "высота облачности от 300 до 1000 метров, местами сопки закрыты туманом"; во сколько колов должно быть возведено проволочное ограждение (именно в 5 колов); требования немедленно использовать "приборный блок для стрельбы ночью, в тумане, в дыму" с указанием, где конкретно установить приборы, не интересуясь, имеются ли они в наличии (очевидно, имеются в виду контрольно-сигнальные станции обр. 1926 г., звукометрические станции ДЕ-30 и ДЕ-32), есть ли специалисты для их эксплуатации; бесконечные вопросы, в основном риторического характера, например: "Что Вы можете нам хорошего рассказать?", "Как могут японцы держаться на высоте Заозерная, если их как следует поливать огнем из пары десятков орудий всех калибров?", "Кто виноват, что штабы не укомплектованы?"; вопросы, отражающие непонимание происходящего и сквозящие пренебрежением к противнику, – "почему до сих пор не взяли хотя бы десятка макак в плен для "языка"? и т. п.

Подобный стиль руководства порождал нервозность, сковывал инициативу, вносил дополнительную дезорганизацию в систему управления войсками в районе конфликта. Это понимали командиры фронтового и армейского звена. "Наша слабость – многоначалие наверху. До сих пор неизвестно, кто, когда примет окончательное решение на атаку", – докладывал 3 августа 1938 г. наркому обороны Г. М. Штерн. Но здесь же давал понять, что главным виновником считает командующего фронтом (т. е. В. К. Блюхера): "К великому сожалению, неорганизованность нашего высшего руководства является вообще хронической болезнью нашего фронта, и все мы здесь становимся неорганизованными".

Ощущали это и командиры соединений. Так, командир 40-й стрелковой дивизии полковник В. К. Базаров одновременно получал три различные задачи от командира 39-го стрелкового корпуса, из штаба 1-й Краснознаменной армии и из штаба фронта. Весьма проблематично осуществлять управление частями, учитывая одно существенное обстоятельство – орган управления дивизии практически отсутствовал. Как докладывал 2 августа 1938 г. нар-

кому обороны начальник штаба КДФ Г. М. Штерн: "Штаба 40 сд по сути дела нет, есть 2–3 весьма слабеньких работника".

... Отсутствие взаимодействия между родами войск при организации наступления был вынужден отметить и командующий КДФ в докладе 3 августа 1938 г. начальнику Генерального штаба: "Налаженной связи между пехотой и артиллерией нет. В наступлении пехоты и действиях артиллерии был полный разнбой, и днем, и ночью"».

«Разбор» боевых действий у озера Хасан начался сразу же после их окончания. Н. С. Тархова рассказывает: «Уже 31 августа 1938 г. (менее, чем через месяц) состоялось заседание Главного военного совета РККА в Кремле с участием И. В. Сталина и В. М. Молотова, зам наркома НКВД М. П. Фриновского. На этом заседании был заслушан доклад К. Е. Ворошилова «о положении войск КД фронта в связи с событиями у озера Хасан» и «объяснения» В. К. Блюхера и Мазепова. К сожалению, запись заседания велась протокольным способом, и отсутствие стенограммы лишает возможности видеть действительный ход обсуждения. Более того, сохранившаяся протокольная запись была полностью (слово в слово) воспроизведена в приказе НКО СССР № 0040 от 4 сентября 1938 г, о котором говорилось ранее. Помимо организационных выводов, на этом заседании была решена участь самого Блюхера...»

«ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

О результатах рассмотрения главным военным советом вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке дальневосточного театра военных действий
№ 0040 4 сентября 1938 года

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного военного совета РККА в составе членов военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Буденного, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена военного совета КД фронта тов. Мазепова, пришел к следующим выводам: 1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КД фронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии КД фронта. (...)

3. Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, еще в мае с.г. своим постановлением (протокол № 8) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1 июля с. г. всех бойцов, находящихся в таких командировках. Несмотря на это, командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе. В результате этого в период боевых действий пришлось прибегать к сколачиванию из разных подразделений и отдельных бойцов части, допуская вредную организационную импровизацию, создавая невозможную путаницу, что не могло не сказаться на действиях наших войск;

б) войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальник управления фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются. Во многих случаях целые артиллерийские батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий;

в) все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях Д[альнего] В[остока], изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

4. Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КД фронта, и в первую очередь – командующий КДФ маршал Блюхер.

Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки КД фронта и правдиво информировать наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта, т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28–31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск КДФ и утверждал, что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

Сидевшие рядом с Блюхером многочисленные враги народа умело скрывались за его спиной, ведя свою преступную работу по дезорганизации и разложению войск КДФ фронта. Но и после разоблачения и изъятия из армии изменников и шпионов т. Блюхер не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа. Под флагом особой бдительности он оставлял вопреки указаниям Главного военного совета и наркома незамещенными сотни должностей командиров и начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, не способными к выполнению своих задач. Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам КД фронта.

5. Руководство командующего КД фронтом маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. Все его поведение за время, предшествующее боевым действиям, и во время самих боев явилось сочетанием двуличия, недисциплинированности и саботирования вооруженного отпора японским войскам, захватившим часть нашей территории. Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных тов. Литвиновым послу Сигемипу, получив еще 22 июля директиву народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, – тов. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск

для отпора врагу и не принял действенных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 24 июля подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. наркома обороны т. Мехлиса и зам. наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила "нарушение" нашими пограничниками Маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, "установила" нашу "виновность" в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму наркому обороны об этом мнимом нарушении нами Маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других "виновников в провоцировании конфликта" с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с.г., при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером, тов. Сталин вынужден был задать ему вопрос: "Скажите, т. Блюхер, честно, – есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, – я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно".

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определенных задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении дезорганизации в управлении войсками и только после того, как нарком назначил тов. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказания т. Блюхеру выехать на место событий т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом более чем странном руководстве он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчиненных ему командиров... (...)

Вся эта оперативная "деятельность" маршала Блюхера была завершена отдачей им 10 августа приказа о призыве в 1-ю армию 12 возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г., с участием т. Блюхера и по его же предложению, решил призвать в военное время на Д[альнем] В[остоке] всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т. Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедленно отменен наркомом».

Далее в приказе говорилось: «На основании указаний Главного военного совета ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В целях скорейшей ликвидации всех выявленных крупных недочетов в боевой подготовке и состоянии войсковых частей КДФ, замены негодного и дискредитировавшего себя в военном и политическом отношении командования и улучшения условий руководства, в смысле приближения его к войсковым частям, а также усиления мероприятий по оборонной подготовке Дальневосточного театра в целом, – управление Дальневосточного Краснознаменного фронта расформировать.

2. Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного военного совета РККА.

3. Создать из войск Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознаменную армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив военному совету 1 – й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать – г. Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией – по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознаменную армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознаменную флотилию.

Управление армии дислоцировать – г. Хабаровск. В состав армии включить Нижне-Амурскую, Хабаровскую, Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую области, Еврейскую автономную область, Корякский, Чукотский национальные округа;

в) личный состав расформировываемого фронтового управления обратить на укомплектование управлений 1 – й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий.

4. Утвердить:

а) Командующим 1 – й Отдельной Краснознаменной армией – комкора тов. Штерна Г. М., членом военного совета армии – дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба – комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознаменной армией – комкора тов. Конева И. С., членом военного совета армии – бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба – комбрига тов. Мельника К. С.

5. Вновь назначенным командующим армиями сформировать управления армий по прилагаемому проекту штатов.

6. До прибытия в Хабаровск командующего 2-й Отдельной Краснознаменной армией комкора тов. Конева И. С. во временное командование вступить комдиву тов. Романовскому.

7. К формированию армий приступить немедленно и закончить к 15 сентября 1938 года. (...)

12. О ходе формирования управлений командующим 1-й и 2-й Отдельными Краснознаменными армиями доносить мне по телеграфу шифром 8, 12 и 15 сентября.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза *К. Ворошилов*

Начальник Генерального штаба РККА

командарм 1 ранга *Я. Шапошников*».

Неизвестная статья-воспоминание

Об этой статье удалось узнать совершенно случайно. В малой части сохранившегося личного архива генерала армии М. М. Попова, буквально спасенного его внуком Алексеем Валерьевичем Баталеевым, обнаружилось письмо из газеты Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». Оно датировано 2 июля 1964 г. и подписано начальником отдела пропаганды газеты подполковником Ю. Яхниным:

«Дорогой Маркиан Михайлович!

От имени коллектива редакции газеты "Суворовский натиск" и читателей передаю вам большое спасибо за статью – воспоминание о службе на Дальнем Востоке. Статья вызвала большой интерес и получила высокую оценку. Читая ее, все говорят одно – больше печатать таких материалов!

Если, товарищ генерал, у вас есть другие материалы подобного плана – убедительно просим прислать их для нашей газеты. Очень будем благодарны и признательны Вам.

Высылаем Вам номер с Вашей статьей. Желаем Вам, Маркиан Михайлович, доброго здоровья, новых успехов в Вашей работе и службе на благо Родины...»

Как оказалась, такая газета, правда, уже как «Суворовский натиск» Восточного военного округа, существует и сегодня. Вот только архива там нет. Но недолгие поиски привели в г. Химки, в филиал Российской государственной библиотеки. И вот эта статья перед вами:

«Летом 1938 года я был назначен заместителем командующего Дальневосточным фронтом, то есть заместителем Василия Константиновича Блюхера. Василий Константинович принял меня тепло, радушно. Он сказал, что на устройство в Хабаровске и на ознакомление с делами мне дается 3–4 дня, после чего придется направиться в длительную командировку на Камчатку. Указания о целях и задачах командировки получим перед выездом.

Устраиваться мне особенно было нечего, так как я прибыл без семьи. Весь багаж – один чемодан. Поэтому почти все отведенное мне время знакомился в штабе фронта с составом и дислокацией войск, особенно тех, что расположены на Камчатке, их состоянием и ходом боевой подготовки.

А время для армии, надо прямо сказать, было очень тяжелое. Многие командиры дивизий и корпусов были репрессированы, и на их местах оставались "вриды", не утвержденные в должностях и поэтому работавшие крайне неуверенно. Были также репрессированы некоторые руководящие работники управления фронта и значительная часть его командного состава.

И вот я снова в кабинете В. К. Блюхера. Василий Константинович подробно определил мои задачи на Камчатке. Они сводились к следующему. Имеющийся там отдельный камчатский стрелковый полк подлежит развертыванию в стрелковую дивизию. На первых порах для этой цели нам передается значительное количество пограничников, в том числе и их командный состав. Остальное необходимое пополнение, оружие, техника и запасы будут подаваться позже.

Мне надлежит, используя реальные возможности, оформить полки и отдельные части дивизии, назначив их командование, а также сформировать управление дивизии. Рекомендовалось смелее идти на выдвижение командиров и политработников, так как и на материке тяжело с командным составом.

Особенно подробно остановились на обсуждении кандидатуры на пост командира дивизии. Василий Константинович порекомендовал мне присмотреться к командиру камчатского полка полковнику Городнянскому, которого он лично не знал, но слышал о нем очень лестные отзывы. Конечно, лучшим способом изучения качеств командира явится все-сторонняя проверка состояния полка. С этого мне и рекомендуется начать свою работу.

И вот, наконец, мы на борту теплохода "Ленин", совершающего регулярные рейсы на линии Владивосток – Петропавловск-на-Камчатке. Около десяти суток длилось наше путешествие по Японскому, Охотскому морям и Тихому океану.

На причале Авачинской губы нас встречали А. М. Городнянский и представитель обкома партии. Это было уже под вечер.

Утро следующего дня я начал с визита к секретарю Камчатского обкома, от которого получил достаточно подробную и очень интересную информацию о положении дел на Камчатке. В свою очередь я по совету В. К. Блюхера проинформировал секретаря обкома о целях и задачах нашей комиссии. Нам была обещана всемерная помощь в устройстве и расквартировании войск.

Затем в штабе полка мы с Городнянским и начальником штаба наметили план работы комиссии по проверке полка.

Когда план был рассмотрен и утвержден, А. М. Городнянский собрал начальствующий состав полка, до командиров рот включительно, чтобы дать указания о предстоящей проверке. Я присутствовал на этом совещании и внимательно слушал командира полка. Он начал свое выступление очень просто: "Нас много лет никто не инспектировал и не проверял. Значит, нам доверяли, и мы с вами старались оправдать это доверие. А теперь вот нас будут инспектировать. Я приказываю вам и прошу вас выполнять все требования проверяющей комиссии и, конечно, представить свои подразделения организованными и в полном соответствии с планом".

На другой день мы начали проверку полка, причем, как традиционно у нас полагается, начали со строевого смотра. При обходе построенного полка внешний вид личного состава, ответы на приветствия и, наконец, прохождение его торжественным маршем не вызывали никаких претензий.

А затем тщательно проинструктированные члены комиссии приступили к своей работе. Мы же с А. М. Городнянским решили обойти лагерное расположение полка. Шли не торопясь, заходя во многие палатки, ружейные домики, канцелярии и каптерки, умывальники.

И везде – идеальная чистота и порядок, образцовая уставная служба. Четкие рапорты и доклады лиц суточного наряда, их подтянутый строевой вид, аккуратно выглаженное обмундирование. Мы побывали на кухнях, в столовых, на складах. На это ушло немало часов, и, откровенно говоря, все виденное мною производило исключительно хорошее впечатление. Я уже мысленно формулировал свою шифровку В. К. Блюхеру о первом ознакомлении с полком, который мы никак не рассчитывали найти в таком хорошем виде.

Правда, это пока внешняя сторона. Надо было ожидать результатов проверки боевой подготовки и боевой готовности полка.

Вместе с Городнянским мы побывали на стрельбищах, ходили к мишеням, рассматривали пробоины и определяли результаты стрельбы, бывали на тактических учениях, политзанятиях, на занятиях по физподготовке – всюду, где дотошные представители штаба фронта со всей строгостью и тщательностью проверяли подразделения полка.

Я жил в одном домике с членами комиссии, и обычно, встречаясь по вечерам, мы обменивались предварительными результатами и впечатлениями о ходе проверки. Все исключительно хорошо отзывались о высоком уровне состояния боевой подготовки. На всех стрельбах только хорошие и удовлетворительные результаты. По тактической подготовке тоже серьезных замечаний нет. Конечно, есть недочеты, но они легкоустранимы. В полку чувствуется крепкая рука требовательного и хорошо знающего дело командира-организатора.

Но вот, наконец, проверка закончена. Члены комиссии с документами на руках докладывают о результатах. По всем основным показателям полк заслуживает хорошую оценку.

– У нас на материке, – сказали мне члены комиссии, – немного таких полков.

Как же так, раздумывал я, полк стоит, как принято говорить, на отшибе, много лет никем не проверялся, по существу предоставлен самому себе и находится в таком хорошем состоянии? Конечно, в первую очередь это объясняется личными качествами его командира...

Так постепенно складывалось у меня убеждение, что лучшего кандидата на должность командира дивизии нам сейчас не найти.

В ходе инспектирования полка Городнянский как-то пригласил меня пообедать у него. Я вежливо уклонился, но сказал, что, как только инспектирование кончится, я обязательно воспользуюсь его приглашением. Мне самому очень хотелось познакомиться с его семьей. Знакомство такое вскоре состоялось и, надо сказать, произвело на меня самое благоприятное впечатление. Жена, а также дети, кстати сказать, родившиеся на Камчатке, полюбили свой край, свой полк и не тяготились трудностями местных условий.

Наступило время действовать. Оставшись наедине с Городнянским в его кабинете, я рассказал о предстоящих организационных мероприятиях и предложил ему пост заместителя командира дивизии. Это была маленькая хитрость с моей стороны. Он, не колеблясь, дал согласие, поблагодарил за доверие и заверил, что приложит все усилия, чтобы его оправдать.

"Милый, скромный, умный Авксентий Михайлович! Какой же ты хороший человек, коммунист и солдат, – думал я, – какой же ты скромный и честный труженик".

В этот же вечер я отправил шифротелеграмму В. К. Блюхеру с представлением Городнянского на пост командира дивизии. Через несколько дней был получен приказ командующего о назначении Городнянского комдивом.

Без лишних слов я вручил этот приказ Городнянскому. Он несколько раз вчитывался в шифровку. Сильно волновался. Затем спросил:

– Здесь не ошибка, ведь мне предлагали должность заместителя командира дивизии?.. А тут выходит...

– Никакой ошибки здесь нет, – ответил я ему, крепко пожал руку и поздравил с новым назначением.

Только теперь я подробно ознакомил его с планом формирования дивизии. Мы наметили порядок наших поездок по полуострову, чтобы ознакомиться с пограничниками, принять решения по дислокации новых полков.

Около месяца продолжались наши поездки, бесконечные встречи, беседы с кандидатами на должности руководящего состава полков, командиров батальонов и командного состава управления дивизии. Я был уполномочен В. К. Блюхером назначить эти категории начальствующего состава и оформить своим приказом, а на это требовалось, конечно, большое время. Вместе с А. М. Городнянским мы тщательно подбирали людей. Это было не очень легко, пожалуй, даже трудно из-за ограниченности выбора. Командирами полков мы назначили заместителя Городнянского и двух лучших комбатов. Командиров батальонов подбирали из числа наиболее опытных командиров рот и начальников передававшихся нам пограничных отрядов. Сложнее было с подбором кандидатов на руководящие должности управления дивизии. Решил послать телеграмму В. К. Блюхеру с перечнем должностей, которые укомплектовать на месте не представлялось возможным. Вскоре получил ответ, что постараются подобрать на материке.

А. М. Городнянский с каждым днем все больше и больше осваивал свой новый участок работы и своими предложениями и советами оказывал нам существенную помощь.

В основном были оформлены полки и отдельные части, штаб дивизии, были рассмотрены и решены вопросы дислокации. Командировка наша подходила к концу. Это позволило мне обратиться к командующему с просьбой разрешить вернуться в Хабаровск. Кроме того, я чувствовал, что и Городнянский начинает немного тяготиться моим опекуномством.

Мы на Камчатке тогда еще не знали, что развернулись известные теперь события у озера Хасан, и поэтому я был несколько удивлен телеграммой В. К. Блюхера. Командующий требовал оставаться пока на Камчатке, серьезно заняться ее обороной от возможных провокаций японского военно-морского флота.

Для усиления к нам направили дивизион тогда еще новых и по тому времени мощных подводных лодок "Ленинец".

Вот так обернулось дело. Я старался не мешать Городнянскому в его работе, но тем не менее новые указания командующего вынуждали привлечь вновь назначенного комдива для рассмотрения планов усиления обороны наших берегов с выделением для этой цели подразделений его полка, расформирование которого так же, как и пограничных отрядов, решено было на время отложить.

Вместе с моряками и пограничниками отработали и уточнили на побережье план его защиты и обороны. Дело в том, что вход в Авачинскую губу охраняли морские артиллерийские батареи, не имевшие никакого прикрытия. Незначительный десант мог бы захватить их почти без боя, особенно ночью. Решили выделить пехотное прикрытие из полка Городнянского, о чем он тут же отдал соответствующие распоряжения. Мне очень понравился Городнянский при решении этих вопросов. Никаких местнических настроений. Отдавал все, что нужно для дела, не считаясь с тем, кому – морякам ли или пограничникам. Раз нужна помощь стрелкового полка, он оказывал ее в полном объеме. "Да, – думалось мне, – этот комдив будет на месте, он мыслит и действует по-государственному и отлично понимает свою ответственность в качестве старшего военного начальника на Камчатке".

Почти весь август я пробыл на полуострове, используя все свободное время для детального его изучения. Большую помощь в этом оказал мне А. М. Городнянский, глубоко изучивший свой край. Он хорошо знал людей, и люди знали его, ему верили, и он у них пользовался непререкаемым авторитетом.

В конце лета я получил распоряжение вернуться в Хабаровск...

В Хабаровске нас ожидали большие новости. Фронт расформировали и вместо него создали две самостоятельные армии – 1-ю Особую Краснознаменную Дальневосточную Армию (в нее включили все войска, расположенные в Приморье) с дислокацией штаба в Никольск-Уссурийском и 2-ю ОКДВА (ей подчинили все остальные войска) с дислокацией штаба в Хабаровске. Меня назначили начальником штаба 1 – й армии.

На первых порах Камчатку включили в состав нашей армии...»

Судьба генерал-лейтенанта А. М. Городнянского сложилась трагически. Будучи командующим 6-й армией Юго-Западного фронта, он погиб в бою при выходе из окружения 27 мая 1942 г. на барвенковском плацдарме. Был похоронен немцами на хуторе Орлиноярск Петровского района Харьковской области, а после освобождения перезахоронен в г. Харькове на Пушкинском кладбище.

«В армии авторитетен»

После боев у озера Хасан, а они стали первым после Гражданской войны серьезным вооруженным конфликтом, комбриг М. М. Попов назначается на должность начальника штаба 1 – й Отдельной Краснознаменной армии (25 апреля 1939 г. присвоено воинское звание «комдив»; Постановление СНК СССР № 02094/п).

Осенью 1938-го Маркиану Михайловичу Попову фактически 34 года. У него рождается сын Александр. И он каким-то чудом (а как еще это объяснить!) минует аресты и мясорубку сталинских репрессий (и это с его-то прошлым!).

В автобиографии, которая подшита в личном деле, Маркиан Михайлович, ничего не скрывая, писал: «Сам отец происходит из дворянской семьи. Его отец (мой дед) служил в полиции и умер в 1895 году. Мать все занимается сельским хозяйством и только в годы 1818–1932 служила приказчиком магазина и воспитательницей в детских садах».

В последние годы своей жизни Маркиан Михайлович часто вспоминал это время и не однажды рассказывал, как, возвращаясь со службы, тогда, на Дальнем Востоке, он каждую ночь ожидал своего ареста. С этой целью был собран походный чемодан с самым необходимым...

За несколько лет до этого арестовали его троюродного брата Антонина Александровича Попова, который сам расскажет об этом так: «Это были годы взлетов и падений множества людей, поломанных судеб, смертей.

Я издал несколько пьес, состоял членом Московского общества драматургов, писателей и композиторов (МОДПиК), и в то же время увлекался педагогикой, стремясь на "человеческом материале" попробовать свои силы и духовно возродить запущенного подростка. Она скоро сделалась приоритетной в моей жизни. Я стал одним из организаторов военизированных учебно-воспитательных заведений для беспризорников. И успешно решал эту проблему в условиях военизации.

В июне 1934 года СМ. Киров, принимая меня, беспартийного руководителя, что было для тех времен уже редкостью, сказал: "Вы делаете государственное дело. Побольше бы таких школ!" По сути, предшественников суворовских училищ. Через год школы были переданы в ведение НКВД, а 21 августа 1935 года газета "Ленинградская Правда" в статье, инспирированной органами, объявляет меня классовым врагом. Арест, тюрьма, дикая судебная расправа: военный трибунал приговаривает меня к 8 годам лишения свободы. Поруганная честь, растоптанная справедливость, почти 5 лет было вырвано из жизни.

В 1940 году Верховный суд СССР пересмотрел дело по моей десятой жалобе и освободил. Возможно, фраза, сказанная Кировым, сыграла свою роль, а может, в преддверии войны просто нужны были люди... Но все, что произошло со мною, не озлобило, не опустошило, не сломило человеческого достоинства, не лишило веры в будущее. Прозрение придет много позже.

В годы моего падения продолжался служебный взлет Маркиана Михайловича».

Неизгладимое впечатление на Маркиана Михайловича Попова произведет и арест Блюхера...

Находясь в распоряжении Главного военного совета РККА, маршал вскоре будет направлен в отпуск на ворошиловскую дачу «Бочаров ручей» в Сочи. Там его вместе с семьей, братом, золовкой и детьми арестуют и спецпоездом доставят в Москву. За 18 дней пребывания на Лубянке его допросят 21 раз. Семь допросов пройдут с личным участием Л. П. Берии. А 9 ноября все того же 1938 г. Василия Константиновича в 22 часа 45 минут доставят в амбулаторию уже без пульса и с прерывистым дыханием. Он скончается буквально через несколько минут. Официально маршал умер от закупорки легочной артерии.

Но, как рассказывала сокамерницам его жена, увидев его после допроса: «По нему как будто танк проехал». И маршала и других избивали до неузнаваемости, вспомнит позднее тюремный врач.

На глазах Маркиана Михайловича необоснованно пострадает и другой военачальник. Командующий 1 – й Приморской армией и заместитель командующего Приморской группой войск ОКДВА комдив К. П. Подлас будет подвергнут резкой критике со стороны Г. М. Штерна на заседании Военного совета 26 ноября 1938 г. при обсуждении событий на Хасане. Там же поступит предложение осудить этого военачальника за «саботаж». И хотя за Подласа вступится С. К. Тимошенко, ранее просивший назначить его своим заместителем, Кузьму Петровича в декабре арестуют. А 22 апреля 1939-го Военная коллегия Верховного суда в отношении комдива Подласа вынесет приговор по статье 193—17, п. «а» Уголовного кодекса РСФСР: «Подласа Кузьму Петровича лишить военного звания "комдив" и подвергнуть лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на пять лет с поражением в политических правах на три года».

Правда, в том же апреле Подласа амнистируют, а в августе 1940 г. восстановят в Красной армии и назначат заместителем командующего войсками Киевского Особого военного округа. В конце мая 1942 г. генерал-лейтенант Подлас во время прорыва из окружения у села Копанки Изюмского района Харьковской области погибнет в бою.

Почему М. М. Попов ожидал своего ареста, объясняется весьма просто. В ходе репрессий из управления ОКДВА/КДФ были арестованы: командующий В. К. Блюхер, заместители командующего войсками М. В. Сангурский, Я. З. Покус, начальники штаба С. Н. Богомыгов, В. К. Васенцович...

Со временем настанет черед и Григория Михайловича Штерна...

Командарм 2-го ранга Г. М. Штерн (генерал-полковник в июне 1940 г.), утвержденный в должности командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армией, в 1939-м возглавит фронтовое управление во время боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол. Станет Героем Советского Союза. Во время советско-финляндской войны будет командовать 8-й армией. В июне 1940-го снова вернется на Дальний Восток и встанет во главе фронта, а в январе 1941 – го будет неожиданно переведен в Москву начальником Управления ПВО РККА. 7 июня его арестуют, а 28 октября без всякого суда расстреляют.

С началом боевых действий на реке Халхин-Гол (после многочисленных вооруженных провокаций, начавшихся в мае, японские войска 2 июля вторглись в Монголию) в соответствии с постановлением Главного военного совета от 5 июля 1939 г. для объединения и направления действий 1 – й (штаб – г. Ворошилов) и 2-й Отдельных Краснознаменных армий (штаб – г. Хабаровск) и 57-го особого корпуса была создана фронтовая группа под командованием Г. М. Штерна (член Военного совета – дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальник штаба – М. А. Кузнецов) с функциями фронтового управления. В этот же день командующим 1-й Отдельной Краснознаменной армии назначается М. М. Попов. За ним следует и очередное воинское звание «комкор» (13 августа 1939 г.; Постановление СНК СССР № 03510). Он молод, образован, успешен.

К слову сказать, после победы на оз. Хасан, уже осенью 1938-го, в Генеральном штабе японской армии был разработан план войны против МНР и СССР, предусматривавший захват Монгольской Народной Республики и овладение советским Приморьем. Этим планом фактически предусматривалось перерезать Транссибирскую магистраль, отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза. Основной же стратегический замысел японского командования заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против советского Дальнего Востока. Квантунская армия должна была захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск. С этой целью были приняты срочные меры по надежной защите дальневосточных рубежей

нашей страны и союзной нам МНР. Например, было решено увеличить численность советских войск на Дальнем Востоке.

Поистине титаническая работа проводилась по инженерному укреплению границ и повышению боевых возможностей войск. Было завершено строительство многих оборонительных районов на наиболее угрожаемых направлениях. Из авиационных частей и соединений создано новое оперативное объединение – 2-я воздушная армия. В стрелковые и кавалерийские соединения включались танковые батальоны и механизированные полки. Территориальные дивизии переводились на кадровое положение.

20 июня командующий Квантунской армией отдал распоряжение о наступлении япономаньчжурских войск в районе Халхин-Гола. 30 июня командир 23-й японской дивизии генерал-лейтенант Камацубара приказал войскам перейти в наступление. План же японского командования сводился к следующему: перейдя в наступление по всему участку, сковать советские части с фронта, а затем ударной группировкой обойти левый фланг обороны, переправиться через р. Халхин-Гол, занять господствующую в этом районе высоту Баин-Цаган и ударить в тыл советско-монгольским частям.

Именно поэтому советское командование было вынуждено срочно провести ряд мер по предотвращению расширения военных действий. Главной из них стала перестройка организационной структуры руководства войсками на Дальневосточном театре военных действий, другой – увеличение их боевого и численного состава.

На Военный совет и штаб созданной фронтовой (Читинской) группы были возложены задачи по объединению и направлению действий советских войск на Дальнем Востоке, руководству их оперативной деятельностью, материальным обеспечением войск как в мирное, так и в военное время и др. Командующий фронтовой группой командарм 2-го ранга Г. М. Штерн подчинялся непосредственно народному комиссару обороны СССР. В его подчинение передавались все войсковые соединения и части, входившие в состав группы.

Совершенствование же органов управления на Дальнем Востоке завершилось в середине июля 1939 г. преобразованием 57-го особого корпуса, находившегося в МНР, в 1-ю армейскую группу под командованием комдива (затем комкора) Г. К. Жукова, с подчинением ее непосредственно командующему фронтовой группой войск на Дальнем Востоке.

Такая реорганизация органов управления способствовала успешному решению задач по разгрому японских войск в районе Халхин-Гола и пресечению агрессии Японии.

Как подчеркивает В. Краснов в книге «Неизвестный Жуков», «деятельность командования фронтовой группой, степень ее влияния на развитие событий на реке Халхин-Гол часто неадекватно оценивается военными историками. На самом деле, несмотря на то что в район боевых действий съехалось много высшего начальства, Жуков не дал себя подмять, решительно руководил войсками сам, он же со своим штабом разработал и предложил план августовской операции по окружению и разгрому японцев. Были, конечно, и другие планы. Но Георгий Константинович сумел настоять на своем, и там, в Москве, Сталин и Ворошилов утвердили его план».

Однако, по свидетельству генерал-майора П. Г. Григоренко, ставшего одним из наиболее известных деятелей движения за права человека в СССР, на Халхин-Голе все складывалось не так однозначно... Вспоминая, как командарм 2-го ранга Штерн начал готовить наступление с целью окружения и уничтожения японских войск, Григоренко пишет про одновременно развязанные узлы командующего фронтовой группой, которых немало навязал командующий армейской: «Одним из таких узлов были расстрельные приговоры. Штерн добился, что президиум Верховного Совета СССР дал Военному Совету фронтовой группы право помилования. К этому времени уже имелось 17 приговоренных к расстрелу. Даже не юристов содержания уголовных дел приговоренных потрясали. В каждом таком деле лежали либо рапорт начальника, в котором тот писал: "Такой-то получил такое-то при-

казание, его не выполнил" и резолюция на рапорте: "Трибунал. Судить. Расстрелять!", либо записка Жукова: "Трибунал. Такой-то получил от меня лично такой-то приказ. Не выполнил. Судить. Расстрелять!" И приговор. Более ничего. Ни протоколов допроса, ни проверок, ни экспертиз. Вообще ничего. Лишь одна бумажка и приговор. Что скрывается за такой бумажкой, покажу на одном примере.

Майор Т. Из академии мы ушли в один и тот же день – 10 июня 1939 года. Он в тот же день улетел на ТБ-3.

Прилетел он на Хамар-Дабу (место расположения командного пункта 1 АГ) около 5 часов вечера 14 июня. Явился к своему непосредственному начальнику – начальнику оперативного отдела комбригу Богданову. Представился. Богданов дал ему очень "конкретное" задание: "Присматривайтесь!" Естественно, человек, впервые попавший в условия боевой обстановки и не приставленный к какому-либо делу, производит впечатление "болтающегося" по окопам. Долго ли коротко ли он присматривался, появился Жуков, в надвинутой по-обычному на глаза фуражке. Майор представился ему. Тот ничего не сказал и прошел к Богданову. Стоя в окопе, они о чем-то говорили, поглядывая в сторону майора. Потом Богданов поманил его рукой. Майор подошел, козырнул. Жуков, угрюмо взглянув на майора, произнес:

– 306-й полк, оставив позиции, бежал от какого-то взвода японцев. Найти полк, привести в порядок, восстановить положение! Остальные указания получите от тов. Богданова.

Жуков удалился. Майор вопросительно уставился на Богданова. Но тот только плечами пожал:

– Что я тебе еще могу сказать? Полк был вот здесь. Где теперь, не знаю. Бери, вон, броневичек и езжай разыскивай. Найдешь полк, броневичок верни сюда и передай с шофером, где и в каком состоянии нашел полк.

Солнце к этому времени уже зашло. В этих местах темнеет быстро. Майор шел к броневичку и думал – где же искать полк. Карты он не взял. Богданов объяснил ему, что она бесполезна. Война застала топографическую службу неподготовленной. Съёмки этого района не производились. Майор смог взять с карты своего начальника только направление на тот район, где действовал полк. Приказал ехать в этом направлении, не считаясь с наличием дорог. В этом районе нам мешал не недостаток дорог, а их изобилие. Суглинистый грунт степи позволял ехать в любом направлении, как по асфальту, а отсутствие карт понуждало к езде по азимуту или по направлению. Поэтому дороги и следы автомашин пересекали район боевых действий во всех направлениях. Майор не ошибся в определении направления, и ему повезло – полк он разыскал довольно быстро. Безоружные люди устало брели на запад к переправам на реке Халхин-Гол. Это была толпа гражданских лиц, а не воинская часть. Их бросили в бой, даже не обмундировав. В воинскую форму сумели одеть только призванных из запаса офицеров. Солдаты были одеты в свое домашнее. Оружие большинство побросало.

Выскочив из броневичка, майор начал грозно кричать: "Стой! Стой! Стрелять буду!" Выхватил пистолет и выстрелил вверх. Тут кто-то звезданул его в ухо, и он свалился в какую-то песчаную яму. Немного полежав, он понял, что криком тут ничего не добьешься. И он начал призывать: "Коммунисты! Комсомольцы! Командиры – ко мне!" Призывая, он продвигался вместе с толпой, и вокруг него постепенно собирались люди. Большинство из них оказались с оружием. Тогда с их помощью он начал останавливать и неорганизованную толпу. К утру личный состав полка был собран. Удалось подобрать и большую часть оружия. Командиры все из запаса. Только командир, комиссар и начальник штаба полка – кадровые офицеры. Но все трое были убиты во время возникшей паники. Запасники же растерялись. Никто не помнил состав своих подразделений.

Поэтому майор произвел разбивку полка на подразделения по своему усмотрению и сам назначил командиров. Разрешил всему полку сесть, а офицерам приказал составить

списки своих подразделений. После этого он намеревался по подразделениям выдвинуть полк на прежние позиции. А пока людей переписывали, прилег отдохнуть после бессонной ночи. Но отдохнуть не удалось. Послышался гул приближающейся автомашины. Подъехал броневичек. Остановился невдалеке. Из броневичка вышел майор, направился к полку. Два майора встретились. Прибывший показал выписку из приказа, что он назначен командиром 306-го полка.

– А вы возвращайтесь на КП, – сказал он майору Т.

Майор Т. хотел было объяснить, что он проделал и что намечал дальше. Но тот с неприступным видом заявил:

– Сам разберусь.

Т. пошел к броневичку. Там его поджидали лейтенант и младший командир. Лейтенант предъявил майору ордер на арест:

– Вы арестованы, прошу сдать оружие.

Так началась его новая постакадемическая жизнь. Привезли его теперь уже не на КП, а в отдельно расположенный палаточный и земляночный городок – контрразведка, трибунал, прокуратура. Один раз вызвали к следователю. Следователь спросил:

– Почему не выполнил приказ комкора?

В ответ майор рассказал, что делал всю ночь и чего достиг. Протокол не велся. Некоторое время спустя состоялся суд.

– Признаете себя виновным?

– Видите ли, не... совсем...

– Признаете вы себя виновным в преступном невыполнении приказа?

– Нет, не признаю. Я выполнял приказ. Я сделал все, что было возможно, все, что было в человеческих силах. Если бы меня не сменили и не арестовали, я бы выполнил его до конца.

– Я вам предлагаю конкретный вопрос и прошу отвечать на него прямо: выполнили вы приказ или не выполнили?

– На такой вопрос я отвечать не могу. Я выполнял, добросовестно выполнял. Приказ находился в процессе выполнения.

– Так все-таки. Был выполнен приказ о восстановлении положения или не был? Да или нет?

– Нет, еще...

– Достаточно. Все ясно. Уведите!

Через полчаса ввели в ту же палатку снова:

– ...К смертной казни через расстрел...

Только это и запомнил. Дальше прострация. Что-то писал. Жаловался. Просил. Все осталось за пределами сознания.

Военный совет фронтовой группы от имени президиума Верховного Совета СССР помиловал майора Т. Помиловал и остальных 16 осужденных трибуналом 1-й армейской группы на смертную казнь.

Штерн был инициатором ходатайства перед президиумом Верховного Совета СССР о пересмотре дел всех приговоренных к расстрелу. Он их и помиловал, проявив разум и милосердие. Все бывшие смертники прекрасно показали себя в боях и все были награждены, вплоть до присвоения Героя Советского Союза».

Второй узел, развязанный Штерном, был не менее важным: «И еще один узел развязал Штерн. К моменту его вступления в командование фронтовой группой, снабжение войск в Монголии было полностью дезорганизовано. Штерн приказал фронтовой группе взять на себя доставку всех боевых и снабженческих грузов до армейской базы – Тамцак-Булак. Снабжение наладилось и до конца боев не нарушалось ни разу».

Сам Г. К. Жуков, докладывая позднее Сталину и Политбюро о проблемах, с которыми столкнулись советские войска во время боев у реки Халхин-Гол, скажет: «Главные трудности были связаны с вопросами материально-технического обеспечения войск. Нам приходилось подвозить все, что нужно для боя и жизни войск, за 650–700 километров. Ближайшие станции снабжения были расположены на территории Забайкальского военного округа. Даже дрова для приготовления пищи, и те приходилось подвозить за 600 километров. Кругооборот машин составлял 1300–1400 километров, а отсюда – колоссальнейший расход бензина, который также надо было доставлять из Советского Союза. В преодолении этих трудностей нам хорошо помог Военный совет ЗаБВО и генерал-полковник Штерн со своим аппаратом».

Говорят, что только эту заслугу командующего фронтовой группой в Халхин-Гольской операции и признавал Маршал Советского Союза.

Из 1-й армейской группы тогда еще майор Григоренко вернулся в Читу, где был назначен начальником штаба фронтовой группы Кузнецовым направленцем на 1-ю отдельную Краснознаменную армию комкора М. М. Попова. Как вспоминал генерал-майор, «требовалось следить за обстановкой, т. к. не исключалось, что японцы, чтобы отвлечь внимание от Монголии, могли завязать конфликт еще где-нибудь». Словом, армия М. Попова весь период боевых действий на Халхин-Голе готовилась к боевым действиям, находясь в постоянной боевой готовности и тревожном ожидании.

В Чите Григоренко сосредоточился на своем направлении, но оставался в курсе всех событий в Монголии: «Там было относительно спокойно до самого сентября. Но в начале этого месяца 1 – я армейская группа перешла в наступление. Окружила находящиеся на монгольской территории части 6-й японской дивизии. В последующих боях эти части были полностью уничтожены. Японцы не сдавались, а прорваться не смогли. Во-первых, потому, что не имели приказа на отход с занимаемых позиций. Во-вторых, слишком велико было численное и техническое превосходство у нас. Но потери мы понесли огромные, прежде всего из-за неквалифицированности командования. Кроме того, сказывался характер Георгия Константиновича, который людей жалеть не умел. Я недолго пробыл у него в армии, но и за это время сумел заслужить его неприязнь своими докладами Штерну. Человек он жестокий и мстительный, поэтому в войну я серьезно опасался попасть под его начало.

Бои на Халхин-Голе были описаны довольно серьезно. Работал над этим большой коллектив офицеров, операторов из штаба фронтовой группы и 1 – й армейской группы. Я в составе авторского коллектива не был. Поэтому могу считать свою оценку этого труда объективной.

Труд исключительно деловой. В нем очень хорошо раскрыты недостатки в подготовке войск и офицерских кадров. Детально описаны и разобраны боевые действия. В них показано использование родов войск, тыла, недостатки командования. В нем нет прямых нападок на Жукова и похвал Штерну, но каждый прочитавший поймет, кто чего стоит. Понял это и Жуков.

Книга писалась сразу же после событий и была представлена в Генштаб. Там она была прочитана и получила горячее одобрение. Жуков в это время командовал Киевским Военным Округом. Пока книга ходила по отзывам и готовилась к печати, Жуков получил назначение начальником Генштаба. Первое, что он сделал, придя на эту должность, потребовал книгу о Халхин-Голе. Прочитал от корки до корки и начертал: "Они там не были и ничего не поняли. В архив". Так книга, вскрывшая на небольшом боевом эпизоде те коренные пороки в боевой подготовке войск и офицеров, которые выявились и во Второй мировой войне, оказалась упрятанной от офицерского состава».

15 сентября 1939 года между Советским Союзом, МНР и Японией было подписано соглашение о прекращении военных действий.

Выпускник Академии Генштаба полковник В.А. Новобранец, будучи офицером оперативного отдела штаба фронтовой группы, поведает нам свой собственный вывод о событиях на Халхин-Голе: «... они явились проверкой нашей готовности к большой войне. Экзамен был тем более серьезный и важный, что в нем принимали участие все рода войск. Вышшие командиры и штабы показали свои знания, свое оперативное искусство и воинскую культуру. Младший комсостав и рядовые бойцы показали свое мужество, дисциплинированность, умение владеть новыми видами оружия.

И надо сейчас со всей откровенностью и правдивостью признать, что в этих событиях только красноармейцы и младшие командиры оказались на высоте своего положения, проявили понимание серьезности событий и готовности выполнить воинский приказ. Несмотря на отдаленность событий от жизненно важных областей Советского Союза, красноармейцы понимали, что именно сейчас и в данном месте надо отбить охоту у японцев "испытывать" стойкость солдат Красной армии.

Но действия командования 1-й армейской группы во главе с генералом Жуковым оказались не на высоте, не отвечали требованиям военной науки. Точнее говоря, мы победили японцев огромным преимуществом в живой силе и технике, а не военным искусством. "Шапками закидали". Отсюда огромные ничем не оправданные потери. Две недели мы громили японскую дивизию в обороне и ежедневно продвигались вперед на 80—100 метров, не более. Наступали мы многочисленными отрядами, распыляли силы и средства, били врага "растопыренными пальцами". Не было взаимодействия родов войск – все они действовали самостоятельно, придерживаясь оперативного плана только в общих чертах. Например, танки прорывались в глубокий тыл противника, громили там склады горючего, а в это время пехота оставалась без их поддержки и гибла под жестоким огнем японцев. Самолеты также большей частью атаковали тылы противника и не поддерживали пехоту на поле боя. Артиллерия не взаимодействовала с пехотой, не оказывала ей эффективной поддержки в наступлении. И уж совершенно скверно показала себя техническая связь. Радио, уже широко вошедшее в быт советских людей, не было использовано для связи с войсками, что лишило штаб основного средства управления боем. Штаб Жукова в дни сражений напоминал штаб Наполеона: здесь всегда были толпы офицеров – делегатов связи от частей. Жуков игнорировал технические средства связи и использовал для этой цели только офицеров, как это делал в свое время Наполеон. Поэтому мы и прозвали его тогда «Бонапартом». Но, в отличие от наполеоновских времен, офицеры "скакали" не на конях, а ехали на автомашинах. (...)

Командующий Штерн во время событий неоднократно пытался "вразумить" Жукова, однако без всякого результата, а вернее, с трагическим для себя результатом. Дело в том, что и Жуков, и Штерн имели прямой провод к Сталину. Честная и правдивая информация Штерна тотчас же искажалась Жуковым в выгодном для себя свете. В 1940 году Штерн исчез с нашего горизонта, и о его дальнейшей судьбе нам ничего не было известно.

Вместе с тем необходимо сказать, что только благодаря Штерну мы одержали победу над японцами. Командующий Штерн, которому подчинялся Жуков, радикально вмешивался в управление войсками и исправлял грубые ошибки Жукова. На этой почве и возникли трения, которые привели к опале Штерна и его гибели.

Накануне большой войны наша армия лишилась еще одного талантливого полководца с большим оперативно-стратегическим кругозором, человека высокой культуры. Во время Гражданской войны в Испании Штерн был военным советником республиканской армии и проявил там хорошие полководческие способности. В те времена он находился в личной переписке со Сталиным, лично ему сообщал о ходе военных действий и о своих планах. (...)

Но у Штерна был большой "недостаток" – он обладал независимым складом ума, смелостью суждений. Для расследования событий на месте Сталин направил в Забайкалье комиссию во главе с Мехлисом, который и "помог" Штерну "исчезнуть".

Позднее стало известно, что на судьбу Штерна повлияло не только его вмешательство в действия Жукова, но и попытка объективно изучить этот горький опыт войны. Он приказал группе офицеров-генштабистов изучить только что полученный боевой опыт, вскрыть все ошибки командования и все недочеты в подготовке армии. И обо всем этом написать книгу. Предполагалось доложить ее высшему начальству, затем издать в секретном порядке и разослать в армию. Этого требовал и Генеральный штаб. Все командиры должны учиться на опыте Халхин-Гола. Таков был замысел. (...)

Члены комиссии, конечно, были в курсе всех дел, являлись свидетелями и очевидцами событий. Однако мы не ограничились штабными документами и личными впечатлениями. Пришлось опросить многие десятки участников боев, начиная от рядовых солдат, танкистов, летчиков и до командиров разных частей и соединений. Опрашивали их непосредственно на местах боевых действий, выясняли детали событий на местности и, как говорится, "по горячим следам", на второй день после окончания боев.

Беседовали мы и с командующим 1-й армейской группой генералом Жуковым. Однако откровенной полезной беседы не получилось. Жуков расценил наши расспросы по-своему, почему-то обиделся и больше с нами не встречался. (...)

На основании всех материалов мы составили обстоятельный обзор с правдивым освещением всех событий, с полным раскрытием всех недостатков в боевой подготовке армии и допущенных ошибок, промахов и просчетов командования.

Командующий фронтом... Штерн, ознакомившись с нашим обзором, одобрил его и приказал подготовить для печати. Однако наш труд света не увидел, горький опыт Халхин-Гола армией не был изучен и учтен. Не буду детально рассказывать, как "двигалась" рукопись. Ограничусь последним этапом.

Полковник Шевченко, начальник Восточного отдела Оперативного отдела Генштаба, получив рукопись из Читы, нашел ее ценной и совершенно необходимой для изучения командирами Красной армии. Он попросил разрешение у начальника Генерального штаба генерала армии Мерецкова напечатать ее. Мерецков согласился. Но произошла смена в кабинете – Жуков был назначен начальником Генштаба. Шевченко не учел очень важного обстоятельства, что Жуков уже выпустил о событиях на Халхин-Голе свою книжку, заполненную самовосхвалением. Ничего ценного в ней не было. И вот полковник Шевченко дал автору упомянутой книжки на утверждение правдивое описание событий. Жуков просмотрел рукопись, вызвал Шевченко и по-фельдфебельски обругал его, а рукопись похоронил в своем сейфе. Судьба ее неизвестна» (в эти закулисные тайны был посвящен и М. М. Попов).

Как отметит в своей статье к 70-летию М. М. Попова генерал армии П. Курочкин, около трех лет Маркиан Михайлович «прослужил на Дальнем Востоке, отдавая все свои силы, опыт и знания повышению боевой готовности войск и укреплению границы. Это были годы сложной международной обстановки, непрерывных военных конфликтов...»

Все это время он служил под командованием Г. М. Штерна, который особенно ценил Маркиана Михайловича как молодого, образованного и перспективного военачальника.

«"Жили они тогда в Никольско-Уссурийске (до 1957 г. г. Ворошилов) в весьма простой, непритязательной обстановке" – напишет троюродный брат М. Попова Антонин Александрович. "Даже было как-то неловко, – вспоминает Клавдия Ильинична, – принимать живого, всамделишного Паганеля, профессора Полежаева, Александра Невского – нашего тогдашнего любимца Николая Константиновича Черкасова. Маркиан Михайлович уделял много внимания этой гастрольной поездке в частях и соединениях армии"».

Петр Григорьевич Григоренко о М. М. Попове напишет честно и очень по-доброму: «Еще иным был командующий 1 – й армией комкор (впоследствии генерал армии) Попов Маркиан Михайлович. Заядлый спортсмен, стройный, подтянутый, белокурый, с благородными чертами лица, он выглядел совсем юным. Характер имел общительный, веселый, то,

что называют рубахой-парнем. В любой компании он был к месту. К людям относился тактично, чутко. В армии его любили – и офицеры и солдаты. Ум имел быстрый, логического склада. Но в войну ему не повезло. Не то, что не было военного счастья на поле боя. Этого счастья долго ни у кого не было. Не в этом дело. Он был куда более умный командующий, чем многие другие, но его в кругах, близких к Сталину, а может, просто сам Сталин, недолюбливали».

О молодом командующем 1-й особой Краснознаменной армией и сегодня можно найти еще несколько воспоминаний.

Например, вот что рассказывает ветеран войны Ю. М. Галлат: «...это где-то уже в 1940 году. Был как раз выходной день, воскресенье. Ребята возвращались из деревни, увольнительные давал старшина эскадрона. Самым последним шел мой приятель Степа Котовщиков, хороший парень, у меня даже есть его фотография. Этот случай он нам потом сам рассказывал в подробностях. У него в тот день был день рождения, и, находясь в гостях у своей девушки в Астраханке, он выпил рюмочку водки вместе с ее отцом. Когда обратно возвращался в часть, проходил мимо штаба дивизии. Там на крыльце как раз стоял командир нашей 8-й Дальневосточной кавалерийской дивизии Манагаров и командующий армией генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов. Степа шел спокойно. Тут Попов говорит Манагарову:

– Товарищ комбриг, а этот красноармеец, кажется, пьяный идет на ночевку.

– Да нет, не может быть, товарищ командующий, – говорит Манагаров.

– А вы проверьте, остановите его!

Остановили Степку. Адъютант командира дивизии говорит ему:

– А ну, подойди сюда!

– Выпивший?

– Нет!

– А ну-ка дыхни. Он дыхнул.

– У-у-у, пахнет.

Тут командующий 1-й Дальневосточной армией Попов говорит:

– Ну что, командир дивизии, я правильно сказал? Манагаров:

– Ты почему выпил-то? Тут Котовщиков ответил:

– У меня сегодня день рождения, вот я был, выпил рюмочку...

– Командир дивизии, отведите его на гауптвахту. Двадцать суток гауптвахты!

Так его отвели на гауптвахту. Отсидел он пять суток, и его отпустили. Командир полка начал ходатайствовать: ну день рождения, ну выпил. Вот такая тогда строгость была: день рождения, а нельзя было выпить. Закон есть закон!»

В то непростое время командующему приходилось немало времени уделять и воинской дисциплине. Например, анализ ее нарушений в ОКДВА за 1937 г., по данным В. С. Мильбаха, показывает следующую картину: «Самыми распространенными дисциплинарными проступками являлись: пререкания, оскорбления и грубость начальству— 12,8 % от всех проступков, небрежный уход и сбережение оружия и техники—10,3 %, появление в пьяном виде—6 %, нарушения караульной службы—5,9 %. Данные за январь – апрель 1938 г. свидетельствуют об устойчивом росте основных дисциплинарных проступков, при этом пререкания, оскорбления и грубость начальству составляли уже 14,4 %, появление в пьяном виде – 6,2 %, нарушения караульной службы – 6,1 %».

В середине 1936 г. было принято решение о строительстве в г. Ворошилове (Уссурийске) Ремонтной базы. Под ее размещение выбрали тогда юго-восточную окраину города – пустырь, примыкающий к территории «Сахарного комбината». Проектированием занимался Ленинградский проектный институт «Спецпроект», а рабочим проектированием – Военпроект ВСУ 1 ОКА. Осенью 1937 г. военные строители уложили первые кубометры бетона, а уже

в марте 1940 г. был сдан под монтаж технологического оборудования корпус № «А». Это разборка и сборка танков, тракторов и танковых моторов. Одновременно с монтажом оборудования была подана на ремонт первая техника. В день открытия Рембазы, 12 мая 1940 г., был сам командующий 1-й Особой Краснознаменной армией комкор М. М. Попов. Сначала состоялся митинг, а потом Маркиан Михайлович подошел к «северным» воротам, где была натянута красная лента. По команде лучшие мастера и бригады запустили двигатели 5 первых танков и 2 тракторов. При подходе первого к «северным» воротам комкор Попов торжественно разрезал ленту и первая отремонтированная техника, под звуки оркестра, вышла из стен корпуса № 1.

В своих мемуарах генерал-полковник И. М. Чистяков повествует одну любопытную историю: «В начале 1940 года меня вызвал новый командарм генерал М. М. Попов и предложил создать во Владивостоке военное училище. Я с радостью согласился, ибо я любил работать с молодежью, с теми, кто начинает свой путь. Мне казалось, что смогу подготовить хороших командиров.

Дали нам для училища бывшие казармы царской армии на Второй речке – пригороде Владивостока. Два месяца день и ночь оборудовали мы казарму. Хотелось создать максимально хорошие условия для учебы и быта будущих курсантов.

Первый набор сделали из военнотружущих, прослуживших в армии год или полтора, в основном из сержантов и старшин, с образованием не ниже восьми классов. В то время с восьмиклассным образованием было не так уж много людей, но с меньшим образованием в училище мы не могли принимать, так как с каждым днем в армию приходила все более сложная техника.

Откровенно говоря, мы не думали, что сразу посыплется к нам так много заявлений. Мы получили две тысячи восьмьсот заявлений, а должны были отобрать только тысячу восьмьсот человек. Ребята буквально плакали, когда мы им отказывали. Я воспользовался разрешением вышестоящего начальства и зачислил десять процентов сверх штата. Парни пришли отличные! Учились с большой охотой, со всей ответственностью, понимая задачу, которая перед ними стояла.

Уже через год наше училище по боевой и политической подготовке заняло второе место по всей Красной армии (первое место было у Московского училища имени Верховного Совета РСФСР). (...)

На празднике Великого Октября в 1940 году училище должно было участвовать в военном параде во Владивостоке. Естественно, нам хотелось козырнуть строевой выучкой, покори́ть жителей города умением ходить. Чтобы добиться еще большего эффекта, всем курсантам на сапоги набили железные набойки. Оркестру я приказал:

– Играйте тихо, когда пойдете по площади, чтоб ни одна дудочка не пискнула!

Оркестранты все поняли, заулыбались. И действительно, когда пошли по площади, слышался только железный ритм шагов. Люди ахнули:

– Вот это идут! Даже музыку забили! Командующий приказал:

– Еще раз проведи!

Снова пошли. И снова "забили музыку".

Он, видимо, тоже не понял нашей хитрости и только сказал:

– Вот это да!»

Из аттестации на командующего 1-й Краснознаменной армией генерал-лейтенанта Попова Маркиана Михайловича:

«Тов. Попов М. М. упорной и умелой работой, энергичным руководством подчиненными добился в истекшем году дальнейшего заметного роста боевой подготовки и хозяйства 1 Краснознам. Армии, в частности 1 Армией достигнуты значительные успехи в боевой подготовке всех родов войск. При этом необходимо однако подчеркнуть выявленное в процессе

учений и инспекторских проверок отставание от других родов войск в подготовке артиллерии) сложные стрельбы, теория стрельбы, знание техники своей матчасти), и в подготовке армейского штаба, на что надо обратить в 1941 году особое внимание. В значительной мере благодаря т. ПОПОВУ 1-я Армия имеет в 1940 году серьезные успехи в оборонительном строительстве и доусилении Укр. районов силами войск (строительство ДЗОТ, КЗОТ, препятствий) и войска освоили неплохо организацию и технику этих работ. Тов. ПОПОВУ свойственно чувство нового в военном деле, быстро это новое и указания высшего командования схватывает и преломляет в боевой подготовке войск. В армии авторитетен. Работает над собою и лично растет и практически и теоретически. В остальном ссылаюсь на аттестацию, данную мною в 1939 году.

Должности соответствует вполне.

П.п. Командующий ДВ фронтом генерал-полковник *Штерн*.

7.1.41 г.».

«Впервые вижу генерала без живота»

Специальная комиссия по представлению кандидатов на присвоение новых воинских званий высшего командного состава под председательством маршала К. Е. Ворошилова была назначена 8 мая 1940 г. Произошло это на следующий день после Указа Президиума Верховного Совета СССР, которым они были введены. Следует лишь отметить, что более или менее четкого соответствия прежних званий (1935 г.) новым, при рассмотрении комиссией маршала Ворошилова вопроса о присвоении генеральского звания кандидатам не было. Так, из списка генералов, подписанного комиссией 11 мая 1940 г., генерал-лейтенантами стали 11 командармов 2-го ранга, 22 комкора и 10 комдивов. Комкору Маркиану Михайловичу Попову воинское звание «генерал-лейтенант» было присвоено Постановлением СНК от 4 июня 1940 г. Официально в 37 лет, а фактически в 35.

Через несколько месяцев, осенью 1940 г., из Генерального штаба генерал Попов получает сообщение о том, что в декабре в Москве по указанию Центрального комитета партии состоится совещание высшего командного состава армии. Более того, предполагалось проведение большой оперативно-стратегической игры. Проект доклада командующего 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта требовалось представить к 1 ноября. И нужно сказать, Маркиан Михайлович взялся за эту работу основательно. При этом, как генерал с высшим военным образованием, работал над докладом самостоятельно, что нельзя сказать о других военачальниках.

На 23 декабря 1940 г. в Москву были приглашены командующие, члены военных советов и начальники штабов военных округов, армий, командиры некоторых корпусов и дивизий. На заседании, проходившем в Центральном доме Красной армии, также присутствовали руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники Центральных управлений, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск. Всего более 270 человек.

Как подчеркивается в предисловии к книге «Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.», «совещание проходило в условиях, когда злое пламя Второй мировой войны стремительно распространялось по земному шару. Фашистская Германия оккупировала Чехословакию, Австрию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Францию. Милитаристская Япония, начиная с 1937 г., захватила Северный Китай и значительную часть Центрального Китая. Война вплотную подошла к границам СССР.

Напряженная обстановка в Европе и мире в целом, реальная угроза агрессии заставили политическое и военное руководство страны предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности Советского Союза и укреплению Вооруженных Сил. Необходимость таких мер стала особенно очевидной после советско-финляндской войны 1939–1940 гг., которая вскрыла крупные недостатки в подготовке и боеспособности РККА. Война обнажила слабые места в подготовке командиров и штабов к руководству войсками в боевой обстановке. Она потребовала улучшения организационной структуры войск, их технического оснащения и материального обеспечения, повышения уровня морально-политического состояния и дисциплины личного состава.

На пленуме ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. были обсуждены итоги и уроки советско-финляндской войны, а в апреле того же года на расширенном заседании Главного военного совета РККА с участием руководителей ВКП(б) и государства рассмотрены вопросы вооружения, организации, обучения и воспитания войск, улучшения руководства ими.

В мае 1940 г. Народным комиссаром обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Специально созданная в связи с этим комиссия во главе с секрета-

рем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым осуществила проверку Наркомата обороны и подготовила Акт его приема-передачи. В этом документе отмечалось, что на момент приема и сдачи Наркомат обороны не имел оперативного плана войны, не зная истинного состояния армии и прикрытия границ. Неудовлетворительно оценивалась полевая выучка войск.

Заметную роль в перестройке системы подготовки войск сыграл приказ Наркома обороны № 120 от 16 мая 1940 г. "О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 учебного года". Основной девиз приказа – учить тому, что нужно на войне. В соответствии с этим приказом в военных округах состоялись учения, инспекционные проверки, смотр, командно-штабные игры под руководством непосредственно Наркома обороны и начальника Генерального штаба. Учения и проверки дали богатейший фактический материал для анализа уровня подготовки войск, командиров и штабов. При этом учитывался опыт кампаний начавшейся второй мировой войны, который властно требовал пересмотра многих положений военного искусства, доведения новых взглядов до руководящих кадров РККА.

Исходя из этого Совещание тщательно и заблаговременно готовилось. По заданию Наркома обороны было поручено разработать 28 докладов по самым актуальным проблемам военной теории и практики. Из них для обсуждения на совещании выносились лишь наиболее глубокие и оригинальные.

С докладом "Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего комсостава" выступил начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А. Мерецков. Он охватил все существенные аспекты состояния РККА, ее родов войск и на основе этого подчеркнул необходимость глубокой перестройки Вооруженных Сил. Особую озабоченность вызывали способы использования механизированных и авиационных соединений, низкий уровень подготовки высшего командного состава, недостатки в комплектовании РККА командными кадрами и в техническом оснащении отдельных родов войск.

Весьма пристальное внимание уделялось обсуждению вопросов наступательной и оборонительной операций, боевого применения механизированных и авиационных соединений в войне. Так, в докладе командующего войсками Киевского особого военного округа генерала армии Г. К. Жукова "Характер современной наступательной операции" на основе достижений военно-теоретической мысли, анализа боевых действий во время войн и военных конфликтов излагались новые черты наступательной операции фронта и армии, способы использования крупных танковых и механизированных соединений во взаимодействии с ВВС, в том числе при действии в тылу у оперативной группировки противника и при развитии оперативного успеха в стратегический».

Командующий 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта выступал после командующего фронтом генерал-полковника Г. М. Штерна:

«Товарищи, Первая Краснознаменная армия, являясь самой отдаленной армией Союза, живет в необычных по сравнению с другими округами условиях. Наша боевая подготовка тесно переплетается и сочетается с большим объемом хозяйственных работ, отрывающих людей от боевой подготовки. Я говорю о заготовках сена, топлива, овощей и целом ряде других хозяйственных работ.

Но прошедший или истекший год явился для Первой армии самым благоприятным годом в смысле ее подготовки и боевого совершенствования. Нас почти совсем не задели большие переживания, которые отразились на других военных округах, расположенных ближе к западной границе. За это время нам удалось стабилизировать относительно наш начальствующий состав по всем родам войск. И это дало свои большие результаты. Руководствуясь указаниями Народного комиссара обороны, в частности приказом его № 120, а также разбором тактических учений, проведенных Наркомом в Западном и других округах,

мы имели возможность перестроить свою боевую подготовку и приблизить ее к более или менее боевым условиям.

Но все недочеты, о которых докладывал здесь начальник Генерального штаба армии, свойственны и нам и нашим частям. Наша большая и актуальная задача на пороге нового года – это в максимально короткие сроки, как можно скорее, устранить и изжить те недочеты, которые снижают нашу боевую готовность. Я, как и командующий Дальневосточным фронтом, считаю, что наши достижения еще настолько элементарны и настолько поверхностны, что не заслуживают больших разговоров о них. Я хочу доложить некоторые вопросы, решение которых должно улучшить боевое обучение войск.

Прежде всего замечание по программам боевой подготовки. Мы иногда позволяем себе сравнивать организацию учебного процесса в школе, где учатся наши дети. И вот, если в школе, где учится наш ребенок, учение централизовано, то наши программы сплошь и рядом позволяют неграмотному лейтенанту, неграмотному младшему лейтенанту, возглавляющему роту, а иногда и батальон, являться неограниченным творцом в вопросах организации обучения войск, в вопросах боевой подготовки. В 1940 год мы вступили с программой: "240 часов – на огневую подготовку". И все. Это огневое обучение, как известно, складывается из изучения материальной части, теории стрелкового дела и т. д. Нигде не дифференцировано распределение часов, 20 командиров дают вам 20 различных планов, 20 различных вариантов, расчетов. И если один командир отводит на первую задачу 12 часов, другой отводит 20. Когда задаешь такому командиру вопрос: "Почему вы отводите именно 20 часов?", то он отвечает: "Руководствуюсь своим командирским опытом в течение трех месяцев"».

После этих слов нарком обороны маршал С. К. Тимошенко просит выступающего уточнить: «О каких программах вы говорите?»

Генерал Попов отвечает смело и без дрожи в коленках: «О тех программах по боевой подготовке, с которыми мы вступили в истекший учебный год. Докладываю это с ответственностью. Я считаю, что до тех пор, пока нашими взводами и ротами командует очень неопытный командир, наши программы должны быть чрезвычайно жестко централизованы».

Теперь недопонимание возникает у маршала СМ. Буденного, и он спрашивает: «Какие программы?»

Маркиан Михайлович четко поставленным голосом отвечает и ему: «Я говорю о тех программах, товарищ заместитель Народного комиссара, которые мы имели в начале истекшего года. Та программа, которую мы получили на летний период этого года, явилась прогрессом по сравнению с теми программами, по которым мы учились до сих пор. Но и в эту программу я считал бы необходимым внести некоторые изменения. В этих программах были допущены такие вещи, которые дозволяли своевластие. Например, на подготовку роты отводилось столько-то часов, наступательный бой роты – столько-то часов, дальше перечисляются учения, а сколько времени отводится на них – этого нет. Этим занимался младший лейтенант.

Начальник Генерального штаба генерал армии т. Мерецков, докладывая об огневой подготовке, указал, что огневая подготовка Первой армии дала неплохие результаты. Я позволю себе, не зазнаваясь, думать, что этих неплохих результатов мы добились только потому, что жестко централизовали огневое обучение, лишили права младших начальников заниматься творчеством планирования и расстановкой часов. Вовлекли командиров полков и дивизий самих в активное участие распределения часов и заставили их руководить огневой подготовкой.

Этим и объясняется, что все подразделения Первой армии вошли в положительную оценку.

По тактической подготовке. Я хотел бы, товарищ Народный комиссар обороны, предложить, исходя из нашей работы на Дальнем Востоке, о чем уже говорил генерал-полковник

т. Штерн. Я считаю, что мы в системе тактической подготовки наших мелких подразделений должны проводить как можно больше учений на темы, предопределяющие самостоятельную работу отделения, взвода или роты. Я считаю, что отделение в составе взвода будет сколачиваться на взводных учениях; когда мы готовим взводы и отделения, мы должны больше всего проводить учений в обстановке не совместной борьбы, а одиночной.

Разительный пример подготовки дают наши пограничники. Я не могу не поделиться на столь ответственном совещании хотя бы одним из примеров боевой подготовки пограничников, направленной по пути самостоятельной подготовки. Зимой прошлого года на японо-маньчжурской границе имел место вооруженный конфликт. Японский взвод силой в 50 человек под командованием подпоручика вторгся на советскую территорию. Так как застава была на большом расстоянии, отделенный командир Боровинский решил дать бой японскому взводу, в результате чего японский взвод был разбит и панически бежал, оставив на нашей территории, вопреки всем традициям, труп поручика. Отделенный командир Боровинский рассудил так: "Я с красноармейцами принимаю удар с фронта, другой – открывает огонь справа, вы, Иванов, открываете огонь автоматического оружия с фланга слева". Таким образом, четыре бойца окружили весь взвод японцев, который в панике вынужден был уйти с нашей территории.

Должен признаться, что когда я жал руку этого отделенного командира, то от души сказал: "Хотелось бы, чтобы боевое поведение отделенного командира 1-й Краснознаменной армии было бы похоже на отделенного командира Боровинского, чтобы поведение всех отделенных командиров было бы подобно поведению отделенного командира Боровинского". Этим отличаются пограничники. Они отличаются тем, что вся подготовка младшего начальствующего состава построена на обучении самостоятельному действию. Пограничники в 7 человек считают себя силой, а тут они умеют даже действовать в составе 3–4 человек. Вот почему я считаю, что в наших программах по частям, готовящимся к действию на широком фронте, должно отводиться большое место обучению подразделений самостоятельным действиям без соседа справа и соседа слева.

Следующее замечание относительно укрепленных районов. Я считаю, товарищ Народный комиссар, что руководство боевой подготовкой укрепленных районов заставляет желать очень и очень много лучшего. Если война с белофиннами дала большой практический опыт в вопросах прорыва укрепрайонов, то не меньший опыт получен и в вопросах обороны укрепрайона. Это мало претворяется в жизнь. Наши УРы нуждаются, если не в УРОВских уставах, то по крайней мере в УРОВских наставлениях. Сейчас же большинство наших укрепрайонов (а в армии их очень много) живет старинкой, занимается отсебятиной и искусство укрепления и обороны не поднято на принципиальную высоту.

Кстати сказать, товарищ Народный комиссар, в эту зиму я разговаривал с одним из крупных начальников ДОТ, когда я сидел с ним в его ДОТе, я дал ему задачу: "Японский дозор подходит к проволоке. Каково Ваше решение?" "Открыть огонь". Так мы воспитываем наши части. Кстати, мы кое-как воспринимаем этот опыт финских событий, поработали над маскировкой наших сооружений, приучаем людей выходить из ДОТа, чтобы беречь свой ДОТ. Я считаю, что от кустарщины нам нужно перейти к созданию универсального пособия».

И снова докладчика прерывает реплика наркома обороны: «Вообще над искусством тактики, особенно УРОВ, не работали».

Генерал Попов уточняет: «Работали очень мало, начали работать буквально после финских событий, когда увидели, как брала Красная армия укрепрайоны. Наши УРы будет значительно легче рвать, если мы решительно не переделаем нашу тактику и если не переделаем даже внешний их вид».

Разрешите, товарищ Народный комиссар, доложить, что за это лето части 1-й Краснознаменной армии почти на 100 процентов выполнили план оборонных работ, буквально преобразили старые укрепленные районы, там, где можно было, сделали солидные предполья, создали несколько новых укрепрайонов и значительно преобразили приморскую границу вообще. Я несколько забегаю вперед, хочу просить о том, чтобы нам разрешили для Приморского театра в будущем, в частности на 1941 год, работать по усовершенствованию своего театра, усовершенствованию укрепления границ, дорог. Эта работа может быть освоена армией без ущерба для ее боевой подготовки.

Два слова о подготовке штабов. Я хочу поделиться своим опытом и в порядке практического предложения рекомендовать это дело в других местах. Живя буквально на самой границе, мы начали в этом году практиковать выход штабов с отмобилизованием штабов и дивизий. Руководствуясь последним приказом Народного комиссара, мы решили нащупать правильную форму полного сочетания мобилизационной работы, которая до сих пор проводится оторванно, абстрактно от боевой обстановки. Сочетать ее таким путем – не просто выход по тревоге, а именно отмобилизация с высылкой начальников штабов, с подъемом войск связи и т. д. Наши выходы, когда к ним готовятся за 5 суток, зачастую проходят на чужих машинах, с чужими людьми и не так, как эти штабы будут воевать.

В подготовке начальствующего состава я целиком поддерживаю предложение, которое здесь было выставлено. Было бы крайне желательно число дней для подготовки начальствующего состава несколько увеличить: до 4–5 дней. Сборы, которые проводились, показали всю вопиющую неграмотность нашего начальствующего состава и, очевидно, лечить эту неграмотность окриком, взысканиями нам нельзя, стыдно и бесцельно. Над начальствующим составом надо крепко работать, его надо учить. Я должен сказать, что в 1-й армии 60 процентов начальников полковых школ кончили курсы младших лейтенантов и на командной должности состоят по 2–3 года. Все это заставляет нас тщательнее работать с этим составом.

Несколько слов об авиации. Мощь и сила нашей авиации окрепла, выросла дисциплина. Народному комиссару известно, что на одну катастрофу по сравнению с прошлым годом у нас значительно вырос налет. Я думаю, что могу позволить себе сказать здесь цифры: на одну катастрофу – 13,5 тыс. часов налета, в прошлом году – всего около 3,5 тыс. часов. Тов. Смушкевич называл здесь цифры ночного и высотного налета. В 1-й армии ночной налет 6,5 тыс. часов, высотного – 9700 (около 10 000) часов. Этого, конечно, мало, и мы целиком и полностью разделяем требования нашего командующего фронтом, который требует, чтобы наша авиация, наши бомбардировщики летали ночью и бомбили ночью. Одной из причин роста наших достижений, что нам удалось стабилизировать кадры, все командиры авиации командуют по два года. Должен сказать, что 5 командиров полков из армии уходят.

К тем задачам, о которых докладывал генерал-лейтенант Смушкевич, наряду с огневой подготовкой не следует забывать навигационной подготовки. Все те неприятности, о которых, к сожалению, так часто приходится докладывать, когда наши части нарушают границы, в частности, когда 80 бомбардировщиков нарушили границу нашего противника, все это является результатом того, что наши штурманы не имеют достаточной подготовки и, очутившись в новых условиях, в условиях тайги и сопок, начинают вести наугад и в результате – потеря ориентировки. При условиях отсутствия культурного театра, очень ограниченного количества населенных пунктов и ориентиров большое значение имеет подготовка штурманов, навигационная подготовка, ее значение в этих условиях значительно возрастает и перед нами должна быть поставлена эта задача.

В заключение я могу сказать, как и командующий Дальневосточным фронтом, что Ваши требования, товарищ Народный комиссар, Ваши задачи 1-я армия поняла и усвоила и

1-я армия сделает все возможное к тому, чтобы в новом учебном году все Ваши требования и все Ваши указания полностью выполнить».

Начиная свой доклад с необычных, по сравнению с другими округами, условиями жизни 1-й Краснознаменной армии, Маркиан Михайлович ничуть не слукавил. Это была проблема давняя. Например, В. С. Мильбах в своей книге черным по белому пишет: «Даже в преддверии вооруженного конфликта у оз. Хасан и в ходе его некоторые дивизии продолжали заниматься строительством и сельхозработами, при этом боевой подготовкой личный состав не занимался вовсе. В одной из докладных записок на имя К. Е. Ворошилова сообщалось об уровне боевой подготовки в 39-й стрелковой дивизии по состоянию на 10 августа 1938 г.: "Командир дивизии комбриг Куликов доложил, что стрелковое дело в загоне, красноармейцев не учат. В 1-м батальоне 115-го полка в июне было всего до тридцати штыков. Стрелковые батальоны совсем не занимались"».

Результаты незамедлительно сказались в период подготовки и ведения боевых действий у оз. Хасан. Недостатки в обученности отдельных военнослужащих, подразделений и частей проявились практически во всем: от неумения красноармейцев применять ручные гранаты до отсутствия навыков в ведении стрельбы артиллерией с помощью средств воздушной разведки».

Во второй раз на совещании Маркиан Михайлович выступил по докладу начальника Главного управления ВВС Красной армии генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова, поддержав выступление начальника Главного управления ПВО Красной армии генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. Чтобы было понятно, генерал Рычагов, как и маршал Тимошенко, «допускал деление авиации на фронтовую и армейскую, что являлось серьезной ошибкой, которая привела к распылению авиации, и затруднила массированное использование ее в борьбе с воздушным противником, – констатирует доктор исторических наук, профессор В. А. Анфилов. – Более того, он говорил о необходимости поддержки фронтовой авиации общевойсковых армий на период проведения ими наступательной операции для завоевания господства в воздухе. Это утверждение вызвало серьезное возражение со стороны генерала Козлова.

Итак, М. М. Попов со знанием дела выступил на совещании и по весьма серьезному вопросу о господстве в воздухе: «Стратегическое превосходство военно-воздушных сил, как здесь было доложено т. Рычаговым, можно добыть разгромом военно-воздушных сил противника, авиапромышленности, учебных центров, ремонтных баз и исключением подвоза извне. Вместе с тем мы должны учитывать, что при вооруженном столкновении вооруженных государств, располагающих хотя бы относительно равными военно-воздушными силами, относительно равным военным потенциалом, рассчитывать на легкое завоевание стратегического господства в воздухе не приходится. Ясно, что стратегическое господство может быть добыто только в результате длительной и упорной борьбы, которая выразится в виде мощных воздушных налетов на экономические и политические центры противника, на воздействие по сухопутным и морским коммуникациям, наконец, путем создания внешней политической изоляции. Эта борьба за абсолютное господство в воздухе требует решительного перевеса сил и будет вестись бесспорно мощными воздушными объединениями воздушных частей. Я согласен в этой части с генерал-лейтенантом Козловым, что для этой цели следует иметь самостоятельные подготовленные и обученные соединения авиации, состоящие в распоряжении фронтовых штабов или Главного командования.

Превосходство германских военно-воздушных сил в операции их войск по захвату Польши вряд ли может явиться характерным для современной эпохи, для современных столкновений крупных государств хотя бы в силу громадного превосходства германских воздушных сил и устарелости польского воздушного флота, как и всего польского государства.

При наличии стратегического господства немцев в воздухе полякам удалось провести все же некоторые удачные операции ВВС. Я имею в виду налеты польской авиации на Ченстохов, когда полякам удалось уничтожить до 100 танков немцев.

Некоторые последовательные успехи как немцев, так и англичан вынуждают ВВС этих стран менять свою тактику и приемы своих действий, то переходя к ночным действиям большими группами, то переходя к дневным действиям небольшими группами бомбардировщиков с мощным прикрытием истребителей.

Все это свидетельствует о том, что борьба за стратегическое господство в воздухе является делом чрезвычайно трудным, тяжелым, важным и серьезным, является одним из решающих факторов современной войны. К этой борьбе должны готовиться государства в целом, их промышленность и ВВС.

Доскональное изучение противника, его ВВС и всего, связанного с подготовкой воздушных сил для борьбы с противостоящими силами противника, должно явиться актуальной задачей Генштаба и Штаба ВВС.

Борьба за стратегическое господство бесспорно является делом компетенции Главного и фронтового командования и, очевидно, обычно выходит за рамки деятельности командующего армией.

Но так как борьба за оперативное господство является производной от стратегического господства, если под оперативным господством мы понимаем обеспечение господства ВВС на определенных этапах и участках, то это оперативное господство, являясь производным от стратегического господства, в то же самое время вовсе не является уделом, выходящим за рамки командующего армией.

Я считаю, что отсутствие общего превосходства стратегического вовсе не исключает, а наоборот, предопределяет борьбу за оперативное господство в воздухе на определенных участках фронта или армии, почему, очевидно, в армейской операции в роль и функции армейского командования бесспорно войдет борьба за воздушное господство.

Я не могу в этой части трактования вопроса согласиться с генерал-лейтенантом Козловым, потому что без привлечения армейских ВВС к борьбе за оперативное господство не обойтись.

Я лично считаю, что нельзя установить такое механическое деление на господство в воздухе – стратегическое и оперативное. Задача фронтового и армейского командования, в зависимости от того, как обстоит дело с соотношением ВВС обеих воюющих сторон, обеспечить воздушное господство на том или ином участке фронта, армии. При превосходстве в воздухе, конечно, учитывается количество и качество. Если мы готовим наступательную операцию, мы должны привлечь максимум наших военно-воздушных сил потому, что сейчас трудно решить наступательную операцию без ВВС. Если Дуэ считает, что войну можно выиграть действиями одних военно-воздушных сил, то мы можем сейчас переиначить этот его основной лейтмотив – трудно выиграть операцию без военно-воздушных сил, трудно и даже невозможно.

Для господства в воздухе на избранном для наступления направлении наступающий обязан обеспечить себе господство путем разгрома авиации противника на аэродромах и в воздушных боях (иногда спровоцированных) и тем самым ослабить противника настолько, чтобы открыть путь своим ВВС как к обороне, так и к оперативной глубине противника. Конечный результат в этой борьбе не может быть достигнут одним мощным ударом на аэродромы противника или одним воздушным сражением, она должна вестись систематически как на всем протяжении подготовки наступательной операции, так и во всем ее ходе.

В войне с Францией и Англией германцы наносили с воздуха мощные удары по аэродромам и поддерживали систематически господство в воздухе повторными ударами по аэродромам.

Так, например, как уже об этом докладывал генерал-лейтенант т. Козлов, 10 мая, по далеко не полным данным, в результате налета на аэродромы Франции и Англии в первый день было уничтожено около 300 самолетов. Эти удары повторились 11 и 12 мая и по некоторым, видимо преувеличенным, данным, было выведено из строя около 1000 самолетов. Дальнейшие попытки немцев нанести на аэродромы такие же удары не дали необходимого эффекта, потому что англичане и французы, напуганные предыдущими налетами, рассредоточили самолеты на оперплатки и на аэродромах. Если раньше расстояние на аэродромах между машинами было 20–25 м, то сейчас 250–300 м. Дальнейшие попытки налетов на аэродромы противника не стали давать эффектов. Я считаю, что эффекты таких налетов будут зависеть от того, насколько они внезапны. В начальном этапе войны подобные налеты будут давать колоссальные результаты.

Я позволю себе обратиться опять к опыту немцев, когда они 1 сентября после налета на польские аэродромы оставили на них груды обломков самолетов.

По опыту войны на Западе и на Халхин-Голе для налета на каждый аэродром должно быть брошено около эскадрильи бомбардировщиков или половины штурмовиков с мощным истребительным прикрытием.

Наконец, два слова о воздушных боях. Мне кажется, что последние события на Западе показывают, что не всегда и не при всех обстоятельствах воздушный бой является решающим для достижения господства в воздухе. Неслучайны удары немцев по английским аэродромам. Германские ВВС попытались уничтожить английские ВВС в воздухе. В результате воздушных боев германские истребители понесли потери, почти равные потерям английского воздушного флота, что привело немцев к выводу о том, что истребление своих истребителей в воздухе нецелесообразно.

Очевидно, основным условием победы в воздушном бою является качественное и количественное превосходство машин, превосходство в обучении и опытность летного состава, а также непрерывное наращивание сил в этом воздушном бою. Из всего доложенного следует сделать вывод, что как применима борьба за господство в воздухе путем подавления авиации противника на его аэродромах, так и путем разгрома воздушных сил в воздухе. Основное – к моменту наступления ВВС наступающий должен обеспечить господство в воздухе, чтобы всеми ВВС принять самое решительное участие в наступлении армии, в тесном тактическом и оперативном взаимодействии с ней.

Борьба за воздушное господство не является самоцелью, это только средство, обеспечивающее авиации разрешение всех основных задач, стоящих перед наступающими армиями и фронтом.

Два замечания относительно борьбы с коммуникациями. Изучение литературы, относящейся к периоду мировой войны, и опыта современной войны, заставляет напомнить, что какой-нибудь эффект воздействия на железные дороги, коммуникации, автодороги даст только в том случае, если оно будет вестись постоянно, систематически, мощно. Мы прекрасно помним, что факультатив в графике железной дороги обеспечивает железной дороге относительно почти бесперебойную работу, если дорога выведена из строя примерно на 8 часов в сутки. Это обеспечивает планомерную работу железной дороги. Следовательно, если мы небольшими, не мощными ударами произведем эти налеты на железнодорожные коммуникации, то, по существу, особого ущерба не принесем. Очевидно, систематические повторные воздействия на избранные нами объекты железнодорожной коммуникации – вот что может гарантировать некоторую изоляцию избранного для наступления района или парализование его тыла.

В период со 2 по 7 сентября, располагая почти 1000 бомбардировщиков, немцы при наступлении на Польшу поразили несколькими ударами около 25 железнодорожных станций. В печати была приложена схема станций, подвергшихся нападению ВВС. Железнодоро-

рожные бригады, ремонтно-восстановительные поезда не могли восстановить разрушения железных дорог. Железные дороги были совершенно парализованы. В последующее время, с 15 по 18 сентября, такому же налету подверглись 25 станций в полосе между Бугом и бывшей нашей границей с Польшей, очевидно, с целью помешать переброскам польских войск на Запад.

Вывод: борьба на коммуникациях противника должна нести чрезвычайно продуманный характер и должна вестись целеустремленно путем систематических последовательных и периодических ударов, может быть, по ограниченному числу узких мест железнодорожной сети противостоящей стороны.

Наконец, я не согласен с генерал-лейтенантом т. Козловым в вопросе по сведению роли армейской авиации только к решению тактических задач. Командующий армией не может не влиять на оперативную глубину обороны, и командующий армией не может обойтись только тем типом самолетов и той авиацией, которые только обеспечат решение его тактической задачи. Почему бесспорно за командующим армией и ВВС армии надлежит оставить функции и обеспечить его авиацией, дающие возможность решить задачи оперативного порядка.

Два слова относительно взаимодействия с авиацией на поле боя. Я считаю, что этот вопрос благодаря тем указаниям, которые давал Народный комиссар на разборах учения, уже привел нас к общему знаменателю, но я думаю, что будет не лишним все-таки еще раз уточнить буквально двумя словами наши взгляды на вопросы взаимодействия и привлечения авиации на поле боя.

Очевидно, при прорыве оборонительной полосы с укреплениями полевого типа, когда артиллерийская подготовка будет вестись часами, участие военно-воздушных сил должно выражаться в 1—2-х мощных налетах по переднему краю. Это вовсе не значит, что в дни, предшествующие началу артиллерийской подготовки, мы не будем прибегать к авиации с целью изнурения противника. Но я считаю, что такое привлечение заблаговременно для наступления чрезвычайно невыгодно, нецелесообразно. Оно может вскрыть замыслы командования. И, очевидно, использование ночных бомбардировщиков, как это было в Финляндии, на Халхин-Голе, явится средством, достаточно обеспечивающим последовательную обработку оборонительной полосы. Или дать, при наличии запаса средств, массовый мощный удар на широком фронте – бесспорно целесообразно. Но, очевидно, будет более выгодно эти средства сберечь для начала решительного действия.

В заключение, товарищ Нарком обороны, я хотел бы поднять только один вопрос. Я считаю, что если мы все являемся сторонниками массированного использования ВВС, являемся сторонниками централизованного управления, что в сложный период пехотного боя при борьбе пехоты, танков в оборонительной полосе, когда действия авиации трудно планировать, трудно организовать взаимодействие авиации с пехотой, когда у авиации не остается времени для подготовки к решению задач, которые ставятся авиацией в ходе самого боя, – я считаю, что какая-то часть ВВС с момента боя в глубине оборонительной полосы (в некоторой аналогии с подчинением части артиллерии) должна быть переподчинена в распоряжение войскового начальства. Иначе я себе не мыслю достижение такого положения, при котором возможен вызов, как это было на полях Франции, вызов танками группы самолетов.

Это, очевидно, достигается тем, что какая-то часть авиации в эти ответственные минуты пехотного боя непосредственно подчиняется общевойсковым начальникам. Оставаясь сторонником централизованного управления ВВС, я считаю в то же время, что при наличии соответствующего числа авиации на том или другом участке наступления какая-то часть авиации (может быть очень незначительная, максимум полк на стрелковый корпус) должна находиться в подчинении общевойсковых начальников с тем, чтобы можно было вызвать немедленно авиацию на ответственные решающие участки боя непосредственно с аэродромов».

К слову сказать, даже дважды Герой Советского Союза, помощник начальника Генерального штаба по ВВС генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич, и тот высказал ошибочное, по сравнению с другими выступавшими, мнение по вопросам завоевания господства в воздухе и боевого применения авиации. В своем выступлении он заметил: «Относительно господства в воздухе, я не понимаю, как можно стратегическое господство в воздухе завоевать. Если мы будем воевать с таким противником как финны, то это господство можно завоевать, но если будет более или менее равный противник, господство в воздухе во всей стране завоевать нельзя. Только путем правильной организации тыла, хорошей подготовки летного состава, наличия достаточной сети аэродромов и связи, боеприпасов, горючего, путем умения маневрировать и очень часто путем того, чтобы обмануть противника, мы можем добиться преобладающего господства в воздухе на определенных направлениях, на определенных участках и только на определенное время». Лишь усугубляя свою ошибку, Смушкевич делает и неправильный вывод:

«Теперь уже ясно, что только тесное взаимодействие всех войск под руководством общевойсковых командиров фронта и армий решает успех операции и войны, и поэтому место авиации только в общевойсковых боях и операциях. Все дальние полеты должны вытекать из задач армейских и фронтовых операций».

Совещание было закрыто 31 декабря. На следующий день должна была состояться большая военная игра, но, как свидетельствует маршал Г. К. Жуков, «...нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину (согласно журналам записей лиц, принятых Сталиным с 1924 по 1953 год, это было уже 2 января 1941 г.): «И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего комсостава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

– Товарищ Сталин, – попробовал возразить Тимошенко, – я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

– Я не обязан читать все, что мне посылают, – вспыхнул И. В. Сталин.

С. К. Тимошенко замолчал.

– Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? – обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

– Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, – сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

– Когда начнется у вас военная игра? – спросил он.

– Завтра утром, – ответил С. К. Тимошенко.

– Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за "синюю" сторону, кто за "красную"?

– За "синюю" (западную) играет генерал армии Жуков, за "красную" (восточную) – генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, все время при-

существовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И. В. Сталина».

2 января 1941 г. в 19.30 в кабинет Сталина вошли Молотов, Маленков и военачальники: Тимошенко, Буденный, Кулик, Мерецков, Запорожец, Жуков, Павлов, Кирпонос, Черевиченко, Кузнецов, Тюленев, Попов, Апанасенко, Ефремов, Злобин, Ватутин. Маршалы и генералы вышли в 21.45, а Молотов и Маленков – на 5 минут позже.

Для Маркиана Михайловича это был первый прием в кремлевском кабинете вождя. И он запомнился ему на всю жизнь. Выйдя к военачальникам, Иосиф Виссарионович остановился напротив генерал-лейтенанта Попова и с удивлением сказал: «Впервые вижу генерала без живота и орденов», – на что Маркиан Михайлович со всей серьезностью ответил: «Живота не нажил, орденов не заслужил». Сталину очень понравился такой ответ, и он отдал распоряжение поощрить товарища Попова. Нарком обороны маршал Тимошенко взял указание вождя на заметку.

22 февраля 1941-го Указом Президиума Верховного Совета СССР за высокие показатели 1-й Краснознаменной армии по боевой и политической подготовке в 1940 учебном году Маркиана Михайловича наградят орденом Ленина. Это будет вторая награда после медали «XX лет РККА».

Что же касается двухсторонних оперативно-стратегических игр на картах, то они были проведены сразу же после окончания декабрьского совещания высшего командного состава РККА. Первая игра состоялась 2–6 января, а вторая – 8–11 января. Как констатируют составители книги «Накануне войны», «в целом же ограниченность целей игр в основном получением практики подготовки и проведения наступательной операции фронта и армии, неверная ориентация участников игр по ряду важнейших вопросов (о возможном направлении главного удара противника, о безусловно успешном для "восточных", т. е. для Красной армии, исходе начального периода войны и др.) сыграли, вероятно, не последнюю роль в том, как готовились Вооруженные Силы СССР к отражению агрессии в оставшиеся полгода до начала Великой Отечественной войны».

По окончании игры планировался ее разбор, на который для подготовки к нему отводились сутки. Но, как свидетельствует К. А. Мерецков, «вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете И. В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На все отвели 15–20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван... И. В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С. К. Тимошенко меня не поддержал. Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

– Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я. Пять месяцев тому назад И. В. Сталин при назначении моем на тот же пост обещал заменить меня, когда найдет подходящую кандидатуру. И вот он сдержал обещание, Я возвратился на должность заместителя наркома обороны и опять погрузился в вопросы боевой подготовки войск. Георгия Константиновича Жукова я считал одним из наиболее подготовленных наших военачальников для работы начальником Генерального штаба».

Было это 14 января 1941 г. В этот же день Сталиным было подписано соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Начальнике Генштаба и командующих войсками военных округов», в котором говорилось: «Для улучшения подготовки войск округов и армий утвердить назначения:

1. Начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны – генерала армии Жукова Георгия Константиновича;

2. Заместителем наркома обороны по боевой подготовке – генерала армии Мерецкова Кирилла Афанасьевича;

3. Командующим войсками Дальневосточного фронта – генерал-полковника Апанасенко Иосифа Родионовича, освободив его от должности командующего войсками Среднеазиатского военного округа; начальником Штаба Дальневосточного фронта – генерал-лейтенанта Смородинова Ивана Васильевича, освободив его от должности заместителя начальника Генерального штаба Красной армии;

4. Освободить от должности начальника Штаба Дальневосточного фронта – генерал-майора т. Кузнецова;

5. Командующим войсками Киевского Особого военного округа – генерал-лейтенанта Кирпоноса Михаила Петровича, освободив его от должности командующего войсками Ленинградского военного округа;

6. Командующим войсками Ленинградского военного округа – генерал-лейтенанта Попова, освободив его от должности командующего 1 – й армией;

7. Командующим войсками 1-й армии генерал-лейтенанта Еременко Андрея Ивановича, освободив его от должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа;

8. Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа – генерал-лейтенанта Конева Ивана Степановича, освободив его от должности командующего войсками Забайкальского военного округа; начальником Штаба СКВО – генерал-лейтенанта Злобина Вениамина Михайловича, освободив его от должности старшего генерал-адъютанта наркома обороны СССР;

9. Командующим войсками Забайкальского военного округа – генерал-лейтенанта Курочкина Павла Алексеевича, освободив его от должности командующего войсками 17-й армии;

10. Командующим войсками Среднеазиатского военного округа – генерал-майора Трофименко Сергея Георгиевича, освободив его от должности начальника Штаба Северо-Кавказского военного округа;

11. Командующим войсками 17-й армии – генерал-лейтенанта Романенко Прокофия Логвиновича, освободив его от должности командира 1-го Механизированного корпуса» (АЛ РФ. Ф. 93. Коллекция документов).

«Слыл непоседой»

Петроградский военный округ Красной армии был сформирован 20 марта 1918 г., а 1 февраля 1924-го переименован в Ленинградский. Тогда его территория включала Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Олонецкую, Череповецкую, Мурманскую губернии и Карельскую АССР. Позднее территория округа изменялась.

К слову сказать, по состоянию на 2010 год Ленинградский военный округ превратился в самый малочисленный из всех военных округов России. На его территории не дислоцировалось ни одной общевойсковой армии, ни одной мотострелковой или танковой дивизии. Известно, что демилитаризация округа произошла после подписания Советским Союзом в ноябре 1990-го Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), которым были введены ограничения на размещение воинских соединений и частей на северо-западе СССР (России).

С Дальнего Востока к месту службы Маркиан Михайлович отправился в середине февраля 1941 г. По дороге в Ленинград в столице его принял нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, который кратко ознакомил с составом войск округа и их задачами.

Если считать всех командующих войсками Ленинградского (Петроградского) военного округа начиная с 1918 г., то генерал-лейтенант М. М. Попов стал 17-м командующим. До него, например, Ленинградским военным округом командовали такие известные военачальники, как: В. М. Гиттис, Б. М. Шапошников, А. И. Корк, М. Н. Тухачевский, И. П. Белов, Б. М. Шапошников (дважды), П. Е. Дыбенко, М. С. Хозин, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко и М. П. Кирпонос.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, сам проходивший службу на должности начальника штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, рассказывал: «... служба на Дальнем Востоке в 1935–1936 годах вообще оказалась для меня очень полезной. Вступив десять лет спустя в командование 1 – м Дальневосточным фронтом, я использовал весьма многое из того, что приобрел, работая ранее в ОКДВА. Одно знакомство с театром военных действий чего стоило! Но не нужно думать, что ОКДВА принесла мне прямую пользу только десятилетием позже. Такая мысль была бы просто неправильной. Любой военачальник, меняя место службы и вращаясь в новую обстановку, сразу же набирается свежего практического опыта, ибо несовпадающие условия моментально заставляют изыскивать другие пути решения сходных по типу военных задач. Вот почему так важно, чтобы командиры не засиживались на одном месте. Смена впечатлений сама по себе будет расширять их кругозор, выдвигать перед военачальниками новые проблемы, побуждать их к тому, чтобы взглянуть на дело с незнакомой прежде стороны».

То есть при назначении Маркиана Михайловича на новую должность безусловно был учтен его трехлетний опыт службы на Дальнем Востоке, а также десятилетний опыт службы в Ленинградском военном округе. И это очень важно отметить.

В Ленинграде генерал Попов начал свое знакомство с «окружного аппарата».

Как он сам напишет спустя годы, «многие... с кем пришлось познакомиться и обстоятельно поговорить в те дни, производили впечатление знающих, уверенных, но в то же время скромных и не переоценивающих себя начальников».

И это было действительно так. Например, корпусной комиссар Клементьев Николай Николаевич (1897) с января 1941 г. – член Военного совета Ленинградского военного округа. Участник Гражданской войны. С октября 1928 г. – военком 51-го стрелкового полка. С мая 1932-го – помощник командира по политчасти и начальник политотдела 48-й стрелковой дивизии. С октября 1934-го – помощник командира по политчасти и начальник политот-

дела 13-й механизированной бригады. С августа 1937-го – военком (комиссар) 3-го стрелкового корпуса. С декабря 1939-го – начальник политуправления (член Военного совета) 13-й армии, дивизионный комиссар. Участник советско-финской войны. С февраля 1940-го – член Военного совета 7-й армии, награжден орденом Ленина. С мая 1940-го – член Военного совета Архангельского Военного округа.

Генерал-майор Понеделин Павел Григорьевич (1893) с июня 1940 по март 1941 г. – начальник штаба Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (прапорщик) и Гражданской войн. В 1916 г. окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков. В 1926 г. – Военную академию им. Фрунзе. С 1922 года командовал бригадой, полком, дивизией. С октября 1927-го – преподаватель Военной академии им. Фрунзе. С апреля 1933-го – командир и комиссар стрелковой дивизии. С февраля 1934-го – начальник и военком Ленинградского пехотного училища. Участник советско-финской войны – командир стрелковой дивизии. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Генерал-майор Никишов (Никишев) Дмитрий Никитич (1898) с марта 1941 г. – начальник штаба Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (рядовой) и Гражданской войн. В 1922 г. окончил Объединенную высшую военную школу. В 1927 г. – Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1937 г. – первый курс Академии Генштаба. С сентября 1922 г. – помощник командира роты, командир роты, командир отдельного батальона. С июля 1928-го – помощник начальника 1-го отдела. С августа 1930-го – заместитель начальника 1-го отдела, начальник 1-го отдела и помощник начальника штаба Ленинградского военного округа. С 1934-го – командир и военком 10-го Туркестанского стрелкового полка. С 1936-го – начальник 1-го отдела штаба Московского военного округа. С 1937-го – начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В период событий на р. Халхин-Гол был начальником штаба 57-го отдельного стрелкового корпуса (был снят после доклада Жукова). С января 1940-го – начальник штаба 9-й армии. Участник советско-финской войны. Затем снова начальник штаба Северо-Кавказского военного округа и начальник штаба ВВС Красной армии. Награжден орденом Красной Звезды.

Генерал-лейтенант Пядышев Константин Павлович (1890) – заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (штабс-капитан) и Гражданской войн. С 1921 по 1931 г. командовал стрелковой дивизией. В 1924 г. окончил Военно-академические курсы высшего состава РККА. В 1927 г. – КУВКС при Военной академии им. Фрунзе. С мая 1931-го – начальник штаба корпуса ВУЗ ЛВО. С мая 1934-го – начальник штаба Военно-электротехнической академии им. Буденного. С февраля 1936-го – командир 90-й стрелковой дивизии. С марта 1937-го – заместитель начальника штаба ЛВО. С 1940-го – заместитель командующего 7-й армии, командир 34-го стрелкового корпуса, командующий 8-й армии, заместитель начальника Управления боевой подготовки РККА. Участник советско-финской войны. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

Генерал-майор Духанов Михаил Павлович (1896) с мая 1940 г. – помощник командующего войсками Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (поручик) и Гражданской войн. В 1916 г. окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков. В 1921 г. – Военную академию РККА. В 1928 г. – Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. Фрунзе. С 1922-го – начальник штаба 13-й Сибирской кавалерийской дивизии, затем 4-й отдельной Сибирской кавалерийской бригады. С января 1925-го – начальник штаба 1-го конного корпуса, помощник начальника Тверской кавалерийской школы, начальник оперативной части штаба 2-го кавалерийского корпуса, начальник штаба 10-й Майкопской кавалерийской дивизии. С октября 1931-го – преподаватель Военно-технической академии РККА им. Дзержинского. С июля 1932-го – преподаватель в Военной академии механизации и моторизации РККА. С 1934-го: начальник Ульяновской бронетанковой школы, начальник отдела управления вузов РККА, помощник коман-

дующего войсками Приволжского военного округа, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. С ноября 1939-го – командующий 9-й армией. Участник советско-финской войны.

Генерал-майор авиации Новиков Александр Александрович (1900) – командующий ВВС Ленинградского военного округа. Участник Гражданской войны. В 1922 г. окончил курсы «Выстрел». В 1930 г. – Военную академию им. Фрунзе. С августа 1922-го – служил в Отдельной Кавказской армии в Закавказье. С 1922 г. – командир взвода и помощник командира роты 14-х командных курсов (Батуми). С февраля 1923-го – командир роты и командир батальона на военно-политических курсах Отдельной Кавказской армии. Участвовал в подавлении меньшевистских восстаний в Грузии в 1922 и в 1924 годах. С 1930-го – в штабе 11-го стрелкового корпуса Белорусского военного округа: начальник оперативного отдела. В Военно-воздушных силах с марта 1933 г. Самостоятельно научился летать, освоил профессию летчика-наблюдателя. В 1933–1935 гг. – начальник штаба 450-й авиабригады (Смоленск). С октября 1935-го – командир 42-й легкомобильной авиаэскадрильи (Смоленск). В 1937 г. был уволен из РККА по ложному предлогу, но вскоре восстановлен в прежней должности. С апреля 1938 по 1939 г. – начальник штаба ВВС Ленинградского военного округа. Участник советско-финской войны: начальник штаба ВВС Северо-Западного фронта. Награжден орденом Ленина.

Генерал-майор артиллерии Свиридов Владимир (до 1930 г. Филимон) Петрович (1897) – начальник артиллерии Ленинградского военного округа. Участник Первой мировой (поручик) и Гражданской войн. В 1916 г. окончил Виленское военное училище в Полтаве. В 1922 г. – Высшую артиллерийскую школу. В 1930 г. – Военную академию им. Фрунзе. В 1938 г. – Военную академию Генштаба. С 1922 г. – командир взвода, батареи, начальник курса артиллерийской школы. С 1931-го – командир и комиссар артиллерийского полка. С 1934-го – начальник артиллерии стрелкового корпуса. С 1936-го – начальник отделения боевой подготовки отдела артиллерии округа. С 1938-го – начальник артиллерии Белорусского Особого и Среднеазиатского военных округов.

Подполковник Бычевский Борис Владимирович (1902) с 1940 г. – начальник Инженерного управления Ленинградского военного округа. В 1928 г. окончил Московскую военно-инженерную школу им. Коминтерна. После курсов: командир взвода, адъютант. С 1932-го – начальник инженерной службы Ленинградских военно-политических курсов им. Энгельса. С 1936-го – преподаватель инженерного дела Ленинградской пехотной школы им. Склянского, затем начальник инженерной службы 90-й стрелковой дивизии и начальник строительного участка № 9. Участник советско-финской войны. Начальник Управления строительства Псковско-Орловского УР. С 1939-го – начальник отдела инженерных войск 13 А на Карельском перешейке. Награжден орденом Красного Знамени.

Как мы видим, новый командующий был самым молодым среди своих заместителей и помощников (от 1890 г. р. до 1900 г. р). Молодостью он и брал во всем...

После знакомства с окружным аппаратом Маркиан Михайлович в первую очередь досконально изучил имеющиеся в штабе округа оперативные планы. Наладил контакт с областным и городским партийным и советским руководством. Затем приступил к изучению войск, которое начал со стрелковых дивизий: «Знакомился с ними на стрельбищах и полигонах, на полевых учениях, на боевых тревогах или просто в казармах». После артиллерии, авиации и ПВО он взялся за проверку укрепления границ: «На Карельском перешейке по новой границе с осени 1940 г. развернулось строительство трех укрепленных районов: Выборгского, Кексгольмского и Сортавальского, которые должны были прикрыть все основные направления на Ленинград и Петрозаводск. К началу войны вчерне было готово в Выборгском укрепленном районе только около 40 долговременных сооружений, в Кексгольмском и Сортавальском – около 10 в каждом.

На линии старой госграницы находился Карельский укрепрайон, законченный строительством в начале тридцатых годов. Он упирался своим правым флангом в Ладожское озеро, а левым – в Финский залив и, таким образом, перекрывал все пути к Ленинграду. Его слабостью являлось то, что он почти не имел противотанкового вооружения и что между батальонными, а кое-где и между ротными районами были большие промежутки, не перекрывавшиеся огнем.

Состояние Карельского укрепрайона вызывало у нас серьезные опасения. Принятыми мерами перед войной и в ее начале мы резко повысили боевую готовность этого УРа. Именно перед его передним краем впоследствии остановилась лавина финских войск, катившихся к Ленинграду. После некоторых попыток прорвать оборону УРа финны отказались от них и стали спешно закапываться в землю. Здесь они и сидели в бездействии до 10 июля 1944 г.

Значительно хуже обстояли дела в Псковско-Островском УРе, созданном на старой границе с Эстонией, который с выносом нашей госграницы далеко на запад считался уже ненужным, в связи с чем на долговременные сооружения, рассчитанные на два батальонных района, был оставлен малочисленный гарнизон в составе одной пулеметной и одной учебной рот, которых явно не хватало даже для охраны имевшихся сооружений. Кроме того, значительная часть вооружения и оборудования была демонтирована, а сами сооружения законсервированы».

В марте в Ленинград прибыл заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков. На большой и многодневной оперативной игре тогда отрабатывалось и изучалось ведение оборонительных операций на широких фронтах против превосходящих сил противника. Маршал Советского Союза Мерецков в мемуарах скажет об этом следующее: «Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе. Поездку в ЛВО я считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились хорошо».

Сам Маркиан Михайлович будет более точен: «Мне, как новому командующему, эта игра позволила лучше разобраться в оперативных перспективах и глубже познакомиться с командирами и их штабами, а также и с руководящим составом штаба округа.

Несколько позже оперативная игра была повторена примерно с тем же составом, на этот раз уже с целью устранения недочетов, вскрытых на игре, проводившейся К. А. Мерецковым».

Генерала Конькова Маркиан Михайлович Попов покорила своим обаянием, доступностью и широтой кругозора. Вспоминая март 1941-го, он напишет в книге «Время далекое и близкое»: «С командирами полков я возвращался из-под Выборга, где проводилась рекогносцировка местности. До отхода поезда еще оставалось время, и мы ожидали на перроне. Вдруг в окружении генералов и командиров подошел командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов. Он приветливо со всеми поздоровался, обращаясь ко мне, сказал:

– Товарищ генерал Коньков, нам, кажется, по пути, прошу вас в мой вагон.

Меня сразу расположило к командующему это дружелюбное обращение. Чувствовал я себя свободно, без робости. Ехать с М. М. Поповым предстояло несколько часов.

– Василий Фомич, – обратился ко мне Маркиан Михайлович, – расскажите мне поподробней о 115-й стрелковой дивизии, о ее традициях.

Свою дивизию я любил, знал в ней по имени-отчеству всех командиров и многих красноармейцев. Естественно, увлекся рассказом. Командующий меня слушал с каким-то удивлением. Особенно я это почувствовал, когда говорил о славном прошлом одного из полков Московской Пролетарской дивизии, на базе которого было сформировано наше соединение.

– Боевые традиции – наше грозное оружие, пусть оно всегда будет у вас в арсенале, – сказал Маркиан Михайлович, когда я закончил рассказ. Потом он неожиданно поднялся,

посмотрел мне прямо в глаза и спросил: – О чем вы думали, когда были за Выборгом на рекогносцировке?

Я поначалу растерялся, хотя понимал, что посылали меня туда не на прогулку.

– Так вот, товарищ генерал, возможно, уже в апреле ваша дивизия будет передислоцирована на Карельский перешеек, ближе к государственной границе. Учтите, семьи командиров останутся на прежних квартирах, проявите о них заботу и внимание.

Командующий как-то удивительно естественно переключился на другую тему. Стал рассказывать о своей службе на Дальнем Востоке, о богатствах этого края, его замечательных людях. Мысли он излагал свободно, интересно.

– Э, да мы увлеклись, Василий Фомич, – оборвал он свой рассказ. – Вот уже и ваша станция. Кстати, отсюда до города Сланцы рукой подать, приезжайте завтра часам к двенадцати.

Я воспользовался приглашением. На следующий день нашел командующего на территории шахты. Сначала не узнал его. В спецовке, в горняцкой каске, о чем-то оживленно беседовал с окружающими. Меня он с улыбкой пригласил:

– Товарищ Коньков, рабочие шахты предлагают познакомиться с их работой под землей. Вы нам не составите компанию?

Вскоре и на мне была такая же спецодежда. Где полусогнувшись, а то и ползком мы пробирались по длинным ходам к стрекочущим машинам, беседовали с шахтерами. М. М. Попов попросил шахтеров показать приемы работы, сам попробовал повторить их действия. И вот эта душевность, доверительность сразу как-то сближали командующего с окружающими, помогали ему быстро налаживать дружеские контакты.

Судьба меня сталкивала со многими военачальниками. Каждая такая встреча дорога по-своему. Но эта особенно. Я узнал своего командующего в необычной обстановке. К своему удивлению, заметил в этом волевом и сдержанном генерале, отличавшемся острым умом и быстротой реакции, столько душевного такта и теплоты!»

В мае генерал Попов вместе с начальником оперативного отдела штаба округа генерал-майором П. Г. Тихомировым были вызваны в Генеральный штаб. Несколько дней им пришлось отрабатывать вариант плана прикрытия и обороны границ округа на случай войны. Назывался этот документ «Записка по прикрытию государственной границы на территории Ленинградского военного округа». В нем, в частности, говорилось: «С целью обеспечения отмотилизования, окончательного развертывания войск ЛВО на основании директивы народного комиссара обороны СССР за № 503913/ов/сс от 14.5.41 г. разработан план прикрытия границ ЛВО.

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Прочной обороной укрепленных районов и полевых укреплений по линии государственной границы:

а) на Выборгском и Кексгольмском направлениях обеспечить надежную оборону Ленинграда, считая это основной задачей войск ЛВО;

б) не допустить прорыва фронта обороны и выхода противника к Ладожскому озеру;

в) обеспечить бесперебойную работу Кировской ж.д. и ни в коем случае не допускать выхода к ней противника;

г) совместно с Северным военно-морским флотом удерживать за собой полуострова Рыбачий и Средний, прочно прикрыть порт Мурманск и не допустить высадки морских десантов противника на побережье Кольского полуострова от Иоканьга до госграницы с Финляндией.

3. С 9-го дня мобилизации принять от ПрибОВО и совместно с Краснознаменным Б.Ф. обеспечить оборону побережья Эстонской ССР от Нарвского залива до залива Матсалулахт, не допустить на нем высадки морских десантов противника.

4. Обороной северного побережья Эстонской ССР и полуострова Ханко способствовать КБФ закрыть для морского флота противника вход в Финский залив.

5. Всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

6. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным ж.д. узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

7. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

8. При благоприятных условиях обстановки всем обороняющимся войскам, резервам армий и округа быть готовым по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов по противнику.

Соседи и их задачи

Справа – Архангельский военный округ, обороняет юго-восточную часть Кольского полуострова, вход и побережье Белого моря и г. Архангельск. Граница с ним – мыс Ленина (Святой Нос), Иоканьга, Порья.

Слева – ПрибОВО, обороняет побережье Балтийского моря к югу от зал. Матсалулахт и госграницу Литовской ССР, имея целью прочно прикрыть Рижское и Двинское направления. Граница с ним – Осташков, Остров, иск. Выру, Вильянди, зал. Матсалулахт, иск. острова Эзель и Даго.

Состав сил и средств

В состав войск прикрытия включаются: армейских упр. – три; управлений стр. корпусов – четыре; управлений мехкорпусов – два; стрелковых дивизий – семнадцать; танковых дивизий – четыре; мотострелковых дивизий – две; артполков РГК – восемь; авиационных дивизий – восемь, включая и пунктовую; укрепленных районов – семь и одна укрепленная позиция; пулеметных батальонов – тринадцать. Кроме того, поднимаются полностью инженерные части, части связи, части ПВО, формируемые на территории округа. Части ВОСО и тыловые части поднимаются только те, которые будут необходимы для обслуживания частей прикрытия.

Решение

Опираясь на укрепленные районы и полевые позиции, прочно оборонять Карельский перешеек, Петрозаводское, Ребол-Ухтинское, Кандалакшское и Мурманское направления, полуострова Рыбачий, Средний и Ханко, побережье Кольского полуострова и Финского залива в местах, выгодных для высадки морских десантов.

В промежутках между указанными направлениями вести только наблюдение пограничными войсками и авиацией...»

Далее в записке был расписан состав и задачи по районам прикрытия. Например, район прикрытия № 1 – 14-я армии (состав, задачи, задачи авиадивизии) и т. д. В заключение шли части, непосредственно подчиненные командующему войсками ЛВО (ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242).

Комментируя планы прикрытия, которые дорабатывались в приграничных округах накануне войны, авторы научного труда «1941 год – уроки и выводы» подчеркивают: «Прикрытие государственной границы в исследуемый период получило свое развитие в увеличении количества войск, расширении выполняемых задач и стирании грани между боевыми действиями по прикрытию и ведением первых крупных операций главными силами.

Вместе с тем анализ замысла и задач на прикрытие показывает, что расчеты Генерального штаба не подкреплялись реальными возможностями. Способность войск прикрытия обеспечить отражение от возможного внезапного удара противника оперативно-стратегического масштаба должна была строиться на всестороннем учете фактора времени, который приобретал еще большее значение, чем в предвоенные годы. Опыт начала войны подтвердил, что прикрытие, построенное на иллюзиях, а не фактических возможностях войск, оказалось весьма непрочным.

Кроме того, излишне жесткая централизация планирования привела к определенному шаблону в решениях и поэтому сковывала инициативу на местах».

24 мая генерал-лейтенант М. М. Попов во второй раз переступил порог кремлевского кабинета Сталина. В этот вечер (с 18.50 до 21.20) состоялось совещание, участниками которого стали заместитель вождя и нарком иностранных дел Молотов, нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, начальник Оперативного управления Генштаба Ватутин, начальник Главного управления ВВС Жигарев, а также командующие войсками пяти приграничных округов, члены Военных советов и командующие ВВС.

До сегодняшнего дня так и осталось неизвестным, о чем шла речь на этом совещании. Однако можно только предположить, что Сталину в тот день генералы докладывали именно планы прикрытия. Присутствие же командующих ВВС лишь подтверждает эту гипотезу, так как задачи авиации в планах прикрытия были наиболее важными. Судите сами. Например, все в той же «Записке по прикрытию государственной границы на территории Ленинградского военного округа» четко оговаривается: в каждом районе прикрытия авиадивизия решает следующие задачи (на примере 1-го района прикрытия 14-й армии): «Задачи авиадивизии:

- а) во взаимодействии с авиацией СВФ, зенитными средствами ПВО Мурманска и Полярного прикрыть порт Мурманск и базу Северного военного флота в Полярном;
- б) уничтожить авиацию противника на аэродромах в Салмиярви и Петсамо;
- в) во взаимодействии с частями Мурманского укрепленного района и Северным военным флотом не допустить высадки морских десантов, уничтожив их на воде;
- г) при наступлении противника из района Петсамо мощными ударами по скоплениям частей противника содействовать 14 сд в отражении и уничтожении его;
- д) иметь в виду поддержать части 42 ск в отражении противника, при наступлении его из района Мярьярви».

Вспоминая те дни, Маркиан Михайлович писал: «Очень напряженно жил и работал в те майские и июньские дни штаб округа. До утра не выключался свет в большинстве кабинетов, и даже по воскресеньям к подъездам штаба округа подходили автомашины с начальниками, спешившими на работу».

В конце мая генерал Попов посетил Эстонию и Ханко. Согласно директиве Генштаба перед Ленинградским округом ставилась конкретная и не самая простая задача: «С первого дня мобилизации принять от Прибалтийского Особого военного округа северную часть Эстонии с находившимся там 65-м стрелковым корпусом в составе двух дивизий и обеспечить оборону побережья Эстонской ССР и полуострова Ханко совместно с Краснознаменным Балтийским флотом». В поездку Попов взял с собой командующего Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца.

Маркиан Михайлович свидетельствует: «В Таллине начальник штаба флота контр-адмирал Ю. А. Пантелеев подробно ознакомил нас с боевым составом флота, его дислокацией, с развертыванием и его задачами на военное время. Особо внимательно были рассмотрены вопросы взаимодействия с сухопутными войсками, выделяемыми для обороны побережья.

Затем мне была предоставлена возможность побывать в военном порту и познакомиться с некоторыми классами кораблей. Мы с В. Ф. Трибуцем выезжали на отдельные, наиболее характерные участки побережья, а также на одну из береговых батарей, которая была поднята по боевой тревоге и продемонстрировала свою слаженность и готовность к открытию огня в установленные боевым расписанием сроки.

Даже поверхностное ознакомление с состоянием и жизнью флота убеждало в том, что на Балтике идет напряженная боевая подготовка, а неоднократные беседы с командованием приводили нас к выводу о неизбежности войны в самом недалеком будущем.

В ближайшую ночь мы с В. Ф. Трибуцем пересекли Финский залив, а на рассвете в порту Ханко нас встречали командир базы генерал СИ. Кабанов и находившийся в его оперативном подчинении командир 8-й стрелковой бригады полковник Н. П. Симоняк.

В кабинете СИ. Кабанов доложил о составе, состоянии и дислокации морских сил, береговых батарей, ходе работ по их укреплению, наличии запасов и других вопросах, характеризовавших в той или иной степени состояние базы. Затем Н. П. Симоняк по аккуратно вычерченной схеме кратко доложил о состоянии сухопутной обороны, о составе и состоянии бригады, дислокации ее частей и о ходе оборонительных работ.

Весь следующий день мы с Н. П. Симоняком посвятили изучению сухопутной обороны.

Все это надо было видеть собственными глазами, чтобы по достоинству оценить тот гигантский труд, который был уже вложен бойцами в строительство противотанковых рвов и эскарпов, в сооружение каменных, деревянных или каменно-деревянных пулеметных и оружейных точек. Нелегко было вытесывать, а затем перетаскивать огромные глыбы, предназначенные для гранитных надолб. Много усилий также было вложено для отрывки в скальном грунте траншей, окопов и наблюдательных пунктов, для установки колючей проволоки.

Более детально мы познакомились с ходом строительства капитальных железобетонных долговременных сооружений. Строились они неподалеку от переднего края, поэтому тщательно маскировались; они должны были прикрывать огнем весь перешеек. Однако состояние работ было еще очень далеко от завершения, их графики, как правило, срывались то по вине строителей, то по вине штаба округа, несвоевременно подававшего необходимые материалы и оборудование».

Генерал Б. В. Бычевский свидетельствует: «Командующий округом генерал-лейтенант Маркиан Михайлович Попов побывал на Ханко, осмотрел береговые укрепления и дал новые указания командиру базы генерал-лейтенанту С. И. Кабанову и командиру 8-й отдельной стрелковой бригады полковнику Н. П. Симоняку.

После этого, не дожидаясь, когда саперы закончат долговременные сооружения военно-морской базы, моряки-балтийцы и пехотинцы ускоренно стали создавать полевую оборону. Трехкилометровый перешеек па границе с Финляндией уже пересекал противотанковый ров, на наиболее опасных участках создавались дерево-земляные огневые точки.

Николай Павлович Симоняк, человек плотного сложения, на вид добродушный, но с приметной хитрецей в карих, узкого разреза глазах, говорил нам с П. А. Зайцевым:

– Так-то надежнее будет, когда еще дождемся вашего железобетона.

На северных участках границы с Финляндией, как и здесь, параллельно со строительством железобетонных сооружений войска строили полевые позиции.

По возвращении с Ханко в Ленинград я сразу же выехал по заданию командующего на Выборгский участок границы, где также форсировались оборонительные работы.

В штабе округа в эти дни внешне все выглядело обыденным, спокойным».

Прибыв на место, командующий не просто отдал все необходимые распоряжения, но и лично сам контролировал их исполнение. Однако сверху поступали все новые задачи, которые росли как снежный ком: «В десятых числах июня была получена директива Нар-

комата обороны, которой назначалась большая комиссия под председательством командующего Ленинградским военным округом с возложением на нее задач выбора площадок для строительства аэродромов для базирования истребительной и бомбардировочной авиации по берегам Баренцева моря.

Подобное поручение никак не устраивало меня как командующего, не успевшего еще в должной мере изучить войска и приграничную территорию округа. Поэтому пришлось до работы комиссии провести намечавшуюся ранее по плану оперативной подготовки полевую поездку по частям 14-й армии для изучения вопросов и условий прикрытия и обороны мурманского и Кандалакшского направлений, на которых, по данным разведки, на территории Финляндии уже начали сосредоточиваться немецкие войска».

В ходе полевой поездки, генерал Попов непосредственно на местности должен был изучить всевозможные варианты вторжения противника на советскую территорию, а также отработать необходимые мероприятия по противодействию своих войск.

Б. В. Бычевский пишет: «Командующий войсками выехал на кандалакшско-мурманское направление, взяв с собой большую часть старших командиров. На Дворцовой площади многие кабинеты опустели. За командующего остался начальник штаба округа генерал-майор Дмитрий Никитич Никишев».

Свои впечатления Маркиан Михайлович зафиксировал в рабочей тетради: «Пребывание на границе лишний раз убедило меня в том, насколько откровенно немцы и финны подводят свои войска к нашим рубежам и готовят плацдармы для наступления. Так, например, при ознакомлении с пограничным участком в районе Куолаярви (Кандалакшское направление) по докладам командира 122-й стрелковой дивизии и начальника погранотряда было установлено, что в непосредственной близости от госграницы против Куолаярви несколько дней тому назад началось сосредоточение и развертывание немецких войск, а немного южнее – финских частей. Белые ночи не позволили провести эти мероприятия скрытно, и они отлично наблюдались погранпостами, особенно с вышек и с наблюдательных пунктов, оборудованных на высоких деревьях.

С достаточной точностью были определены районы позиций некоторых батарей, рубежи подготавливаемых позиций, которые, как правило, из-за скального грунта возводились путем взрывов, участки ремонтируемых дорог, на которых царил оживление, ранее не свойственное этому району.

Да мы и лично наблюдали, поднимаясь на некоторые вышки пограничников, отчетливо видимые группы немецких офицеров, сновавшие непосредственно по линии госграницы, с биноклями и картами, группы солдат, передвигавшихся в равных направлениях, машины, носившиеся по дорогам, и много дымов – очевидно, от полевых кухонь, так как в жаркий июньский день вряд ли кто-нибудь разводил костры.

Дважды за время нашего пребывания в районе Куолаярви на средних высотах в сторону Кандалакши пролетали самолеты с опознавательными немецкими знаками.

Было над чем призадуматься под свежим впечатлением всего виденного и слышанного за эти дни. А опытный и боевой командир дивизии, пользуясь случаем, заметил: "Тут дело совершенно ясное и сомнению не подлежит. Наступать они будут наверняка. Как было бы хорошо и нам сесть в оборону, закрепиться и подготовиться к встрече врага".

Признаться, я и сам думал об этом, взвешивая в уме все "за" и "против". "За" – явная необходимость и целесообразность занятия и подготовки обороны. "Против" – отсутствие на этот счет твердых директив и опасение, что принятые нами меры могут быть использованы противной стороной для всевозможных провокаций.

Однако благоразумие брало верх, и, посоветовавшись с командующим 14-й армией генерал-лейтенантом В. А. Фроловым, я приказал 122-й дивизии немедленно перейти к обороне, прочно и хорошо закрепиться, но сделать это умело, не повторяя ошибок немцев и

финнов, которые создавали свои группировки очень откровенно. Белые ночи и нам не гарантировали скрытности развертывания и ведения оборонительных работ.

Командир дивизии заверил, что он все прекрасно понимает и примет все меры к тому, чтобы свои мероприятия максимально скрыть от немецкого наблюдения.

Я приказал командиру дивизии занимать оборону, закрепляться, ставить проволочные заграждения и мины.

По дороге в Мурманск мы с командармом обсудили во всех деталях обстановку на мурманском направлении, где в районе Петсамо, в непосредственной близости от границы, развертывались горнострелковые части немцев, недавно прибывшие сюда из Норвегии. В общих чертах это было известно из разведсводок Генштаба и пограничников, поэтому командарму оставалось только уточнить, что поведение немцев в районе Петсамо аналогично тому, что мы наблюдали в районе Куолаярви. То же сосредоточение войск, развертывание артиллерии на позициях, бесконечные, очень откровенные рекогносцировки немецких офицеров вдоль границы, большое оживление на всех путях, ведущих к нашей территории.

Полевая поездка подтвердила наши опасения, рождавшиеся в штабе округа, что на мурманское и Кандалакшское направления нацеливаются примерно по корпусу немецких войск, усиленных финнами, с очевидной задачей захвата весьма важных для нас пунктов – Мурманска, главной базы нашего Северного флота и единственного незамерзающего порта в этом районе, и Кандалакши, в результате чего врагу удалось бы перерезать Кировскую железную дорогу, по которой идет все снабжение Северного флота, 14-й армии и сравнительно большого населения Заполярья.

Мы считали совершенно необходимым распространить наше решение о переходе к обороне войск на Кандалакшском направлении на войска, предназначенные для прикрытия и обороны мурманского направления и побережий полуостровов Рыбачий и Кольский, о чем очень просил командарм и на что ему было дано разрешение.

В Мурманске мы подвели итоги нашей полевой поездки, внесли некоторые коррективы в разработанные ранее планы прикрытия, не меняя их основной сущности, – мурманское направление – две стрелковые дивизии, Кандалакшское – две стрелковые и одна танковая дивизии и, наконец, на кестеньгском направлении – один стрелковый полк.

Все мы отчетливо понимали, что для борьбы с создавшимися против нас группировками немецких и финских войск наших сил явно недостаточно, но никаких других возможностей мы не имели.

Мы могли полагаться на помощь, которую окажет нам Северный флот, на героизм, боевую выучку и стойкость наших воинов и в некоторой мере на тяжелый для наступающего характер местности.

Затем состоялось знакомство и первая встреча с командующим Северным флотом вице-адмиралом А. Г. Головкин, с которым установилась впоследствии настоящая дружба, продолжавшаяся до последних дней его жизни. Северный флот по вопросам сухопутной обороны оперативно подчинялся Ленинградскому военному округу, и нам обоим было о чем поговорить, несмотря на большую переписку между штабами округа и флота по оперативному взаимодействию на случай войны. Естественно, что в первую очередь посыпались вопросы ко мне, причем вопросы, связанные с оценкой общей политической и военной обстановки, так как в условиях того времени всякая дополнительная информация по волнующим вопросам представляла насущный интерес.

К концу нашей встречи А. Г. Головкин сообщил, что миноносец, выделенный для комиссии по выбору аэродромов, на котором я должен был отправиться, к выходу в море готов, и предложил уточнить время этого выхода.

Не лежала душа, как говорится, к этому расставанию с сушей почти на месячный срок. Однако не выполнить директивы наркома, конечно, было нельзя».

Маркиан Михайлович долго колебался, прежде чем решил позвонить маршалу Тимошенко. И вот на проводе Москва.

— Товарищ нарком, командующий войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Попов... — представился он и кратко доложил обстановку. В конце доклада откровенно заявил, что в этих условиях выход в море нецелесообразен.

— Хорошо, что позвонил. Выход в море пока отложим. Немедленно возвращайся в Ленинград, — строго ответил маршал.

Главный маршал авиации А. А. Новиков хорошо запомнил ту поездку. В своих мемуарах он расскажет об одном примечательном эпизоде: «В мае — июне 1941 г. в штаб округа шли сообщения о развертывании немецких войск на мурманском и Кандалакшском направлениях. С 10 июня в Финляндии началась скрытая мобилизация и переброска войск к нашей границе. Население приграничных районов эвакуировалось в глубь страны. В первых числах июня у границы все чаще стали появляться группы финских и немецких офицеров.

Активизировалась деятельность вражеской агентуры. Захваченные нами лазутчики подтвердили наличие в Финляндии значительных сил фашистских войск. Немецкие самолеты все чаще и чаще нарушали воздушную границу СССР. Но пресечь их полеты мы не могли. Незадолго до войны начальник оперативного отдела штаба округа генерал П. Г. Тихомиров сказал мне, что специальной директивой Генштаба запрещается выводить войска к границе и летать нашим самолетам в 10-километровой приграничной полосе.

Безнаказанность гитлеровских летчиков производила угнетающее впечатление. Иной раз рука сама собой тянулась к телефонной трубке, чтобы тут же вызвать командира той или иной истребительной авиадивизии и приказать ему немедленно сбить нарушителя.

Однажды я все же не стерпел. Случилось это во время полевой поездки ответственных работников штаба округа на северные участки советско-финляндской границы. Под Кандалакшей в Куолаярви Попов сделал остановку.

Я и сейчас, будто наяву, вижу тот июньский день, солнечный, тихий, почти безоблачный. С высоты, где мы находились, открывался великолепный вид на лесные, подернутые голубоватой дымкой дали. Все, у кого были бинокли, неотрывно смотрели в сторону государственной границы. Пограничники сообщили командующему о начавшемся выдвижении немецких войск к нашей территории. Действительно, над недавно безмолвными лесами там и сям висели полосы пыли. Это могло быть только от интенсивного движения больших масс людей и техники.

Прошло минут 15–20, и в полуденную тишину ворвался рокот мотора. Рокот, переходя в гул, быстро нарастал и приближался. И вот чуть в стороне от нас, четко фиксируясь на чистой лазури неба, показался воздушный разведчик со свастикой на плоскостях. Он летел на крейсерской скорости, и всем стало ясно, что немцы ведут фотосъемку приграничного района.

— Да что же это наконец! — воскликнул Маркиан Михайлович и резко повернулся ко мне. — Неужели мы ничего не можем предпринять и позволим этому наглецу совершить свое дело?

Я хотел было промолчать, ведь Попову и самому было известно, как велено поступать в таких случаях, но не сдержался.

— Конечно, можно, товарищ командующий! — быстро ответил я. — Нужно лишь ваше приказание посадить на ближайший полевой аэродром звено или эскадрилью истребителей и разрешить летчикам сбивать нарушителей границы. Наглецов как ветром сдует.

— Да-а! — с досадой протянул Попов и тяжело вздохнул.

По этому вздоху я понял, как даже командующий округом скован в своих действиях, и, подсадовав на свою бестактность, подумал, что в других западных приграничных округах

положение, наверное, еще хуже, что и их командующие, вероятно, вот так же смотрят на наглые полеты немцев и только молча ругаются от собственного бессилия.

Тогда я, конечно, не только не знал, но даже не предполагал, как далеко зашли гитлеровцы».

В Ленинград командующий возвращался поездом «Полярная стрела». Весь день 21 июня прошел в вагоне. Маркиан Михайлович смотрел в окно: «На редких здесь полях мирно трудились колхозники, а по бесчисленным озерам и рекам сновали рыбацьи лодки и баркасы».

На всех крупных станциях в вагон командующего на доклад заходили коменданты. Но пока все было спокойно. А из головы никак не выходило: «Перед отъездом начальник Ленинградского торгового порта сообщил мне о том, что немецкие торговые суда, обычно в большом количестве стоявшие у стенок Ленинградского порта, начинают спешно покидать порт, не закончив грузовых операций.

Казалось очень подозрительным и поведение сотрудников германского консульства в Ленинграде. Как нам стало известно, днем они резали на мелкие части множество бумаг и документов, а по ночам, примерно между 24 и 1 часом ночи, когда в условиях белых июньских ночей относительно темнеет, жгли их, поливая керосином, в топках своей котельной. Более того, жены сотрудников консульства, обычно заказывавшие себе наряды у ленинградских портних, примерно в эти же дни всячески торопили портних с выполнением работ или просто забирали у них свой материал, не останавливаясь перед уплатой неустойки».

В Петрозаводск поезд прибыл 22 июня около 4 утра. На перроне генерала Попова ожидали генерал-лейтенант Ф. Д. Гореленко, секретарь ЦК Карело-Финской ССР и начальник Кировской железной дороги. Они сразу же «сообщили о полученном распоряжении из Москвы: вагон командующего от поезда отцепить и вне графика безостановочно доставить его в Ленинград, для чего выделить отдельный паровоз. Этот паровоз уже готов, и через несколько минут можно отправляться.

Распоряжение о срочной доставке вагона командующего в Ленинград, естественно, вызвало у них озабоченность и настороженность. Однако в тот час и в те минуты мы могли только предполагать, что назревают какие-то события, несомненно, связанные с войной. Мы ничего не могли объяснить товарищам, а так как маневровый паровоз уже тянул вагон по путям станции, пришлось наскоро рассказать об обстановке и решениях, принятых на севере, т. е. на участке 14-й армии, и предложить командарму Ф. Д. Гореленко, на участке которого финские части уже были выдвинуты к границе, срочно привести войска в боевую готовность и занять ими оборону по плану прикрытия.

Мы с членом Военного совета корпусным комиссаром Н. Н. Клементьевым ломали головы в догадках, что означает это распоряжение о срочной доставке нас в Ленинград. Что это не случайно, а вызвано какими-то особыми событиями, сомнений быть не могло. Больше, конечно, не спалось, временами мы включали радио, но советские станции, как обычно, в это время молчали, а из-за границы передавалась легкая, преимущественно танцевальная, музыка. Это было в ночь перед началом войны».

Когда до Ленинграда оставалось половина пути, поезд сделал первую остановку. На часах было около 7 утра. В вагон командующего вошел комендант станции с противогоздом, который, представившись, доложил:

– Товарищ генерал, остановка вызвана необходимостью проверить буксы, и будет очень короткой, а дальше поезд проследует без остановок.

Маркиан Михайлович обратил внимание на заметную взволнованность коменданта. Как оказалось, «час тому назад по селекторной связи из Ленинграда передали только для сведения начальника станции и коменданта сообщение, что немцы около 4 часов утра отбомбили на западе ряд наших городов и железнодорожных узлов и после сильного артиллерий-

ского обстрела перешли границу и вторглись на нашу территорию. Им обоим приказано приступить к проведению мероприятий по плану от мобилизации».

И вот поезд тронулся и гораздо быстрее, чем раньше, помчался к городу на Неве. Незаметно прошла самая короткая и самая светлая из белых ночей...

Было 10 часов, когда состав «Полярной стрелы» мягко подошел к вокзалу. Не успел поезд остановиться, как в вагон командующего вошел встречающий генерал-лейтенант Пядышев и доложил обстановку: «Около 1 часа ночи была получена директива наркома, предупреждавшая о том, что 22–23 июня возможно нападение гитлеровских войск на нашу страну. Директивой требовалось привести войска в боевую готовность и занять огневые точки в укрепрайонах на госгранице. Штаб округа тут же был собран по боевой тревоге, и войскам направлены были соответствующие указания. Около 5 часов утра стало известно, что после бомбардировочных ударов по ряду наших городов, портов, аэродромов и железнодорожных узлов, вслед за сильной артиллерийской подготовкой, немцы на западе перешли границу и вторглись на нашу территорию.

На всем протяжении финской границы пока было спокойно. В 4 часа утра немецкие самолеты летали над базой Северного флота – Полярный. Ленинград и другие объекты на территории округа бомбардировке не подверглись. Все войска приступили к выполнению задач по плану прикрытия и от мобилизации. В штабе округа находился генерал армии К. А. Мерецков, прибывший утром как представитель наркома».

С вокзала сразу же выехали в штаб. Это был не просто воскресный, а солнечный и довольно жаркий день. На Невском проспекте царил вполне обычное оживление. И хотя о начале войны официально еще не было объявлено, слухи о ней среди горожан ходили полным ходом. Об этом рассказал Маркиану Михайловичу шофер, старый ленинградец, тут же добавив: «Хотя пока никто этому не хочет верить».

Как вспоминает генерал Б. Г. Бычевский, «Маркиан Михайлович Попов принял Ленинградский округ только в феврале 1941 г. Но до начала войны успел уже объездить всю его огромную территорию от Баренцева моря до полуострова Ханко. Командующий слыл непоседой, и мне всегда почему-то казалось, что служебный кабинет тесен для него».

Стоит лишь добавить, что молодого командующего любили, уважали и ценили. Он как-то особенно отличался от иных умом и человечностью. Большая редкость для генерала, военачальника и сегодня.

Часть вторая

Без добродетели нет ни славы, ни чести.
А. В. Суворов

Война – неотъемлемая часть конкуренции, такой же борьбы человеческих интересов и поступков.
Карл фон Клаузевиц

Командующий войсками Северного фронта

Прибыв в штаб на Дворцовую площадь, Маркиан Михайлович сразу же прошел в кабинет начальника штаба. Там уже находились сам хозяин кабинета, начальник оперативного отдела, начальник разведывательного отдела и другие генералы, и офицеры, склонившиеся над картами, разложенными на большом столе. Генерал армии К. А. Мерецков, прибывший из Москвы, говорил в это время по телефону.

Генерал Никишев доложил командующему: «...все идет по плану и войска выдвигаются в свои районы в соответствии с их задачами, и показал недавно полученную директиву наркома, требующую от всех приграничных округов активных действий, с тем чтобы уничтожить вражеские силы в районах, где они нарушили нашу границу. Далее директива требовала ударами нашей авиации "уничтожить авиацию на аэродромах противника и разгромить основные группировки его наземных войск", но на территорию Финляндии и Румынии налетов до особых указаний не делать».

Генерал Тихомиров докладывал следующим: ему «после больших трудов удалось связаться с операторами Северо-Западного фронта и получить от них некоторую информацию, из которой следовало, что войска 8-й и 11 – й армий под ударами превосходящих, преимущественно танковых, сил противника почти на всем протяжении оставили линию госграницы и отходят в глубь нашей территории».

Наконец закончил свой разговор Мерецков и, поздоровавшись, сказал: «Из Генштаба трудно добиться каких-либо данных о положении у наших соседей, но ясно одно: против Западного фронта противник развернул наступление также крупными силами и местами уже глубоко вторгся на нашу территорию, особенно на стыке с Северо-Западным фронтом. Везде идут упорные бои».

В 12 часов все присутствовавшие по приемнику слышали заявление правительства о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Начались непрерывные звонки: из армий, из Северного и Балтийского флотов, из Генштаба. Все требовали немедленных и исчерпывающих ответов. Но их не было...

Далее М. М. Попов рассказывает: «Наметив с Д. Н. Никишевым план работы на ближайшие часы, мы с К. А. Мерецковым спустились в мой кабинет, пригласив с собой начальника разведывательного отдела штаба округа П. П. Евстигнеева для того, чтобы во всех деталях разобраться в обстановке на финской границе и прежде всего уточнить характер группировки, созданной финнами и немцами против нас.

Доклад П. П. Евстигнеева, подкрепленный целым рядом документов, убеждал в том, что на мурманском и Кандалакшском направлениях развернулись по одному немецкому корпусу, усиленных финскими войсками.

На петрозаводском направлении и против Карельского перешейка, как и предполагалось, развернулась главная группировка финнов в составе 12–14 пехотных дивизий и 4–

5 пехотных дивизий и 4–5 отдельных бригад, из них более половины против Карельского перешейка.

Соотношение сил на любом из рассмотренных направлений и на всем театре военных действий складывалось явно не в нашу пользу.

Трудно было найти причины тому, что ни немцы, ни финны не начали сразу же наступления одновременно с развертыванием боевых действий на западных границах нашей страны.

Возможно, таков был план войны – начинать наступление против Ленинграда лишь после того, как обозначиться значительный успех на западе, или же первоначальная пассивность противника объяснялась недостаточной готовностью финнов и гитлеровских корпусов на севере. В те часы было трудно найти ответы на эти вопросы, но следовало сделать только один вывод, что наступление на нашем участке фронта может начаться в любой день и даже в любой час. Соответственно этому следовало принять меры к усилению обороны...»

О том, в каком положении и состоянии война застала войска Ленинградского военного округа под командованием генерал-лейтенанта М. М. Попова, говорится в научном труде «1941 год – уроки и выводы»: «Все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях, 1-я танковая дивизия перевозилась из района Пскова в район Алакурти. 11-я стрелковая дивизия начала передислокацию в состав 8-й армии Прибалтийского военного округа, 52-я стрелковая дивизия выдвигалась на мурманское, а 104-я стрелковая дивизия на Кандалакшское направления.

Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия.

Вместе с тем даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с запозданием на 3 суток, так как имелось распоряжение Главного Командования: "Мероприятия по развертыванию не проводить и не давать финнам повода для провокации". Явным просчетом Генерального штаба явилось также недостаточное прикрытия петрозаводского направления. Войска 23-й армии на Карельском перешейке заняли крайне невыгодный рубеж на государственной границе. Наиболее целесообразным рубежом для организации обороны, как показали последующие события, был рубеж в 15–30 км от границы.

В составе округа имелось 3 стрелковых и 2 механизированных корпуса: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 стрелковая бригада».

Что же касается предвоенных планов обороны границы, то в Ленинградском военном округе она планировалась следующим образом: «... на фронте 1670 км по принципу прикрытия наиболее важных направлений. Оборона первого участка границы, от Баренцева моря до Ладожского озера, шириной около 1000 км возлагалась на 14-ю и 7-ю армии, второй участок, между Ладожским озером и Финским заливом, обороняла 23-я армия.

Войска округа организовывали 5 районов прикрытия (РП). РП № 1 обороняла 14-я армия во взаимодействии с 5 погранотрядами, силами Северного флота и его береговой обороной, прочно прикрывая направление на Мурманск. РП № 2 занимала 7-я армия, прикрывая ухтинское, ребольское, петрозаводское и оловецкое направления, 23-я армия, обороняя РП № 3, выполняла основную задачу войск округа, надежно прикрывая Ленинград. РП № 4 и 5, обороняемые 65-м усиленным стрелковым корпусом и 8-й отдельной стрелковой бригадой, совместно с силами Балтийского флота прикрывали северное побережье Эстонской ССР, полуостров Ханко и вход в Финский залив.

Все 5 районов прикрытия были разделены на 15 участков. Количество участков, их состав и задачи определялись размерами фронта обороны и важностью прикрываемого направления.

В непосредственном распоряжении командующего округом оставался 1-й механизированный корпус (без танковой дивизии), 70, 177 и 191-я стрелковые дивизии, а также 5 авиационных дивизий.

Всего для прикрытия границы в округе планировалось использовать: армий – 3, стрелковых корпусов – 4, механизированных корпусов – 2, дивизий – 23 (в том числе: стрелковых – 17, танковых – 4, механизированных – 2), авиационных дивизий – 8, артиллерийских полков РКК – 8, укрепленных районов – 7.

При благоприятных условиях обороняющимся войскам и резервам армий и округа предписывалось быть в готовности к переходу в наступление».

Ночь с 22 на 23 июня 1941 г. для командующего стала второй бессонной и гораздо более напряженной. Одному Богу было известно, сколько он выкурил тогда папирос. Но на всех границах округа она прошла без происшествий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.